А. Богдановъ.

Красная Звѣзда.

(Утопія).

С.-Петербургъ.
1908.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Эмпиріомонизмъ, ч. I, 2-ое изд., М., 1905, ц. 80 к.
ч. II, 2-ое изд., Спб., 1907, ц. 70 к.
ч. III, Спб., 1906, ц. 75 к.
(въ изданіи С. Доровзтовскаго и А. Чарушникова).

Изъ психологіи общества, Спб., 1906, 2-ое изд., ц. 80 к. (изд. „Паллада").

Новый міръ, М. 1905, изд. С. Доров. и А. Чарушн. ц. 40 к.

Познаніе съ историч. точки зрѣнія, Спб. 1901, ц. 1 р.

Основные элементы историч. взгляда на природу, Спб. 1898, ц. 2 р. (изданіе акц.. общ. „Издатель").

Краткій курсъ экономич. науки, М. 1906, 9-ое изд., ц. 60. к. (изданіе С. Доров. и А. Чарушн.)

Что такое либералы? Спб. 1907, изд. перераб. и дополн., ц. 4 к. (изд. „Впередъ").

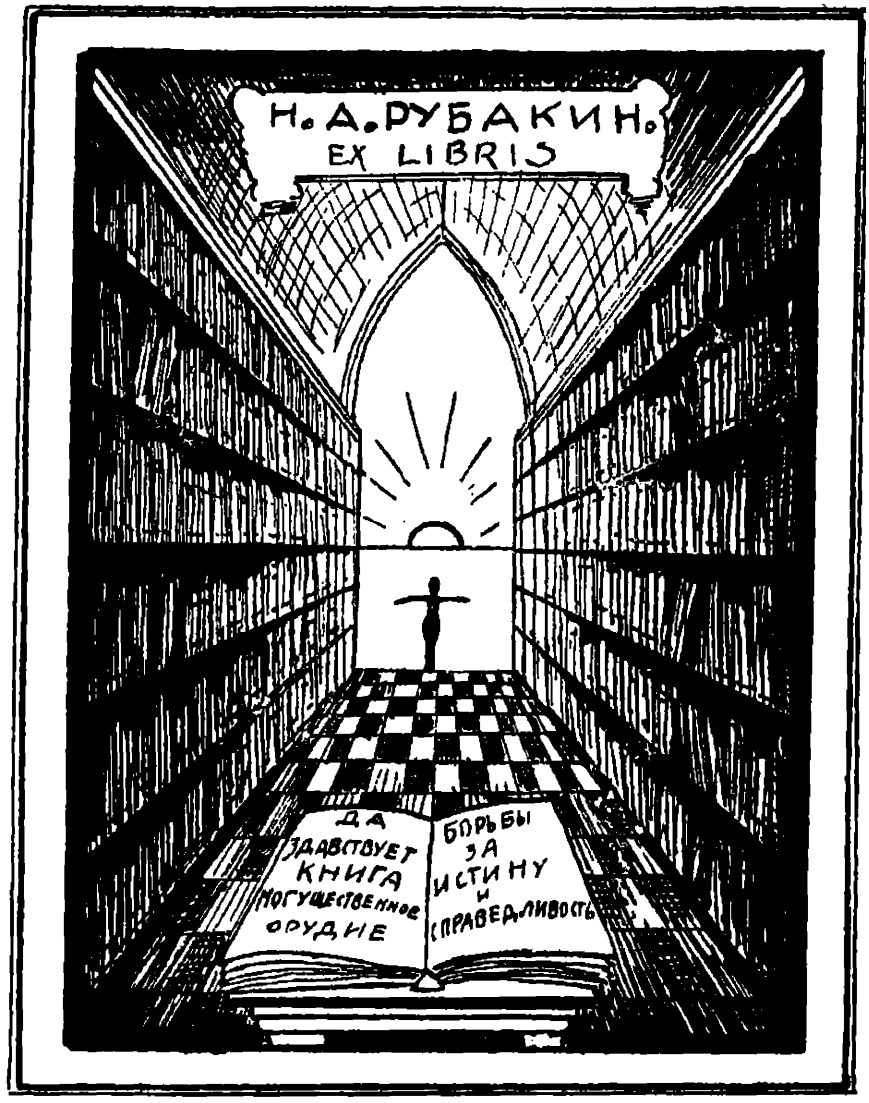
(Н. Вернеръ) Куда идетъ развитіе общества, Спб. 1905. ц. 2 к. (изд. „Молотъ").

А. БОГДАНОВЪ.

КРАСНАЯ ЗВѢЗДА.

(УТОПІЯ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Т-во Художественной Печати", Ивановская, 14.
1908.


Н. А. РУБАКИН.
EX LIBRIS
ДА
ЗДРАВСТВУЕТ
КНИГА
МОГУЩЕСТВЕННОЕ
ОРУДИЕ
БОРЬБЫ
ЗА
ИСТИНУ
И
СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Посвящается

моему сотруднику.

Авторъ.

Докторъ Вернеръ

литературу Мірскому.

Вамъ, товарищъ, посылаю я записки Леонида. Онъ желалъ издать ихъ,—Вы лучше меня съумѣете устроить это. Самъ онъ скрылся. Я бросаю лечебницу и ѣду отыскивать его. Думаю найти его въ Горномъ Районѣ, гдѣ сейчасъ начинаются серьезныя событія. Повидимому, цѣль бѣгства—попытка косвеннаго самоубійства. Это—результатъ все той-же душевной болѣзни. А между тѣмъ, онъ былъ такъ близокъ къ полному выздоровленію...

Какъ только что-нибудь узнаю, сообщу Вамъ.

Горячій привѣтъ

Вашъ ***Н. Вернеръ.***

24 іюля 1902 (8 или 9—неразборчиво).

Рукопись Леонида.

ЧАСТЬ I.

I. Разрывъ.

Это было тогда, когда только начиналась та великая ломка въ нашей странѣ, которая идетъ еще до сихъ поръ, и я думаю, близится теперь къ своему неизбѣжному, грозному концу.

Ея первые, кровавые дни такъ глубоко потрясли общественное сознаніе, что всѣ ожидали скораго и свѣтлаго исхода борьбы: казалось, что худшее уже совершилось, что ничего еще худшаго не можетъ быть. Никто не представлялъ себѣ, до какой степени цѣпки костлявыя руки мертвеца, который давилъ—и еще продолжаетъ давить—живого въ своихъ судорожныхъ объятіяхъ.

Боевое возбужденіе стремительно разливалось въ массахъ. Души людей беззавѣтно раскрывались настрѣчу будущему; настоящее расплывалось въ розовомъ туманѣ, прошлое уходило куда-то вдаль, исчезая изъ глазъ. Всѣ человѣческія отношенія стали неустойчивы и непрочны, какъ никогда раньше.

Въ эти дни произошло то, что перевернуло мою жизнь и вырвало меня изъ потока народной борьбы.

Я былъ, несмотря на свои двадцать семь лѣтъ, однимъ изъ „старыхъ“ работниковъ партіи. За мною числилось шесть лѣтъ работы, съ перерывомъ всего на годъ тюрьмы. Я раньше, чѣмъ многіе другіе, почувствовалъ приближеніе бури, и спокойнѣе, чѣмъ они, ее встрѣтилъ. Работать приходилось гораздо больше прежняго; но я вмѣстѣ съ тѣмъ не бросалъ ни своихъ научныхъ занятій—меня особенно интересовалъ вопросъ о строеніи матеріи,—

ни литературныхъ: я писалъ въ дѣтскихъ журналахъ, и это давало мнѣ средства къ жизни. Въ то же время я любилъ... или мнѣ казалось, что любилъ.

Ея партійное имя было Анна Николаевна.

Она принадлежала къ другому, болѣе умѣренному теченію нашей партіи. Я объяснялъ это мягкостью ея натуры и общей путаницей политическихъ отношеній въ нашей странѣ; несмотря на то, что она была старше меня, я считалъ ее еще не вполнѣ опредѣлившимся человѣкомъ. Въ этомъ я ошибался.

Очень скоро послѣ того какъ мы сошлись съ нею, различіе нашихъ натуръ стало сказываться все замѣтнѣе и все болѣзненнѣе для насъ обоихъ. Постепенно оно приняло форму глубокаго идейнаго разногласія — въ пониманіи нашего отношенія къ революціонной работѣ и въ пониманіи смысла нашей собственной связи.

Она шла въ революцію подъ знаменемъ долга и жертвы, я — подъ знаменемъ моего свободнаго желанія. Къ великому движенію пролетаріата она примыкала, какъ моралистка, находящая удовлетвореніе въ его высшей нравственности, я — какъ аморалистъ, который просто любитъ жизнь, хочетъ ея высшаго расцвѣта, и потому вступаетъ въ то ея теченіе, которое воплощаетъ главный путь исторіи къ этому расцвѣту. Для Анны Николаевны пролетарская этика была священна сама по себѣ; я же считалъ, что это — полезное приспособленіе, необходимое рабочему классу въ его борьбѣ, но преходящее, какъ сама эта борьба и порождающій ее строй жизни. По мнѣнію Анны Николаевны, въ соціалистическомъ обществѣ можно было предвидѣть только преобразованіе классовой морали пролетаріата въ общечеловѣческую; я же находилъ, что пролетаріатъ уже теперь идетъ къ уничтоженію всякой морали, и что соціальное чувство, дѣлающее людей товарищами въ трудѣ и радости и страданіи, разовьется вполнѣ свободно только тогда, когда сброситъ фетишистическую оболочку нравственности. Изъ этихъ разногласій рождались нерѣдко противорѣчія въ оцѣнкѣ политическихъ и соціальныхъ фактовъ, противорѣчія, которыя примирить было, очевидно, нельзя.

Еще острѣе мы разошлись во взглядахъ на наши собственныя отношенія. Она считала, что любовь обязываетъ — къ уступкамъ, къ жертвамъ, и главное — къ вѣрности, пока бракъ продолжается

Я на дѣлѣ вовсе не собирался вступать въ новыя связи, но не могъ и признать обязательства вѣрности, именно какъ обязательства. Я даже полагалъ, что многобрачіе принципіально выше единобрачія, такъ какъ оно способно дать людямъ и большее богатство личной жизни и большее разнообразіе сочетаній въ сферѣ наслѣдственности. На мой взглядъ, только противорѣчія буржуазнаго строя дѣлаютъ въ наше время многобрачіе частью просто неосуществимымъ, частью привилегіей эксплуататоровъ и паразитовъ, все грязнящихъ своей разлагающейся психологіей; будущее и здѣсь должно принести глубокое преобразованіе. Анну Николаевну такія воззрѣнія жестоко возмущали: она видѣла въ нихъ попытку облечь въ идейную форму грубо чувственное отношеніе къ жизни.

И все же я не предвидѣлъ и не предполагалъ неизбѣжности разрыва,—когда въ нашу жизнь проникло постороннее вліяніе, которое ускорило развязку.

Около этого времени въ столицу пріѣхалъ молодой человѣкъ, носившій необычное у насъ конспиративное имя Мэнни. Онъ привезъ съ Юга нѣкоторыя сообщенія и порученія, по которымъ можно было видѣть, что онъ пользуется полнымъ довѣріемъ товарищей. Выполнивши свое дѣло, онъ еще на нѣкоторое время рѣшилъ остаться въ столицѣ, и сталъ нерѣдко заходить къ намъ, обнаруживая явную склонность ближе сойтись со мною.

Это былъ человѣкъ оригинальный во многомъ, начиная съ наружности. Его глаза были настолько замаскированы очень темными очками, что я не зналъ даже ихъ цвѣта; его голова была нѣсколько непропорціонально велика; черты его лица, красивыя, но удивительно неподвижныя и безжизненныя, совершенно не гармонировали съ его мягкимъ и выразительнымъ голосомъ, такъ же какъ и съ его стройной, юношески-гибкой фигурой. Его рѣчь была свободной и плавной, и всегда полной содержанія. Его научное образованіе было очень разностороннее; по спеціальности онъ былъ, повидимому, инженеръ.

Въ бесѣдѣ Мэнни имѣлъ склонность постоянно сводить частные и практическіе вопросы къ общимъ идейнымъ основаніямъ. Когда онъ бывалъ у насъ, выходило всегда какъ-то такъ, что противорѣчія натуръ и взглядовъ у меня съ женой очень скоро выступали на первый планъ, настолько отчетливо и ярко, что мы начинали мучительно чувствовать ихъ безъисходность. Міровоззрѣніе

Мэнни было, повидимому, сходно съ моимъ; онъ всегда высказывался очень мягко и осторожно по формѣ, но столь же рѣзко и глубоко по существу. Наши политическія разногласія съ Анной Николаевной онъ умѣлъ такъ искусно связывать съ основнымъ различіемъ нашихъ міровоззрѣній, что эти разногласія казались психологически неизбѣжными, почти логическими выводами изъ нихъ, и исчезала всякая надежда повліять другъ на друга, сгладить противорѣчія и прійти къ чему-нибудь общему. Анна Николаевна питала къ Мэнни нѣчто въ родѣ ненависти, соединенной съ живымъ интересомъ. Мнѣ онъ внушалъ большое уваженіе и смутное недовѣріе: я чувствовалъ, что онъ идетъ къ какой-то цѣли, но не могъ понять, къ какой.

Въ одинъ изъ январскихъ дней—это было уже въ концѣ января—предстояло обсужденіе въ руководящихъ группахъ обоихъ теченій партіи проэкта массовой демонстраціи, съ вѣроятнымъ исходомъ въ вооруженное столкновеніе. Наканунѣ вечеромъ пришелъ къ намъ Мэнни и поднялъ вопросъ объ участіи въ этой демонстраціи, если она будетъ рѣшена, самихъ партійныхъ руководителей. Завязался споръ, который быстро принялъ жгучій характеръ.

Анна Николаевна заявила, что всякій, кто подаетъ голосъ за демонстрацію, нравственно обязанъ итти въ первыхъ рядахъ. Я находилъ, что это вообще вовсе не обязательно, а итти слѣдуетъ тому, кто тамъ необходимъ, или кто можетъ быть серьезно полезенъ, при чемъ имѣлъ въ виду именно себя, какъ человѣка съ нѣкоторымъ опытомъ въ подобныхъ дѣлахъ. Мэнни пошелъ дальше, и утверждалъ, что въ виду, очевидно, неизбѣжнаго столкновенія съ войсками, на полѣ дѣйствія должны находиться уличные агитаторы и боевые организаторы, политическимъ же руководителямъ тамъ совсѣмъ не мѣсто, а люди физически слабые и нервные могутъ быть даже очень вредны. Анна Николаевна была прямо оскорблена этими разсужденіями, которыя ей казались направленными спеціально противъ нея. Она оборвала разговоръ и ушла въ свою комнату. Скоро ушелъ и Мэнни.

На другой день мнѣ пришлось встать рано утромъ и уйти, не повидавшись съ Анной Николаевной, а вернуться уже вечеромъ. Демонстрація была отклонена и въ нашемъ комитетѣ и, какъ я узналъ, въ руководящемъ коллективѣ другого теченія. Я

былъ этимъ доволенъ, потому что зналъ, насколько недостаточна подготовка для вооруженнаго конфликта, и считалъ такое выступленіе безплодной растратой силъ. Мнѣ казалось, что это рѣшеніе нѣсколько ослабитъ остроту раздраженія Анны Николаевны изъ-за вчерашняго разговора... На столѣ у себя я нашелъ записку отъ Анны Николаевны:

„Я уѣзжаю. Чѣмъ больше я понимаю себя и васъ, тѣмъ болѣе для меня становится ясно, что мы идемъ разными путями, и что мы оба ошиблись. Лучше намъ больше не встрѣчаться. Простите“.

Я долго бродилъ по улицамъ, утомленный, съ чувствомъ пустоты въ головѣ и холода въ сердцѣ. Когда я вернулся домой, то засталъ тамъ неожиданнаго гостя: у моего стола сидѣлъ Мэнни и писалъ записку.

II. Приглашеніе.

— Мнѣ надо переговорить съ вами по одному очень серьезному и нѣсколько странному дѣлу,—сказалъ Мэнни.

Мнѣ было все равно; я сѣлъ и приготовился слушать.

— Я читалъ вашу брошюру объ электронахъ и матеріи,— началъ онъ.—Я самъ нѣсколько лѣтъ изучалъ этотъ вопросъ, и полагаю, что въ вашей брошюрѣ много вѣрныхъ мыслей.

Я молча поклонился. Онъ продолжалъ.

— Въ этой работѣ у васъ есть одно особенно интересное для меня замѣчаніе. Вы высказали тамъ предположеніе, что электрическая теорія матеріи, необходимо представляя силу тяготѣнія въ видѣ какого-то производнаго отъ электрическихъ силъ притяженія и отталкиванія, должна привести къ открытію тяготѣнія съ другимъ знакомъ—т. е. къ полученію такого типа матеріи, который отталкивается, а не притягивается землей, солнцемъ и другими знакомыми намъ тѣлами; вы указывали для сравненія на діамагнитное отталкиванье тѣлъ и на отталкиванье параллельныхъ токовъ разнаго направленія. Все это сказано мимоходомъ, но я думаю, что сами вы придавали этому больше значенія, чѣмъ хотѣли обнаружить.

— Вы правы,—отвѣтилъ я,—и я думаю, что именно на такомъ пути человѣчество рѣшитъ какъ задачу вполнѣ свободнаго

воздушнаго передвиженія, такъ затѣмъ и задачу сообщенія между планетами. Но вѣрна ли сама по себѣ эта идея или нѣтъ, она совершенно безплодна до тѣхъ поръ, пока нѣтъ точной теоріи матеріи и тяготѣнія. Если другой типъ матеріи и существуетъ, то просто найти его, очевидно, нельзя: силою отталкиванья онъ давно уже устраненъ изъ всей солнечной системы, а еще вѣрнѣе—онъ не вошелъ въ ея составъ, когда она начинала организоваться въ видѣ туманности. Значитъ, этотъ типъ матеріи надо еще теоретически конструировать, и затѣмъ практически воспроизвести. Теперь же для этого нѣтъ данныхъ, и можно, въ сущности, только предчувствовать самую задачу.

— И тѣмъ не менѣе эта задача уже разрѣшена,—сказалъ Мэнни.

Я взглянулъ на него съ изумленіемъ. Лицо его было все такъ же неподвижно; но въ его тонѣ было что-то такое, что не позволяло считать его за шарлатана.

„Можетъ быть, душевно-больной",—мелькнуло у меня въ головѣ.

— Мнѣ нѣтъ надобности обманывать васъ, и я хорошо знаю, что говорю,—отвѣчалъ онъ на мою мысль.—Выслушайте меня терпѣливо, а затѣмъ, если надо, я представлю доказательства.— И онъ разсказалъ слѣдующее.

— Великое открытіе, о которомъ идетъ рѣчь, не было совершено силами отдѣльной личности. Оно принадлежитъ цѣлому научному обществу, существующему довольно давно, и долго работавшему въ этомъ направленіи. Общество это было до сихъ поръ тайнымъ, и я не уполномоченъ знакомить васъ ближе съ его происхожденіемъ и исторіей, пока намъ не удастся столковаться въ главномъ.

— Общество наше значительно опередило академическій міръ во многихъ важныхъ вопросахъ науки. Радіирующіе элементы и ихъ распаденіе были извѣстны намъ гораздо раньше Кюри и Рамсэя, и нашимъ товарищамъ удалось гораздо дальше и глубже провести анализъ строенія матеріи. На этомъ пути была предусмотрѣна возможность существованія элементовъ, отталкиваемыхъ земными тѣлами, а затѣмъ выполненъ и синтезъ этой „минусъ-матеріи", какъ мы ее кратко обозначаемъ.

— Послѣ этого было уже нетрудно разработать и осуществить техническія примѣненія этого открытія — сначала летательные аппараты для передвиженія въ земной атмосферѣ, а потомъ и для сообщенія съ другими планетами.

Несмотря на спокойно-убѣдительный тонъ Мэнни, его разсказъ казался мнѣ слишкомъ страннымъ и неправдоподобнымъ,

— И вы съумѣли все это выполнить и сохранить въ тайнѣ?—замѣтилъ я, прерывая его рѣчь.

— Да, потому что мы считали это въ высшей степени важнымъ. Мы находили, что было бы очень опасно опубликовать наши научныя открытія, пока въ большинствѣ странъ остаются реакціонныя правительства. И вы, русскій революціонеръ, болѣе чѣмъ кто-либо должны съ нами согласиться. Посмотрите, какъ ваше азіатское государство пользуется европейскими способами сообщенія и средствами истребленія, чтобы подавлять и искоренять все, что есть у васъ живого и прогресивнаго. Многимъ ли лучше правительство той полу-феодальной, полу-конституціонной страны, тронъ которой занимаетъ воинственно-болтливый глупецъ, управляемый знатными мошенниками? И чего стоятъ даже двѣ мѣщанскія республики Европы? А между тѣмъ ясно, что если бы наши летательныя машины стали извѣстны, то правительства прежде всего позаботились бы захватить ихъ въ свою монополію, и использовать для усиленія власти и могущества высшихъ классовъ. Этого мы рѣшительно не желаемъ, и потому оставляемъ монополію за собой, выжидая болѣе подходящихъ условій.

— И вамъ въ самомъ дѣлѣ уже удалось достигнуть другихъ планетъ?—спросилъ я.

— Да, двухъ ближайшихъ, теллурическихъ планетъ, Венеры и Марса, не считая, конечно, мертвой Луны. Именно теперь мы заняты ихъ подробнымъ изслѣдованіемъ. У насъ есть всѣ необходимыя средства, намъ нужны люди, сильные и надежные. По полномочію отъ моихъ товарищей, я предлагаю вамъ вступить въ наши ряды,—разумѣется, со всѣми вытекающими изъ этого правами и обязательствами.

Онъ остановился, ожидая отвѣта. Я не зналъ, что думать.

— Доказательства!—сказалъ я:—вы обѣщали представить доказательства.

Мэнни вынулъ изъ кармана стеклянный флаконъ съ какой-то металлической жидкостью, которую я принялъ за ртуть. Но страннымъ образомъ эта жидкость, наполнявшая не больше трети флакона, находилась не на днѣ его, а въ верхней части, около горлышка, и въ горлышкѣ до самой пробки. Мэнни перевернулъ флаконъ, и жидкость перелилась ко дну, т. е. прямо вверхъ. Мэнни выпустилъ склянку изъ рукъ, и она повисла въ воздухѣ. Это было невѣроятно, но несомнѣнно и очевидно.

— Флаконъ этотъ изъ обыкновеннаго стекла,—пояснилъ Мэнни,—а налита въ него жидкость, которая отталкивается тѣлами солнечной системы. Жидкости налито ровно столько, чтобы уравновѣсить тяжесть флакона; такимъ образомъ то и другое вмѣстѣ не имѣетъ вѣса. По этому способу мы устраиваемъ и всѣ летательные аппараты: они дѣлаются изъ обыкновенныхъ матеріаловъ. но заключаютъ въ себѣ резервуаръ, наполненный достаточнымъ количествомъ „матеріи отрицательнаго типа“.—Затѣмъ, остается дать всей этой невѣсомой системѣ надлежащую скорость движенія. Для земныхъ летательныхъ машинъ примѣняются простые электрическіе двигатели съ крыльями; для между-планетнаго передвиженія этотъ способъ, конечно, негоденъ, и тутъ мы пользуемся совершенно инымъ методомъ, съ которымъ впослѣдствіи я могу познакомить васъ ближе.

Сомнѣваться больше не приходилось.

— Какія же ограниченія налагаетъ ваше общество на вступающихъ въ него, кромѣ, разумѣется, обязательной тайны?

— Да вообще то почти никакихъ. Ни личная жизнь, ни общественная дѣятельность товарищей ничѣмъ не стѣснены, лишь бы не вредили дѣятельности общества въ цѣломъ. Но каждый долженъ при самомъ своемъ вступленіи исполнить какое-либо важное и отвѣтственное порученіе общества. Этимъ способомъ, съ одной стороны, укрѣпляется его связь съ обществомъ, съ другой,—выясняется на дѣлѣ уровень его способностей и энергіи.

— Значитъ, и мнѣ будетъ теперь же предложено такое порученіе?

— Да.

— Какое именно?

— Вы должны принять участіе въ отправляющейся завтра экспедиціи большого этеронефа на планету Марсъ.

— Насколько продолжительна будетъ экспедиція?

— Это неизвѣстно. Одна дорога туда и обратно требуетъ не менѣе 5 мѣсяцевъ. Можно и совсѣмъ не вернуться.

— Это-то я понимаю; не въ томъ дѣло. Но какъ мнѣ быть съ моей революціонной работой? Вы сами, повидимому, соціалъ-демократъ, и поймете мое затрудненіе.

— Выбирайте. Мы считаемъ перерывъ въ работѣ необходимымъ для завершенія вашей подготовки. Порученіе не можетъ быть отложено. Отказъ отъ него—есть отказъ отъ всего.

Я задумался. Съ выступленіемъ на сцену широкихъ массъ, устраненіе того или другого работника—фактъ совершенно ничтожный по своему значенію для дѣла въ его цѣломъ. Къ тому же это устраненіе временное, и вернувшись къ работѣ, я буду гораздо болѣе полезенъ ей со своими новыми связями, знаніями и средствами. Я рѣшился.

— Когда же я долженъ отправляться?

— Сейчасъ, со мною.

— Вы дадите мнѣ два часа, чтобы извѣстить товарищей? Меня надо завтра же замѣнить въ районѣ.

— Это почти сдѣлано. Сегодня пріѣхалъ Андрей, бѣжавшій съ Юга. Я предупредилъ его, что вы можете уѣхать, и онъ готовъ занять ваше мѣсто. Дожидаясь васъ, я написалъ ему на случай письмо съ подробными указаніями. Мы можемъ завезти ему это письмо по дорогѣ.

Больше толковать было не о чемъ. Я быстро уничтожилъ лишнія бумаги, написалъ записку своей хозяйкѣ и сталъ одѣваться. Мэнни былъ уже готовъ.

— Итакъ, идемъ. Съ этой минуты я—вашъ плѣнникъ.

— Вы—мой товарищъ!—отвѣчалъ Мэнни.

Ш. Ночь.

Квартира Мэнни занимала весь пятый этажъ большого дома, обособленно возвышавшагося среди маленькихъ домиковъ одной изъ окраинъ столицы. Насъ никто не встрѣчалъ. Въ комнатахъ, по которымъ мы шли, было пусто, и при яркомъ свѣтѣ электрическихъ лампочекъ пустота эта казалась особенно мрачной и неестественной. Въ третьей комнатѣ Мэнни остановился.

— Вотъ здѣсь,—онъ указалъ на дверь четвертой комнаты,— находится воздушная лодочка, въ которой мы сейчасъ поѣдемъ къ большому этеропефу. Но раньше я долженъ подвергнуться маленькому превращенію. Въ этой маскѣ мнѣ трудно было бы управлять гондолой.

Онъ растегнулъ воротничекъ, и снялъ съ себя вмѣстѣ съ очками ту удивительно сдѣланную маску, которую я, какъ и всѣ другіе, принималъ до этого момента за его лицо. Я былъ пораженъ тѣмъ, что увидѣлъ при этомъ. Его глаза были чудовищно громадны, какими никогда не бываютъ человѣческіе глаза. Ихъ зрачки были расширены даже по сравненію съ этой неестественной величиной самихъ глазъ, что дѣлало ихъ выраженіе почти страшнымъ. Верхняя часть лица и головы была настолько широка, насколько это было неизбѣжно для помѣщенія такихъ глазъ; напротивъ, нижняя часть лица, безъ всякихъ признаковъ бороды и усовъ, была сравнительно мала. Все вмѣстѣ производило впечатлѣніе крайней оригинальности, пожалуй уродства, но не каррикатуры.

— Вы видите, какой наружностью надѣлила меня природа,— сказалъ Мэнни:—вы понимаете, что я долженъ скрывать ее, хотя бы ради того, чтобы не пугать людей, не говоря уже о требованіяхъ конспираціи. Но вамъ ужъ придется привыкать къ моему безобразію, вы по необходимости будете проводить много времени со мною.

Онъ отворилъ дверь слѣдующей комнаты и освѣтилъ ее. Это была обширная зала. Посрединѣ ея лежала небольшая, довольно широкая лодочка, сдѣланная изъ металла и стекла. Въ ея передней части и борта и дно были стеклянныя, со стальными переплетами; эта прозрачная стѣнка въ два сантиметра толщиной была, очевидно, очень прочна. Надъ носовыми бортами двѣ плоскихъ хрустальныхъ пластинки, соединенныхъ подъ острымъ угломъ, должны были разрѣзывать воздухъ и охранять пассажировъ отъ вѣтра при быстромъ движеніи. Машина занимала среднюю часть лодочки, винтъ съ тремя лопастями въ полъ-метра ширины находился въ кормовой части. Передняя половина лодочки вмѣстѣ съ машиной была прикрыта сверху тонкимъ пластинчатымъ навѣсомъ, прикрѣпленнымъ къ металлической оковкѣ стеклянныхъ бортовъ и къ легкимъ стальнымъ колонкамъ. Все вмѣстѣ было изящно, какъ игрушка.

Мэнни предложилъ мнѣ сѣсть на боковую скамеечку гондолы, погасилъ электрическій свѣтъ и раскрылъ огромное окно залы. Самъ онъ сѣлъ спереди возлѣ машины, и выбросилъ нѣсколько мѣшковъ балласта, лежавшихъ на днѣ лодки. Затѣмъ онъ положилъ, руку на рычагъ машины. Лодка заколебалась, медленно поднялась, и тихо проскользнула въ открытое окно.

Я сидѣлъ, какъ прикованный, не рѣшаясь пошевелиться. Шумъ винта становился все слышнѣе: холодный зимній воздухъ врывался подъ навѣсъ, пріятно освѣжая мое горѣвшее лицо, но безсильный проникнуть подъ мое теплое платье. Надъ нами сверкали, переливаясь, тысячи звѣздъ, а внизу... Я видѣлъ черезъ прозрачное дно гондолы, какъ уменьшались черныя пятна домовъ, и уходили вдаль яркія точки электрическихъ фонарей столицы, и снѣжныя равнины свѣтились далеко подъ нами тусклымъ, синевато-бѣлымъ свѣтомъ. Головокруженіе, сначала легкое и почти пріятное, становилось все сильнѣе, и я закрылъ глаза, чтобы избавиться отъ него.

Воздухъ становился все рѣзче, шумъ винта и свистъ вѣтра все выше,—очевидно, быстрота движенія возрастала. Скоро среди этихъ звуковъ мое ухо стало различать тонкій, непрерывный и очень ровный серебристый звонъ,—это дрожала, разбивая воздухъ, стеклянная стѣнка гондолы. Странная музыка заполняла сознаніе, мысли путались и уходили, оставалось только чувство стихійно-легкаго и свободнаго движенія, уносящаго куда-то впередъ и впередъ, въ безконечное пространство.

— Четыре километра въ минуту, — сказалъ Мэнни, и я открылъ глаза.

— Это еще далеко?—спросилъ я.

— Около часу пути, на льду одного озера.

Мы находились на высотѣ нѣсколькихъ сотъ метровъ, и лодка летѣла горизонтально, не опускаясь и не поднимаясь. Мои глаза привыкали къ темнотѣ, и я видѣлъ все яснѣе. Мы вступали въ страну озеръ и гранитныхъ скалъ. Эти скалы чернѣли мѣстами, свободныя отъ снѣга. Между ними кой-гдѣ лѣпились деревушки.

Налѣво позади насъ оставалось вдали снѣжное поле замерзшаго залива, справа — бѣлыя равнины громаднаго озера. На этомъ безжизненномъ зимнемъ ландшафтѣ мнѣ предстояло порвать свои

связи со старой землею. И вдругъ я почувствовалъ—не сомнѣніе, нѣтъ, настоящую увѣренность, что это—разрывъ навсегда...

Гондола медленно опустилась между скалами, въ небольшой бухтѣ горнаго озера, передъ темнымъ сооруженіемъ, возвышавшимся на снѣгу. Ни оконъ, ни дверей не было видно. Часть металлической оболочки сооруженія медленно сдвинулась въ сторону, открывая черное отверстіе, въ которое и вплыла наша лодка. Затѣмъ отверстіе снова закрылось, а пространство, гдѣ мы находились, освѣтилось электрическимъ свѣтомъ. Эта была большая, удлиненная комната безъ мебели; на полу ея лежала масса мѣшковъ съ балластомъ.

Мэнни прикрѣпилъ гондолу къ спеціально предназначеннымъ для этого колонкамъ, и отворилъ одну изъ боковыхъ дверей. Она вела въ длинный полуосвѣщенный корридоръ. По сторонамъ его были расположены, повидимому, каюты. Мэнни привелъ меня въ одну изъ нихъ, и сказалъ:

— Вотъ ваша каюта. Устраивайтесь сами, а я пойду въ машинное отдѣленіе. Увидимся завтра утромъ.

Я былъ радъ остаться одинъ. Сквозь все возбужденіе, вызванное странными событіями вечера, утомленіе давало себя знать; я не прикоснулся къ приготовленному для меня на столѣ ужину, и, погасивъ лампочку, легъ въ постель. Мысли нелѣпо перемѣшивались въ головѣ, переходя отъ предмета къ предмету самымъ неожиданнымъ образомъ. Я упорно заставлялъ себя заснуть, но это мнѣ долго не удавалось. Наконецъ, сознаніе стало неяснымъ: смутные неустойчивые образы начали толпиться передъ глазами: окружающее ушло куда-то далеко, и тяжелыя грезы овладѣли моимъ мозгомъ.

Цѣпь сновъ закончилась ужаснымъ кошмаромъ. Я стоялъ на краю громадной черной пропасти, на днѣ которой сіяли звѣзды, и Мэнни съ непреодолимой силой увлекалъ меня внизъ, говоря, что не стоитъ бояться силы тяжести, и что черезъ нѣсколько сотъ тысячъ лѣтъ паденія мы достигнемъ ближайшей звѣзды. Я застоналъ въ мучительной послѣдней борьбѣ, и проснулся.

Нѣжный голубой свѣтъ наполнялъ мою комнату. Около меня сидѣлъ на постели и наклонялся ко мнѣ... Мэнни? Да, онъ, но призрачно-странный, и какъ-будто другой: мнѣ казалось, что онъ сталъ гораздо меньше, и глаза его не такъ рѣзко выступали на

лицѣ, у него было мягкое, доброе выраженіе, а не холодное и непреклонное, какъ только что на краю бездны...

— Какой вы хорошій...,—произнесъ я, смутно сознавая эту перемѣну.

Онъ улыбнулся, и положилъ руку мнѣ на лобъ. Это была маленькая, мягкая рука. Я снова закрылъ глаза, и съ нелѣпой мыслью о томъ, что надо поцѣловать эту руку, забылся въ спокойномъ, блаженномъ снѣ.

IV. Объясненіе.

Когда я проснулся и освѣтилъ комнату, часы показывали десять. Окончивъ свой туалетъ, я нажалъ кнопку звонка, и черезъ минуту въ комнату вошелъ Мэнни.

— Мы скоро отправляемся?—спросилъ я.

— Черезъ часъ,—отвѣчалъ Мэнни.

— Вы заходили ко мнѣ сегодня ночью, или мнѣ только приснилось?

— Нѣтъ, это не былъ сонъ; но приходилъ не я, а нашъ молодой докторъ, Нэтти. Вы плохо и тревожно спали, онъ долженъ былъ усыпить васъ посредствомъ голубого свѣта и внушенія.

— Онъ вашъ братъ?

— Нѣтъ,—улыбаясь, сказалъ Мэнни.

— Вы до сихъ поръ не сказали мнѣ, какой вы національности... Ваши остальные товарищи принадлежатъ къ тому же типу, какъ и вы?

— Да,—отвѣчалъ Мэнни.

— Значитъ, вы меня обманули,—рѣзко заявилъ я:—это не научное общество, а нѣчто другое?

— Да,—спокойно сказалъ Мэнни.—Всѣ мы—жители другой планеты, представители другого человѣчества. Мы—марсіяне.

— Зачѣмъ же вы меня обманули?

— А вы стали бы меня слушать, если бы я сразу сказалъ вамъ всю правду? У меня было слишкомъ мало времени, чтобы убѣдить васъ. Приходилось исказить истину ради правдоподобія. Безъ этой переходной ступени ваше сознаніе было бы чрезмѣрно

потрясено. Въ главномъ же я сказалъ вамъ правду,—въ томъ, что касается предстоящаго путешествія.

— Значитъ, я все-таки вашъ плѣнникъ?

— Нѣтъ, вы и теперь свободны. У васъ еще часъ времени, чтобы рѣшить вопросъ. Если вы откажетесь за это время, — мы отвеземъ васъ обратно, а путешествіе отложимъ, потому что намъ однимъ теперь возвращаться нѣтъ смысла.

— Зачѣмъ же я вамъ нуженъ?

— Чтобы послужить живой связью между нашимъ и земнымъ человѣчествомъ, чтобы ознакомиться съ нашимъ строемъ жизни и ближе ознакомить марсіянъ съ земнымъ, чтобы быть — пока вы этого пожелаете—представителемъ своей планеты въ нашемъ мірѣ.

— Это уже вполнѣ правда?

— Да, вполнѣ, если вы окажетесь въ силахъ выполнить эту роль.

— Въ такомъ случаѣ, надо попытаться. Я остаюсь съ вами.

— Это ваше окончательное рѣшеніе?—спросилъ Мэнни.

— Да, если и послѣднее ваше объясненіе не представляетъ какой-нибудь... переходной ступени.

— Итакъ, мы ѣдемъ,—сказалъ Мэнни, оставляя безъ вниманія мою колкость.—Сейчасъ я пойду сдѣлать послѣднія указанія машинисту, а потомъ вернусь къ вамъ, и мы пойдемъ вмѣстѣ наблюдать отплытіе этеронефа.

Онъ ушелъ, а я предался размышленіямъ. Наше объясненіе, въ сущности, не было вполнѣ закончено. Оставался еще одинъ вопросъ, и довольно серьезный; но я не рѣшился предложить его Мэнни. Сознательно-ли содѣйствовалъ онъ моему разрыву съ Анной Николаевной? Мнѣ казалось, что да. Вѣроятно, онъ видѣлъ въ ней препятствіе для своей цѣли. Можетъ быть, онъ былъ правъ. Во всякомъ случаѣ, онъ могъ только ускорить этотъ разрывъ, а не создать его. Конечно, и это было дерзкимъ вмѣшательствомъ въ мои личныя дѣла. Но теперь я уже былъ связанъ съ Мэнни, и все равно долженъ былъ подавлять свою враждебность къ нему. Значитъ, незачѣмъ было и трогать прошлое, лучше всего было и не думать объ этомъ вопросѣ.

Въ общемъ, новый оборотъ дѣла не слишкомъ меня поразилъ: сонъ подкрѣпилъ мои силы, а удивить меня чѣмъ-нибудь послѣ

всего, пережитого наканунѣ, было уже довольно трудно. Надо было только выработать планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Задача состояла, очевидно, въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе и полнѣе оріентироваться въ своей новой обстановкѣ. Самое лучшее было—начинать съ ближайшаго и переходить шагъ за шагомъ къ болѣе отдаленному. Ближайшимъ же являлось—этеронефъ, его обитатели и начинающееся путешествіе. Марсъ былъ еще далеко: самое меньшее на два мѣсяца разстоянія, какъ можно было заключить изъ вчерашнихъ словъ Мэнни.

Наружную форму этеронефа я успѣлъ замѣтить еще наканунѣ: это былъ почти шаръ со сглаженнымъ сегментомъ внизу, на манеръ поставленнаго колумбова яйца, — форма, разсчитанная, конечно, на то, чтобы получался наибольшій объемъ при наименьшей поверхности, т. е. наименьшей затратѣ матеріала и наименьшей площади охлажденія. Что касается матеріала, то преобладали, повидимому, алюминій и стекло. Внутреннее устройство мнѣ долженъ былъ показать и объяснить Мэнни, онъ же долженъ былъ познакомить меня со всѣми остальными „чудовищами", какъ я мысленно называлъ моихъ новыхъ товарищей.

Вернувшись, Мэнни повелъ меня къ остальнымъ марсіянамъ. Всѣ собрались въ боковой залѣ съ громаднымъ хрустальнымъ окномъ въ половину стѣны. Настоящій солнечный свѣтъ былъ очень пріятенъ послѣ призрачнаго свѣта электрическихъ лампочекъ. Марсіянъ было человѣкъ двадцать, и всѣ были, какъ мнѣ тогда показалось, на одно лицо. Отсутствіе бороды, усовъ, а также и морщинъ на ихъ лицахъ почти сглаживало у нихъ даже разницу возраста. Я невольно слѣдилъ глазами за Мэнни, чтобы не потерять его среди этой чуждой мнѣ компаніи. Впрочемъ, я скоро сталъ различать между ними моего ночного посѣтителя, Нэтти, выдѣлявшагося своей молодостью и живостью, а также широкоплечаго гиганта Стэрни, поражавшаго меня какимъ-то странно-холоднымъ, почти зловѣщимъ выраженіемъ лица. Кромѣ самого Мэнни, одинъ Нэтти говорилъ съ мною по-русски, Стэрни и еще три-четыре человѣка—по-французски, другіе по-англійски и по-нѣмецки, между собою же они говорили на какомъ-то совершенно новомъ для меня — очевидно, своемъ родномъ языкѣ. Языкъ этотъ былъ звученъ и красивъ, и, какъ я съ удовольствіемъ за-

мѣтилъ, не представлялъ, повидимому, никакихъ особенныхъ трудностей въ произношеніи.

V. Отплытіе.

Какъ ни интересны были „чудовища“, но главное мое вниманіе было невольно устремлено къ приближающемуся торжественному моменту „отплытія“. Я пристально смотрѣлъ на снѣжную поверхность, находившуюся передъ нами, и на отвѣсную гранитную стѣну, поднимавшуюся за нею. Я ожидалъ, что вотъ-вотъ почувствую рѣзкій толчекъ, и все это быстро замелькаетъ, удаляясь отъ насъ. Но ничего подобнаго я не дождался.

Безшумное, медленное, чуть замѣтное движеніе стало по немногу отдѣлять насъ отъ снѣжной площади. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ поднятіе было едва замѣтно.

— Ускореніе два сантиметра,—сказалъ Мэнни.

Я понялъ, что это значило. Въ первую секунду мы должны были пройти всего одинъ сантиметръ, во вторую 3, въ третью 5, въ четвертую 7 сант.; и скорость должна была все время измѣняться, непрерывно возрастая по закону ариѳметической прогрессіи. Черезъ минуту мы должны были достигнуть скорости идущаго человѣка, черезъ 15 минутъ — курьерскаго поѣзда, и т. д.

Мы двигались по закону паденія тѣлъ, но падали вверхъ, и въ 500 разъ медленнѣе, чѣмъ обыкновенныя тяжелыя тѣла, падающія близъ поверхности земли.

Стеклянная пластинка окна начиналась отъ самаго полу, и составляла съ нимъ тупой уголъ, сообразно направленію шаровой поверхности этеронефа, частью котораго она являлась. Благодаря этому мы могли, наклоняясь впередъ, видѣть и то, что было прямо подъ нами.

Земля все быстрѣе уходила изъ-подъ насъ, и горизонтъ расширялся. Уменьшились темныя пятна скалъ и деревушекъ, очертанія озеръ вырисовывались, какъ на планѣ. А небо становилось все темнѣе; и въ то самое время, какъ синяя полоса незамерзшаго моря заняла всю западную сторону горизонта—мои глаза уже стали различать наиболѣе яркія звѣзды при полуденномъ солнечномъ свѣтѣ.

Очень медленное вращательное движеніе этеронефа вокругъ его вертикальной оси позволяло намъ видѣть все пространство вокругъ.

Намъ казалось, что горизонтъ поднимается вмѣстѣ съ нами, и земная площадь подъ нами представлялась громаднымъ вогнутымъ блюдечкомъ съ рельефными украшеніями. Ихъ контуры становились мельче, рельефъ все площе, весь ландшафтъ принималъ все въ большей мѣрѣ характеръ географической карты, рѣзко вычерченной въ серединѣ, расплывчато и неясно къ ея краямъ, гдѣ все заволакивалось полу-прозрачнымъ синеватымъ туманомъ. А небо сдѣлалось совсѣмъ чернымъ, и безчисленныя звѣзды, вплоть до самыхъ мелкихъ, сіяли на немъ спокойнымъ, не мерцающимъ свѣтомъ, не боясь яркаго солнца, лучи котораго стали жгучими до боли.

— Скажите, Мэнни, это ускореніе въ два сантиметра, съ которымъ мы сейчасъ движемся, будетъ продолжаться все время путешествія?

— Да,—отвѣчалъ онъ,—только его направленіе будетъ около середины пути измѣнено на обратное, и скорость будетъ тогда не увеличиваться, а уменьшаться каждую секунду на такую же величину. Такимъ образомъ, хотя наибольшая скорость этеронефа будетъ около 50 километровъ въ секунду, а средняя—около 25 километровъ, но къ моменту прибытія она станетъ такъ же мала, какъ была въ самомъ началѣ пути, и мы безъ всякаго толчка и сотрясенія опустимся на поверхность Марса. Безъ этихъ огромныхъ перемѣнныхъ скоростей мы бы не могли достигнуть ни Земли, ни Венеры, потому что даже ихъ ближайшія разстоянія—60 и 100 милліоновъ километровъ—при скорости, напр., вашихъ поѣздовъ удалось бы проѣхать только въ теченіе столѣтій, а не мѣсяцевъ, какъ это сдѣлаемъ мы съ вами. Что же касается способа „пушечнаго выстрѣла“, о которомъ я читалъ въ вашихъ фантастическихъ романахъ, то это, конечно, простая шутка, потому что по законамъ механики практически одно и тоже—находиться ли внутри ядра во время выстрѣла, или получить ядро внутрь.

— А какимъ путемъ вы достигаете такого равномѣрнаго замедленія и ускоренія.

— Движущая сила этеронефа, это одно изъ радіирующихъ веществъ, которое намъ удается добывать въ большомъ количествѣ. Мы нашли способъ ускорять разложеніе его элементовъ въ сотни тысячъ разъ: это дѣлается въ нашихъ двигателяхъ при помощи довольно простыхъ электро-химическихъ пріемовъ. Такимъ способомъ освобождается громадное количество энергіи. Частицы распадающихся атомовъ разлетаются, какъ вамъ извѣстно, со скоростью, которая въ десятки тысячъ разъ превосходитъ скорость артиллерійскихъ снарядовъ. Когда эти частицы могутъ вылетать изъ этеронефа только по одному опредѣленному направленію, т. е. по одному каналу съ непроницаемыми для нихъ стѣнками—тогда весь этеронефъ движется въ противоположную сторону, какъ это бываетъ при отдачѣ ружья или откатѣ орудія. По извѣстному вамъ закону живыхъ силъ вы легко можете разсчитать, что незначительной части миллиграмма такихъ частицъ въ секунду вполнѣ достаточно, чтобы дать нашему этеронефу его равномѣрно-ускоренное движеніе.

Во время нашего разговора всѣ марсіяне исчезли изъ зала. Мэнни предложилъ мнѣ итти позавтракать въ его каютѣ. Я пошелъ съ нимъ. Его каюта примыкала къ стѣнкѣ этеронефа, и въ ней было большое хрустальное окно. Мы продолжали бесѣду. Я зналъ, что мнѣ предстоятъ новыя, неиспытанныя ощущенія въ видѣ потери тяжести моего тѣла, и разспрашивалъ объ этомъ Мэнни.

— Да,—сказалъ Мэнни,—хотя солнце продолжаетъ притягивать насъ, но здѣсь это дѣйствіе ничтожно. Вліяніе земли тоже станетъ незамѣтно завтра — послѣзавтра. Только благодаря непрерывному ускоренію этеронефа у насъ будетъ сохраняться $^1/_{400}$ — $^1/_{500}$ нашего прежняго вѣса. Въ первый разъ привыкать къ этому нелегко, хотя перемѣна происходитъ очень постепенно. Пріобрѣтая легкость, вы будете утрачивать ловкость, будете дѣлать массу неправильно разсчитанныхъ движеній, ведущихъ мимо цѣли. Удовольствіе летать по воздуху покажется вамъ весьма сомнительнымъ. Что касается неизбѣжныхъ при этомъ сердцебіеній, головокруженій, и даже тошноты, то избавиться отъ нихъ поможетъ вамъ Нэтти. Трудно будетъ также справляться съ водою и другими жидкостями, которыя будутъ при малѣйшихъ толчкахъ ускользать изъ сосудовъ, и разбрасываться повсюду въ видѣ огром-

ныхъ сферическихъ капель. Но у насъ все старательно приспособлено для устраненія этихъ неудобствъ: мебель и посуда прикрѣпляются къ мѣсту, жидкости сохраняются закупоренными, всюду придѣланы ручки и ремни для остановки невольныхъ полетовъ при рѣзкихъ движеніяхъ. Вообще же, вы привыкнете, времени для этого хватитъ.

Со времени отъѣзда прошло около двухъ часовъ, а уменьшеніе вѣса было уже довольно ощутительно, хотя пока еще очень пріятно: тѣло становилось легче, движенія свободнѣе, и ничего больше. Атмосферу мы успѣли вполнѣ миновать, но это насъ не безпокоило, такъ какъ въ нашемъ герметически закрытомъ кораблѣ имѣлся, конечно, достаточный запасъ кислорода. Видимая область земной поверхности стала окончательно похожа на географическую карту—правда съ перепутаннымъ масштабомъ, болѣе мелкимъ въ серединѣ, болѣе крупнымъ къ горизонту; кое-гдѣ ее закрывали еще бѣлыя пятна облаковъ. На югѣ, за Средиземнымъ моремъ, сѣверъ Африки и Аравія были довольно ясно видны сквозь синюю дымку; на сѣверѣ за Скандинавіей взглядъ терялся въ снѣжной и ледяной пустынѣ,—только скалы Шпицбергена выдѣлялись еще темнымъ пятномъ. На востокѣ за зеленовато-бурой полосой Урала, мѣстами перерѣзанной снѣжными пятнами, начиналось опять сплошное царство бѣлаго цвѣта, кой-гдѣ только съ зеленоватымъ отливомъ—слабымъ напоминаніемъ о громадныхъ хвойныхъ лѣсахъ Сибири. На западѣ за ясными контурами средней Европы терялись въ облакахъ очертанія береговъ Англіи и сѣверной Франціи. Я не могъ долго смотрѣть на эту гигантскую картину, такъ какъ мысль о страшной глубинѣ бездны, надъ которой мы находились, быстро вызывала у меня чувство близкое къ обмороку. Я возобновилъ разговоръ съ Мэнни.

— Вы капитанъ этого корабля, не такъ-ли?

Мэнни утвердительно кивнулъ головою и замѣтилъ:

— Но это не значитъ, чтобы я обладалъ тѣмъ, что у васъ называется властью начальника. Просто я наиболѣе опытенъ въ дѣлѣ управленія этеронефомъ, и мои указанія принимаются такъ же, какъ я принимаю астрономическія вычисленія, выполняемыя Стэрни, или какъ всѣ мы принимаемъ медицинскіе совѣты Нэтти для поддержанія нашего здоровья и рабочей силы.

— А сколько лѣтъ этому доктору Нэтти? Онъ кажется мнѣ очень ужъ молодымъ.

— Не помню, 16 или 17,—съ улыбкой отвѣтилъ Мэнни.

Приблизительно такъ мнѣ и казалось. Но я не могъ не удивляться такой ранней учености.

— И въ этомъ возрастѣ быть уже врачемъ!—невольно вырвалось у меня.

— И прибавьте: знающимъ и опытнымъ врачемъ,—дополнилъ Мэнни.

Въ то время я не сообразилъ, а Мэнни умышленно не напомнилъ этого,—что годы марсіянъ почти вдвое длиннѣе нашихъ; оборотъ Марса вокругъ солнца совершается въ 686 нашихъ дней, и 16 лѣтъ Нэтти равнялись 30 земнымъ годамъ.

VI. Этеронефъ.

Послѣ завтрака Мэнни повелъ меня осматривать нашъ „корабль". Прежде всего мы направились въ машинное отдѣленіе. Оно занимало нижній этажъ этеронефа, примыкая прямо къ его уплощенному дну, и дѣлилось перегородками на пять комнатъ, одну центральную и четыре боковыхъ. Въ срединѣ центральной комнаты возвышалась движущая машина, а вокругъ нея со всѣхъ четырехъ сторонъ были сдѣланы въ полу круглыя стеклянныя окна, одно изъ чистаго хрусталя, три изъ цвѣтного стекла различной окраски: стекла были въ три сантиметра толщиной, удивительно прозрачныя. Въ данную минуту мы могли видѣть черезъ нихъ только часть земной поверхности.

Основную часть машины составлялъ вертикальный металлическій цилиндръ, трехъ метровъ вышины и полъ-метра въ діаметрѣ, сдѣланный, какъ мнѣ объяснилъ Мэнни, изъ осмія—очень тугоплавкаго, благороднаго металла, родственнаго платинѣ. Въ этомъ цилиндрѣ происходило разложеніе радіирующей матеріи; накаленныя до красна 20-сантиметровой толщины стѣнки ясно свидѣтельствовали объ энергіи этого процесса. И однако въ комнатѣ не было слишкомъ жарко: весь цилиндръ былъ окруженъ вдвое болѣе широкимъ футляромъ изъ какого-то прозрачнаго вещества, прекрасно защищающаго отъ жару; а вверху этотъ футляръ соединенъ былъ съ трубами, по которымъ нагрѣтый воздухъ отводил-

ся изъ него во всѣ стороны для равномѣрнаго „отопленія“ этеронефа.

Остальныя части машины, связанныя разными способами съ цилиндромъ—электрическія катушки, аккумуляторы, указатели съ циферблатами и т. под.—были расположены вокругъ въ красивомъ порядкѣ, и дежурный машинистъ, благодаря системѣ зеркалъ, видѣлъ всѣ ихъ сразу, не сходя со своего кресла.

Изъ боковыхъ комнатъ одна была «астрономическая», справа и слѣва отъ нея находились „водяная“ и „кислородная“, а на противоположной сторонѣ—„вычислительная“. Въ астрономической комнатѣ полъ и наружная стѣнка были сплошь хрустальные, изъ геометрически отшлифованнаго стекла идеальной чистоты. Ихъ прозрачность была такова, что когда я, идя вслѣдъ за Мэнни по воздушнымъ мостикамъ, рѣшался взглянуть прямо внизъ, то я ничего не видѣлъ между собой и бездной, растилавшейся подъ нами,—мнѣ приходилось закрыть глаза, чтобы остановить мучительное головокруженіе. Я старался смотрѣть по сторонамъ, на инструменты, которые были расположены въ промежуткахъ сѣти мостиковъ, на сложныхъ штативахъ, спускавшихся съ потолка и внутреннихъ стѣнъ комнаты. Главный телескопъ былъ около двухъ метровъ длины, но съ непропорціонально большимъ объективомъ, и, очевидно, такой же оптической силы.

— Окуляры мы примѣняемъ только алмазные,—сказалъ Мэнни:—они даютъ наибольшее поле зрѣнія.

— Насколько значительно обычное увеличеніе этого телескопа?—спросилъ я.

— Ясное увеличеніе около 600 разъ,—отвѣчалъ Мэнни,—но когда оно недостаточно, мы фотографируемъ поле зрѣнія, и разсматриваемъ фотографію подъ микроскопомъ. Этимъ путемъ увеличеніе фактически доводится до 60 тысячъ и болѣе; а замедленіе съ фотографированіемъ не составляетъ у насъ и минуты.

Мэнни предложилъ мнѣ сейчасъ же взглянуть въ телескопъ на покинутую Землю. Онъ самъ направилъ трубу.

— Разстояніе теперь около 2000 километровъ,—сказалъ онъ.—Узнаете ли вы, что передъ вами?

Я сразу узналъ гавань скандинавской столицы, гдѣ нерѣдко проѣзжалъ по дѣламъ партіи. Мнѣ было интересно разсмотрѣть пароходы на рейдѣ. Мэнни однимъ поворотомъ боковой ручки,

имѣвшейся при телескопѣ, поставилъ на мѣсто окуляра фотографическую камеру, а черезъ нѣсколько секундъ снялъ ее съ телескопа и цѣликомъ перенесъ въ большой аппаратъ, стоявшій сбоку и оказавшійся микроскопомъ.

— Мы проявляемъ и закрѣпляемъ изображеніе тутъ же, въ микроскопѣ, не прикасаясь къ пластинкѣ руками,—пояснилъ онъ, и послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ операцій, черезъ какихъ-нибудь полминуты предоставилъ мнѣ окуляръ микроскопа. Я съ поразительной ясностью увидѣлъ знакомый мнѣ пароходъ Сѣвернаго общества, какъ-будто онъ находился въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ меня; изображеніе въ проходящемъ свѣтѣ казалось рельефнымъ и имѣло совершенно натуральную окраску. На мостикѣ стоялъ сѣдой капитанъ, съ которымъ я не разъ бесѣдовалъ во время поѣздки. Матросъ, опускавшій на палубу большой ящикъ, какъ-будто застылъ въ своей позѣ, также какъ и пассажиръ, указывавшій ему что-то рукою. И все это было за 2000 километровъ...

Молодой марсіянинъ, помощникъ Стэрни, вошелъ въ комнату. Ему надо было произвести точное измѣреніе пройденнаго этеронефомъ разстоянія. Мы не хотѣли мѣшать ему въ работѣ, и прошли дальше, въ „водяную“ комнату. Тамъ находился огромный резервуаръ съ водою и большіе аппараты для ея очищенія. Множество трубъ проводили эту воду изъ резервуара по всему этеронефу.

Далѣе шла „вычислительная“ комната. Тамъ стояли непонятныя для меня машины со множествомъ циферблатовъ и стрѣлокъ. За самой большой машиной работалъ Стэрни. Изъ нея тянулась длинная лента, заключавшая, очевидно, результаты вычисленій Стэрни; но знаки на ней, какъ и на всѣхъ циферблатахъ, были мнѣ не знакомы. Мнѣ не хотѣлось мѣшать Стэрни, и вообще разговаривать съ нимъ. Мы быстро прошли въ послѣднее боковое отдѣленіе.

Это была „кислородная“ комната. Въ ней хранились запасы кислорода, въ видѣ 25 тоннъ бертолетовой соли, изъ которой можно было выдѣлить, по мѣрѣ надобности, до 10000 кубическихъ метровъ кислорода; это количество достаточно для нѣсколькихъ путешествій, подобныхъ нашему. Тутъ же находились аппараты для разложенія бертолетовой соли. Далѣе, тамъ же хра-

нились запасы барита и ѣдкаго кали для поглощенія изъ воздуха углекислоты, а также запасы сѣрнаго ангидрида, для поглощенія лишней влаги и летучаго левкомаина,—того физіологическаго яда, который выдѣляется при дыханіи, и который несравненно вреднѣе углекислоты. Этой комнатой завѣдывалъ докторъ Нэтти.

Затѣмъ мы вернулись въ центральное машинное отдѣленіе, и изъ него въ небольшомъ подъемникѣ переправились прямо въ самый верхній этажъ этеронефа. Тамъ центральную комнату занимала вторая обсерваторія, во всемъ подобная нижней, но только съ хрустальной оболочкой вверху, а не внизу, и съ инструментами болѣе крупныхъ размѣровъ. Изъ этой обсерваторіи видна была другая половина небесной сферы, вмѣстѣ съ „планетой назначенія". Марсъ сіялъ своимъ красноватымъ свѣтомъ въ сторонѣ отъ зенита. Мэнни направилъ туда телескопъ, и я отчетливо увидѣлъ знакомыя мнѣ по картамъ Скіапарелли очертанія материковъ, морей и сѣти каналовъ. Мэнни фотографировалъ планету, и подъ микроскопомъ выступила детальная карта. Но я не могъ ничего понять въ ней безъ объясненій Мэнни, пятна городовъ, лѣсовъ и озеръ отличались одни отъ другихъ неуловимыми и непонятными для меня частностями.

— Какъ велико разстояніе,—спросилъ я.

— Сейчасъ сравнительно близкое:—около 100 милліоновъ километровъ.

— А почему Марсъ не въ зенитѣ купола? Мы, значитъ, летимъ не прямо къ нему, а въ сторону?

— Да, и мы не можемъ иначе. Отправляясь съ Земли, мы, въ силу инерціи, сохраняемъ между прочимъ скорость ея движенія вокругъ солнца—30 километровъ въ секунду. Скорость же Марса всего 24 километра, и если-бы мы летѣли по перпендикуляру между обѣими орбитами, то мы ударились бы о поверхность Марса съ остаточной боковой скоростью 6 километровъ въ секунду. Это очень неудобно, и мы должны выбрать криволинейный путь, на которомъ уравновѣшивается и лишняя боковая скорость.

— Какъ же великъ въ такомъ случаѣ весь нашъ путь?

— Около 160 милліоновъ километровъ, что потребуетъ не менѣе $2^1/_2$ мѣсяцевъ.

Если бы я не былъ математикомъ, эти цифры ничего не говорили бы моему сердцу. Но теперь онѣ вызывали во мнѣ ощущеніе близкое къ кошмару, и я поспѣшилъ уйти изъ астрономической комнаты.

Шесть боковыхъ отдѣленій верхняго сегмента, окружавшихъ кольцомъ обсерваторію, были совсѣмъ безъ оконъ, и ихъ потолокъ, представлявшій часть шаровой поверхности, наклонно спускался къ самому полу. У потолка помѣщались большіе резервуары „минусъ-матеріи", отталкиваніе которой должно было парализовать вѣсъ всего этеронефа.

Средніе этажи—третій и второй—были заняты общими залами, лабораторіями отдѣльныхъ членовъ экспедиціи, ихъ каютами, ванными, библіотекой, гимнастической комнатой, и т. д.

Каюта Нэтти находилась рядомъ съ моею.

VII. Люди.

Потеря тяжести все больше давала себя знать. Возраставшее чувство легкости перестало быть пріятнымъ. Къ нему присоединился элементъ неувѣренности и какого-то смутнаго безпокойства. Я ушелъ въ свою комнату, и легъ на койку.

Часа два спокойнаго положенія и усиленныхъ размышленій привели къ тому, что я незамѣтно заснулъ. Когда я проснулся, въ моей комнатѣ у стола сидѣлъ Нэтти. Я невольно рѣзкимъ движеніемъ поднялся съ постели, и какъ-будто подброшенный чѣмъ-то кверху, ударился головою о потолокъ.

— Когда вѣсишь менѣе 20 фунтовъ, то надо быть осторожнѣе,—добродушно-философскимъ тономъ замѣтилъ Нэтти.

Онъ пришелъ ко мнѣ со спеціальной цѣлью дать всѣ необходимыя указанія на случай той „морской болѣзни", которая уже начиналась у меня отъ потери тяжести. Въ каютѣ имѣлся особый сигнальный звонокъ въ его комнату, которымъ я могъ его всегда вызвать, если бы еще потребовалась его помощь.

Я воспользовался случаемъ разговориться съ юнымъ докторомъ,—меня какъ-то невольно влекло къ этому симпатичному, очень ученому, но и очень веселому мальчику. Я спросилъ его, почему случилось такъ, что изъ всей компаніи марсіянъ на эте-

ронефѣ онъ одинъ, кромѣ Мэнни, владѣетъ моимъ роднымъ языкомъ.

— Это очень просто—объяснилъ онъ.—Когда мы *искали человѣка*, то Мэнни выбралъ себя и меня для вашей страны, и мы провели въ ней больше года, пока намъ не удалось покончить это дѣло съ вами.

— Значитъ, другіе „искали человѣка“ въ другихъ странахъ?

— Конечно, среди всѣхъ главныхъ народовъ земли. Но, какъ Мэнни и предвидѣлъ, найти его всего скорѣе удалось въ вашей странѣ, гдѣ жизнь идетъ наиболѣе энергично и ярко, гдѣ люди вынуждены всего больше смотрѣть впередъ. Найдя человѣка, мы извѣстили остальныхъ; они собрались изо всѣхъ странъ; и вотъ, мы ѣдемъ.

— Что вы, собственно, подразумѣваете, когда говорите, „искали человѣка“, „нашли человѣка“? Я понимаю, что дѣло шло о субъектѣ, пригодномъ для извѣстной роли,—Мэнни объяснялъ мнѣ, какой именно. Мнѣ очень лестно видѣть, что выбрали меня,—но я хотѣлъ бы знать, чему я этимъ обязанъ.

— Въ самыхъ общихъ чертахъ, я могу сказать вамъ это. Намъ нуженъ былъ человѣкъ, въ натурѣ котораго совмѣщалось бы какъ можно больше здоровья и гибкости, какъ можно больше способности къ разумному труду, какъ можно меньше чисто личныхъ привязанностей на Землѣ, какъ можно меньше индивидуализма. Наши физіологи и психологи полагали, что переходъ отъ условій жизни вашего общества, рѣзко раздробленнаго вѣчной внутренней борьбой, къ условіямъ нашего, организованнаго, какъ вы бы сказали, соціалистически,—что переходъ этотъ очень тяжелъ и труденъ для отдѣльнаго человѣка, и требуетъ особенно благопріятной организаціи. Мэнни нашелъ, что вы подходите больше другихъ.

— И мнѣнія Мэнни было для всѣхъ васъ достаточно?

— Да, мы вполнѣ довѣряемъ его оцѣнкѣ. Онъ—человѣкъ выдающейся силы и ясности ума, и ошибается очень рѣдко. Онъ имѣетъ больше опыта въ сношеніяхъ съ земными людьми, чѣмъ кто-либо изъ насъ; онъ первый и началъ эти сношенія.

— А кто открылъ самый способъ сообщенія между планетами?

— Это—дѣло многихъ, а не одного. „Минусъ-матерія“ была добыта уже нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Но вначалѣ ее удавалось получать только въ ничтожныхъ количествахъ, и понадобились усилія очень многихъ фабричныхъ коллегій, чтобы найти и развить способы ея производства въ большихъ размѣрахъ. Затѣмъ понадобилось усовершенствовать технику добыванія и разложенія радіирующей матеріи, чтобы имѣть подходящаго двигателя для этеронефовъ. Это также требовало массы усилій. Далѣе, много трудностей вытекало изъ самыхъ условій между-планетной среды, съ ея страшнымъ холодомъ и жгучими солнечными лучами, не смягченными воздушной оболочкой. Вычисленіе пути оказалось тоже дѣломъ нелегкимъ, и подверженнымъ такимъ погрѣшностямъ, которыхъ не предвидѣли раньше. Словомъ, прежнія экспедиціи на Землю оканчивались гибелью всѣхъ участниковъ, пока Мэнни не удалось организовать первую успѣшную экспедицію. А теперь, пользуясь его методами, мы проникли недавно и на Венеру.

— Но если такъ, то Мэнни—настоящій великій человѣкъ,— сказалъ я.

— Да, если вамъ нравится такъ называть человѣка, который дѣйствительно много и хорошо работалъ.

— Я хотѣлъ сказать не это: работать много и хорошо могутъ и вполнѣ обыкновенные люди, люди—исполнители. Мэнни же, очевидно, совсѣмъ иное: онъ геній, человѣкъ-творецъ, создающій новое и ведущій впередъ человѣчество.

— Это все неясно и, кажется, невѣрно. Творецъ—каждый работникъ, но въ каждомъ работникѣ творитъ человѣчество и природа. Развѣ въ рукахъ Мэнни не находился весь опытъ предыдущихъ поколѣній и современныхъ ему изслѣдователей, и развѣ не исходилъ изъ этого опыта каждый шагъ его работы? И развѣ не природа предоставила ему всѣ элементы и всѣ зародыши его комбинацій? И развѣ не изъ самой борьбы человѣчества съ природой возникли всѣ живые стимулы этихъ комбинацій? Человѣкъ—личность, но дѣло его безлично. Рано или поздно, онъ умираетъ съ его радостями и страданіями,—а оно остается въ безпредѣльно растущей жизни. Въ этомъ нѣтъ разницы между работниками; неодинакова только величина того, что они пережили, и того, что остается въ жизни.

— Но вѣдь, напр., *имя* такого человѣка, какъ Мэнни, не

умираетъ же вмѣстѣ съ нимъ, а остается въ памяти человѣчества, тогда какъ безчисленныя имена другихъ исчезаютъ безслѣдно?

— Имя каждаго сохраняется до тѣхъ поръ, пока живы тѣ, кто жилъ съ нимъ и зналъ его. Но человѣчеству—не нуженъ мертвый символъ личности, когда ея уже нѣтъ. Наша наука и наше искусство безлично хранятъ то, что сдѣлано общей работою. Балластъ именъ прошлаго безполезенъ для памяти человѣчества.

— Вы, пожалуй, и правы; но чувство нашего міра возмущается противъ этой логики. Для насъ имена вождей мысли и дѣла—живые символы, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни наша наука, ни наше искусство, ни вся наша общественная жизнь. Часто въ борьбѣ силъ и въ борьбѣ идей имя на знамени говоритъ больше, чѣмъ отвлеченный лозунгъ. И имена геніевъ—не балластъ для нашей памяти.

— Это оттого, что единое дѣло человѣчества для васъ все еще—не единое дѣло; въ иллюзіяхъ, порождаемыхъ борьбою между людьми, оно дробится, и кажется дѣломъ людей, а не человѣчества. Мнѣ тоже было трудно понять вашу точку зрѣнія, какъ вамъ нашу.

— И такъ, хорошо это или плохо, но безсмертныхъ нѣтъ въ нашей компаніи. Зато смертные здѣсь, вѣроятно, все изъ самыхъ отборныхъ — не такъ ли?—изъ тѣхъ, которые „много и хорошо работали“, какъ вы выражаетесь?

— Вообще, да. Мэнни подбиралъ товарищей изъ числа многихъ тысячъ, выразившихъ желаніе отправиться съ нимъ.

— А самый крупный послѣ него, это, можетъ быть, Стэрни?

— Да, если ужъ вамъ упорно хочется измѣрять и сравнивать людей. Стэрни—выдающійся ученый, хотя и совершенно въ другомъ родѣ, чѣмъ Мэнни. Онъ—математикъ, какихъ очень мало. Онъ раскрылъ цѣлый рядъ погрѣшностей въ тѣхъ вычисленіяхъ, по которымъ устраивались всѣ прежнія экспедиціи на Землю, и показалъ, что нѣкоторыя изъ этихъ погрѣшностей сами по себѣ уже были достаточны для гибели дѣла и работниковъ. Онъ нашелъ новые методы для такихъ вычисленій, и до сихъ поръ результаты, полученные имъ, оказывались непогрѣшимы.

— Я такъ его себѣ и представлялъ на основаніи словъ

Мэнни и первыхъ впечатлѣній. А между тѣмъ, я самъ не понимаю почему, его видъ вызываетъ во мнѣ какое-то тревожное чувство, какое-то неопредѣленное безпокойство, нѣчто въ родѣ безпричинной антипатіи. Не найдется ли у васъ, докторъ, какого-нибудь объясненія для этого?

— Видите, ли, Стэрни—очень сильный, но холодный, главнымъ образомъ, аналитическій умъ. Онъ все разлагаетъ, неумолимо и послѣдовательно, и выводы его часто односторонни, иногда чрезмѣрно суровы, потому что анализъ частей даетъ, вѣдь, не цѣлое, а меньше цѣлаго: вы знаете, что вездѣ, гдѣ есть жизнь, цѣлое бываетъ больше суммы своихъ частей, какъ живое человѣческое тѣло больше чѣмъ груда его членовъ. Вслѣдствіе этого, Стэрни меньше прочихъ можетъ входить въ настроенія и мысли другихъ людей. Онъ вамъ всегда охотно поможетъ въ томъ, съ чѣмъ вы сами къ нему обратитесь, но онъ никогда не угадаетъ за васъ, что вамъ нужно. Этому мѣшаетъ, конечно, и то, что его вниманіе почти всегда поглощено его работой, его голова постоянно полна какой-нибудь трудной задачей. Въ этомъ онъ очень не похожъ на Мэнни: тотъ всегда все видитъ вокругъ, и не разъ умѣлъ объяснить даже мнѣ самому, чего мнѣ хочется, что меня безпокоитъ, чего ищетъ мой умъ или мое чувство.

— Если все это такъ, то Стэрни, должно быть, къ намъ, земнымъ людямъ, полнымъ противорѣчій и недостатковъ, относится довольно враждебно?

— Враждебно — нѣтъ; ему это чувство чуждо. Но скептицизма у него, я думаю, больше, чѣмъ слѣдуетъ. Онъ пробылъ во Франціи всего полгода, и телеграфировалъ Мэнни: „здѣсь искать нечего“. Можетъ быть, онъ былъ отчасти правъ, потому что и Летта, который былъ вмѣстѣ съ нимъ, не нашелъ подходящаго человѣка. Но характеристики, которыя онъ даетъ видѣннымъ людямъ этой страны, гораздо суровѣе, чѣмъ тѣ, которыя даетъ Летта, и конечно, гораздо болѣе односторонни, хотя и не заключаютъ въ себѣ ничего прямо невѣрнаго.

— А кто такой этотъ Летта, о которомъ вы говорите? Я его какъ-то не запомнилъ.

— Химикъ, помощникъ Мэнни, немолодой человѣкъ, старше всѣхъ на нашемъ этеронефѣ. Съ нимъ вы сойдетесь легко, и это будетъ для васъ очень полезно. У него мягкая натруа и много

пониманія чужой души, хотя онъ и не психологъ, какъ Мэнни. Приходите къ нему въ лабораторію, онъ будетъ радъ этому, и покажетъ вамъ много интереснаго.

Въ этотъ моментъ я вспомнилъ что мы уже далеко улетѣли отъ Земли, и мнѣ захотѣлось посмотрѣть на нее. Мы отправились вмѣстѣ въ одну изъ боковыхъ залъ съ большими окнами.

— Не придется ли намъ проѣхать близко отъ Луны?—спросилъ я по дорогѣ.

— Нѣтъ, Луна остается далеко въ сторонѣ, и это жаль. Мнѣ тоже хотѣлось посмотрѣть Луну поближе. Съ Земли она казалась мнѣ такой странной. Большая, холодная, медленная, загадочно-спокойная, она совсѣмъ не то, что наши двѣ маленькія луны, которыя такъ быстро бѣгаютъ по небу и такъ быстро мѣняютъ свое личико, точно живыя, капризныя дѣти. Правда, ваша Луна за то гораздо ярче. и свѣтъ ея такой пріятный. Ярче и ваше Солнце; вотъ въ чемъ вы гораздо счастливѣе насъ. Вашъ міръ вдвое свѣтлѣе; оттого и не нужны вамъ такіе глаза, какъ наши, съ большими зрачками для собиранія слабыхъ лучей нашего дня и нашей ночи.

Мы сѣли у окна. Земля сіяла вдали, какъ гигантскій серпъ, на которомъ можно было различать только очертанія запада Америки, сѣверо-востока Азіи, тусклое пятно, обозначавшее часть Великаго Океана, и бѣлое пятно Сѣвернаго Ледовитаго. Весь Атлантическій Океанъ и Старый Свѣтъ лежали во мракѣ; за расплывчатымъ краемъ серпа ихъ можно было только угадывать, и именно потому, что невидимая часть Земли закрывала звѣзды на обширномъ пространствѣ чернаго неба. Наша косвенная траэкторія и вращеніе Земли вокругъ оси привели къ такой перемѣнѣ картины.

Я смотрѣлъ, и мнѣ было грустно, что я не вижу родной страны, гдѣ столько жизни, борьбы, и страданій, гдѣ вчера еще я стоялъ въ рядахъ товарищей, а теперь на мое мѣсто долженъ былъ стать другой. И сомнѣніе поднялось въ моей душѣ.

— Тамъ, внизу, льется кровь,—сказалъ я,—а здѣсь вчерашній работникъ въ роли спокойнаго созерцателя...

— Кровь льется тамъ ради лучшаго будущаго,—отвѣчалъ Нэтти;—но и для самой борьбы—надо *знать* лучшее будущее. И ради этого знанія—вы здѣсь.

Съ невольнымъ порывомъ я сжалъ его маленькую, почти дѣтскую руку.

VIII. Сближеніе.

Земля все болѣе удалялась и, точно худѣя отъ разлуки, превращалась въ луновидный серпъ, сопровождаемый теперь совсѣмъ маленькимъ серпомъ настоящей Луны. Параллельно съ этимъ всѣ мы, обитатели этеропефа, становились какими-то фантастическими акробатами, способными летать безъ крыльевъ и удобно располагаться въ любомъ направленіи пространства, головой къ полу или къ потолку или къ стѣнамъ — почти безразлично... Понемногу я сходился со своими новыми товарищами и начиналъ чувствовать себя съ ними свободнѣе.

Уже на другой день послѣ нашего отплытія (мы сохраняли этотъ счетъ времени, хотя для насъ, конечно, уже не существовало настоящихъ дней и ночей) я по собственной иниціативѣ переодѣлся въ марсіанскій костюмъ, чтобы меньше выдѣляться между всѣми. Правда, костюмъ этотъ и самъ по себѣ нравился мнѣ: простой, удобный, безъ всякихъ безполезныхъ, условныхъ частей въ родѣ галстуха или манжетъ, онъ оставлялъ наибольшую возможную свободу для движеній. Отдѣльныя части костюма такъ соединялись маленькими застежками, что весь костюмъ превращался въ одно цѣлое, и въ то же время легко было, въ случаѣ надобности, отстегнуть и снять, напр., одинъ рукавъ или оба или всю блузу. И манеры моихъ спутниковъ были похожи на ихъ костюмъ: простота, отсутствіе всего лишняго и условнаго. Они никогда не здоровались, не прощались, не благодарили, не затягивали разговора изъ вѣжливости, если прямая цѣль его была исчерпана; и въ то же время они съ большимъ терпѣніемъ давали всегда всякія разъясненія, тщательно приспособляясь къ уровню пониманія собесѣдника и входя въ его психологію, какъ бы мало она ни подходила къ ихъ собственной.

Разумѣется, я съ первыхъ же дней принялся за изученіе ихъ родного языка, и всѣ они съ величайшей готовностью исполняли роль моихъ наставниковъ, а больше всѣхъ Нэтти. Языкъ этотъ очень оригиналенъ: и несмотря на большую простоту его

грамматики и правилъ образованія словъ, въ немъ есть особенности, съ которыми мнѣ было нелегко справиться. Его правила вообще не имѣютъ исключеній, въ немъ нѣтъ такихъ разграниченій, какъ мужескій, женскій и средній родъ; но рядомъ съ этимъ всѣ названія предметовъ и свойствъ измѣняются по временамъ. Это никакъ не укладывалось въ моей головѣ.

— Скажите, какой смыслъ въ этихъ формахъ?—спрашивалъ я Нэтти.

— Неужели вы не понимаете? А между тѣмъ въ вашихъ языкахъ, называя предметъ, вы старательно обозначаете, считаете ли вы его мужчиной или женщиной, что въ сущности очень не важно, а по отношенію къ не-живымъ предметамъ даже довольно странно. Насколько важнѣе различіе между тѣми предметами, которые существуютъ, и тѣми, которыхъ уже нѣтъ, или тѣми, которые еще должны возникнуть. У васъ „домъ“ мужчина, а „лодка“ женщина, у французовъ это наоборотъ,—и дѣло отъ того нисколько не мѣняется. Но когда вы говорите о домѣ, который уже сгорѣлъ или который еще собираетесь выстроить, вы употребляете слово въ той же формѣ, въ какой говорите о домѣ, въ которомъ живете. Развѣ есть въ природѣ бо́льшее различіе, чѣмъ между человѣкомъ, который живетъ, и человѣкомъ, который умеръ,—между тѣмъ, что есть, и тѣмъ чего нѣтъ? Вамъ нужны цѣлыя слова и фразы для обозначенія этого различія,—не лучше ли выражать его прибавленіемъ одной буквы въ самомъ словѣ?

Во всякомъ случаѣ, Нэтти былъ доволенъ моей памятью, а его методъ обученія былъ превосходенъ, и дѣло подвигалось впередъ быстро. Это помогало мнѣ сближаться съ марсіянами,—я начиналъ все съ большей увѣренностью путешествовать по всему этеронефу, заходя въ комнаты и въ лабораторіи моихъ спутниковъ, и разспрашивая ихъ обо всемъ, что меня занимало.

Молодой астрономъ Энно, помощникъ Стэрни, живой и веселый, тоже почти мальчикъ по возрасту, показывалъ мнѣ массу интересныхъ вещей, явно увлекаясь не столько измѣреніями и формулами, въ которыхъ онъ былъ, однако, настоящимъ мастеромъ,—сколько красотой наблюдаемаго. Мнѣ было хорошо на душѣ съ юнымъ астрономомъ-поэтомъ; а законное стремленіе оріентироваться въ нашемъ положеніи среди природы давало мнѣ постоянный поводъ проводить по многу времени у Энно и его телескоповъ.

Одинъ разъ Энно показалъ мнѣ при самомъ сильномъ увеличеніи крошечную планету Эротъ, часть орбиты которой проходитъ между путями Земли и Марса, а остальная часть лежитъ дальше Марса, переходя въ районъ астероидовъ. И хотя въ это время Эротъ находился отъ насъ на разстояніи 150 милліоновъ километровъ, но фотографія его маленькаго диска представляла въ полѣ зрѣнія микроскопа цѣлую географическую карту, подобную картамъ Луны. Конечно, это безжизненная планета, такая же какъ Луна.

Въ другой разъ Энно фотографировалъ рой метеоритовъ, проходившій всего въ нѣсколькихъ милліонахъ километровъ отъ насъ. Изображеніе представляло, разумѣется, только неопредѣленную туманность. При этомъ случаѣ Энно разсказалъ мнѣ, что въ одной изъ прежнихъ экспедицій на Землю этеронефъ погибъ какъ разъ въ то время, когда прорѣзывалъ другой подобный рой. Астрономы, слѣдившіе за этеронефомъ въ самые большіе телескопы, увидали, какъ погасъ его электрическій свѣтъ, — и этеронефъ навѣки исчезъ въ пространствѣ.

— Вѣроятно, этеронефъ столкнулся съ нѣсколькими изъ этихъ маленькихъ тѣлецъ, а при громадной разности скоростей они должны были насквозь пронизать всѣ его стѣнки. Тогда воздухъ ушелъ изъ него въ пространство, и холодъ междупланетной среды оледенилъ уже мертвыя тѣла путешественниковъ. И теперь этеронефъ летитъ, продолжая свой путь по кометной орбитѣ; онъ удаляется отъ Солнца навсегда, и неизвѣстно, гдѣ конецъ пути этого страшнаго корабля, населеннаго трупами.

При этихъ словахъ Энно, холодъ эфирныхъ пустынь какъ-будто проникъ и въ мое сердце. Я живо представилъ себѣ нашъ крошечный, свѣтлый островокъ среди безконечнаго мертваго океана. Безъ всякой опоры въ головокружительно быстромъ движеніи, и черная пустота повсюду вокругъ... Энно угадалъ мое настроеніе.

— Мэнни надежный кормчій,—сказалъ онъ,—и Стэрни не дѣлаетъ ошибокъ. А смерть... вы ее, вѣроятно, видали близко въ своей жизни... вѣдь она — только смерть, не болѣе.

Очень скоро наступилъ часъ, когда мнѣ пришлось вспомнить эти слова въ борьбѣ съ мучительной душевной болью.

Химикъ Летта привлекалъ меня къ себѣ не только той особенной мягкостью и чуткостью натуры, о которой говорилъ мнѣ

Нэтти,—но также и своими громадными знаніями въ наиболѣе интересномъ для меня научномъ вопросѣ — о строеніи матеріи. Одинъ Мэнни былъ еще компететнѣе его въ этой области, — но я старался какъ можно меньше обращаться къ Мэнни, понимая, что его время слишкомъ драгоцѣнно и для интересовъ науки и для интересовъ экспедиціи, чтобы я имѣлъ право отвлекать его для себя. А добродушный старикъ Летта съ такимъ неистощимымъ терпѣніемъ относился къ моему невѣжеству, съ такой предупредительностью и даже видимымъ удовольствіемъ разъяснялъ мнѣ самую азбуку предмета, что съ нимъ я нисколько не чувствовалъ себя стѣсненнымъ.

Летта сталъ читать мнѣ цѣлый курсъ по теоріи строенія матеріи, при чемъ иллюстрировалъ его рядомъ опытовъ разложенія элементовъ и ихъ синтеза. Многіе изъ относящихся сюда опытовъ онъ долженъ былъ, однако, пропускать, ограничиваясь словеснымъ ихъ описаніемъ,—именно тѣ, въ которыхъ явленія имѣютъ особенно бурный характеръ и протекаютъ въ формѣ взрыва или могутъ принять такую форму.

Какъ-то разъ во время лекціи въ лабораторію зашелъ Мэнни. Летта заканчивалъ описаніе очень интереснаго эксперимента, и собирался приступить къ его выполненію.

— Будьте осторожны,—сказалъ ему Мэнни:—я помню, что этотъ опытъ однажды кончился у меня нехорошо; достаточно ничтожнѣйшей посторонней примѣси къ веществу, которое вы разлагаете, и тогда самый слабый электрическій разрядъ можетъ вызвать взрывъ во время нагрѣванія.

Летта хотѣлъ уже отказаться отъ выполненія опыта, но Мэнни, неизмѣнно внимательный и любезный по отношенію ко мнѣ, самъ предложилъ помочь ему тщательной провѣркой всѣхъ условій опыта; и реакція прошла превосходно.

На слѣдующій день предстояли новые опыты съ тѣмъ же веществомъ. Мнѣ показалось, что на этотъ разъ Летта взялъ его не изъ той банки, изъ которой наканунѣ. Когда онъ поставилъ уже реторту на электрическую баню, мнѣ пришло въ голову сказать ему объ этомъ. Обезпокоенный, онъ тотчасъ пошелъ къ шкафу съ реактивами, оставивъ баню и реторту на столикѣ у стѣны, которая была вмѣстѣ съ тѣмъ наружной стѣнкой этеронефа. Я пошелъ вмѣстѣ съ нимъ.

Вдругъ раздался оглушительный трескъ, и насъ обоихъ съ большой силой ударило объ дверцы шкафа. Затѣмъ послѣдовалъ оглушительный свистъ и вой и металлическое дребезжанье. Я почувствовалъ, что непреодолимая сила, подобная урагану, увлекаетъ меня назадъ, къ наружной стѣнѣ. Я успѣлъ машинально схватиться за крѣпкую ременную ручку, придѣланную къ шкафу, и повисъ горизонтально, удерживаемый въ этомъ положеніи могучимъ потокомъ воздуха. Летта сдѣлалъ то же самое.

— Держитесь крѣпче!—крикнулъ онъ мнѣ, и я едва разслышалъ его голосъ среди шума бури. Рѣзкій холодъ пронизалъ мое тѣло.

Летта быстро осмотрѣлся вокругъ. Лицо его было страшно своей блѣдностью, но выраженіе растерянности вдругъ смѣнилось на немъ выраженіемъ ясной мысли и твердой рѣшимости. Онъ сказалъ только два слова—я не могъ ихъ разслышать, но угадалъ, что это было прощанье навѣки,—и его руки разжались.

Глухой звукъ удара, и вой урагана прекратился. Я почувствовалъ, что можно выпустить ручку, и оглянулся. Отъ столика не было и слѣда, а у стѣны, плотно прижавшись къ ней спиной, неподвижно стоялъ Летта. Глаза его были широко раскрыты, и все лицо какъ-будто застыло. Однимъ прыжкомъ я очутился у двери и отворилъ ее. Порывъ теплаго вѣтра отбросилъ меня назадъ. Черезъ секунду въ комнату вошелъ Мэнни. Онъ быстро подошелъ къ Летта.

Еще черезъ нѣсколько секундъ комната была полна народу. Нэтти оттолкнулъ всѣхъ съ пути, и бросился къ Летта. Всѣ остальные окружили насъ въ тревожномъ молчаніи.

— Летта умеръ,—раздался голосъ Мэнни. — Взрывъ во время химическаго опыта пробилъ стѣнку этеронефа, и Летта своимъ тѣломъ закрылъ брешь. Давленіе воздуха разорвало его легкія и парализовало сердце. Смерть была мгновенная. Летта спасъ нашего гостя, — иначе гибель обоихъ была неизбѣжна.

У Нэтти вырвалось глухое рыданье.

IX. Прошлое.

Нѣсколько дней послѣ катастрофы Нэтти не выходилъ изъ своей комнаты, а въ глазахъ Сгэрни я сталъ подмѣчать иногда

прямо недоброжелательное выраженіе. Безспорно, изъ-за меня погибъ выдающійся ученый; и математическій умъ Стэрни не могъ не дѣлать сравненія между величиной цѣнности той жизни, которая была утрачена, и той, которая, была спасена. Мэнни оставался неизмѣнно ровнымъ и спокойнымъ, и даже удвоилъ свое вниманіе и заботливость обо мнѣ; такъ же велъ себя и Энно, и всѣ остальные.

Я сталъ усиленно продолжать изученіе языка марсіянъ, и при первомъ удобномъ случаѣ обратился къ Мэнни съ просьбой дать мнѣ какую-нибудь книгу по исторіи ихъ человѣчества. Мэнни нашелъ мою мысль очень удачной, и принесъ мнѣ руководство, въ которомъ популярно излагалась для дѣтей-марсіянъ всемірная исторія.

Я началъ, съ помощью Нэтти, читать и переводить книжку. Меня поражало искусство, съ какимъ неизвѣстный авторъ оживлялъ и конкретизировалъ иллюстраціями самыя общія, самыя отвлеченныя на первый взглядъ понятія и схемы. Это искусство позволяло ему вести изложеніе по такой геометрически - стройной системѣ, въ такой логически - выдержанной послѣдовательности, какъ не рѣшился бы писать для дѣтей ни одинъ изъ нашихъ земныхъ популяризаторовъ.

Первая глава имѣла прямо философскій характеръ, и была посвящена идеѣ Вселенной, какъ Единаго Цѣлаго, все заключающаго въ себѣ и все опредѣляющаго собой. Эта глава живо напомнила мнѣ произведенія того рабочаго-мыслителя, который въ простой и наивной формѣ первый изложилъ основы пролетарской философіи природы.

Въ слѣдующей главѣ изложеніе возвращалось къ тому необозримо отдаленному времени, когда во Вселенной не сложилось еще никакихъ знакомыхъ намъ формъ, когда хаосъ и неопредѣленность царили въ безграничномъ пространствѣ. Авторъ разсказывалъ, какъ обособлялись въ этой средѣ первыя безформенныя скопленія неуловимо-тонкой, химически не опредѣлившейся матеріи; скопленія эти послужили зародышами гигантскихъ звѣздныхъ міровъ, какими являются звѣздныя туманности, и въ числѣ ихъ нашъ Млечный Путь съ 20 милліонами солнцъ, среди которыхъ наше солнце одно изъ самыхъ маленькихъ.

Далѣе шла рѣчь о томъ, какъ матерія, концентрируясь и переходя къ болѣе устойчивымъ сочетаніямъ, принимала форму

химическихъ элементовъ, а рядомъ съ этимъ первичныя, безформенныя скопленія распадались, и среди нихъ выдѣлялись газообразныя солнечно-планетныя туманности, какихъ сейчасъ еще при помощи телескопа можно найти многія тысячи. Исторія развитія этихъ туманностей, кристализаціи изъ нихъ солнцъ и планетъ излагалась одинаково съ нашей канто-лапласовской теоріей происхожденія міровъ, но съ большей опредѣленностью и большими подробностями.

— Скажите Мэнни,—спросилъ я,—неужели вы считаете правильнымъ давать дѣтямъ съ самаго начала эти безпредѣльно общія и почти столь-же отвлеченныя идеи, эти блѣдныя міровыя картины, столь далекія отъ ихъ ближайшей конкретной обстановки? Не значитъ ли это населять дѣтскій мозгъ почти пустыми, почти только словесными образами?

— Дѣло въ томъ, что у насъ никогда не начинаютъ обученія съ книгъ,—отвѣчалъ Мэнни.—Ребенокъ черпаетъ свои свѣдѣнья изъ живого наблюденія природы и живого общенія съ другими людьми. Раньше чѣмъ онъ возьмется за такую книгу, онъ уже совершилъ множество поѣздокъ, видѣлъ разнообразныя картины природы, знаетъ множество породъ растеній и животныхъ, знакомъ съ употребленіемъ телескопа, микроскопа, фотографіи, фонографа, слышалъ отъ старшихъ дѣтей, отъ воспитателей и другихъ взрослыхъ друзей много разсказовъ о прошломъ и отдаленномъ. Книга, подобная этой, должна только связать во-едино и упрочить его знанія, заполняя мимоходомъ случайные пробѣлы и намѣчая дальнѣйшій путь изученія. Понятно, что при этомъ идея цѣлаго прежде всего и постоянно должна выступать съ полной отчетливостью, должна проводиться отъ начала и до конца, чтобы никогда не теряться въ частностяхъ. Цѣльнаго человѣка надо создавать уже въ ребенкѣ.

Все это было для меня очень не привычно; но я не сталъ подробнѣе разспрашивать Мэнни: мнѣ все равно предстояло непосредственно познакомиться съ марсіанскими дѣтьми и системой ихъ воспитанія. Я возвратился къ своей книжкѣ.

Предметомъ слѣдующихъ главъ являлась геологическая исторія Марса. Ея изложеніе, хотя и очень сжатое, было полно сопоставленій съ исторіей Земли и Венеры. При значительномъ параллелизмѣ всѣхъ трехъ, основное различіе заключалось въ томъ,

что Марсъ оказывался вдвое старше Земли и почти вчетверо старше Венеры. Были установлены и цифры возраста планетъ, я ихъ хорошо помню, но не стану приводить здѣсь, чтобы не раздражать земныхъ ученыхъ, для которыхъ онѣ оказались бы довольно неожиданными.

Далѣе шла исторія жизни съ самаго ея начала. Давалось описаніе тѣхъ первичныхъ соединеній, сложныхъ ціановыхъ производныхъ, которыя, не будучи еще настоящей живой матеріей, обладали многими ея свойствами, и описаніе тѣхъ геологическихъ условій, при которыхъ эти соединенія химически создались. Выяснялись причины, въ силу которыхъ такія вещества сохранялись и накоплялись среди другихъ, болѣе устойчивыхъ, но менѣе гибкихъ соединеній. Прослѣживалось шагъ за шагомъ усложненіе и дифференціація этихъ химическихъ зародышей всякой жизни, вплоть до образованія настоящихъ живыхъ клѣтокъ, съ которыхъ начинается „царство протистовъ".

Картина дальнѣйшаго развитія жизни сводилась къ лѣстницѣ прогресса живыхъ существъ, или, вѣрнѣе, къ ихъ общему генеалогическому дереву: отъ протистовъ до высшихъ растеній съ одной стороны, до человѣка съ другой стороны,—вмѣстѣ съ различными боковыми отвѣтвленіями. При сравненіи съ „земной" линіей развитія, оказывалось, что на пути отъ первичной клѣтки до человѣка, рядъ первыхъ звеньевъ цѣпи почти одинаковъ, и такъ же незначительны различія въ послѣднихъ звеньяхъ,—а въ среднихъ различій гораздо больше. Это представлялось мнѣ чрезвычайно страннымъ.

— Этотъ вопросъ,—сказалъ мнѣ Нэтти,—насколько я знаю, еще не изслѣдованъ спеціально. Вѣдь еще двадцать лѣтъ тому назадъ мы не знали, какъ устроены высшія животныя на Землѣ, и мы сами были очень удивлены, найдя такое сходство съ нашимъ типомъ. Очевидно, число возможныхъ высшихъ типовъ, выражающихъ наибольшую полноту жизни, не такъ велико; и на планетахъ, настолько сходныхъ какъ наши, въ предѣлахъ весьма однородныхъ условій, природа могла достигнуть этого максимумъ жизни только однимъ способомъ.

— И притомъ,—замѣтилъ Мэнни,—высшій типъ, который завладѣваетъ своей планетой, есть тотъ, который наиболѣе цѣлостно выражаетъ всю сумму ея условій; тогда какъ промежуточ-

ныя стадіи, способныя захватить только часть своей среды, выражаютъ эти условія такъ же частично и односторонне. Поэтому при громадномъ сходствѣ общей суммы условій, высшіе типы должны совпадать въ наибольшей мѣрѣ, а промежуточные, въ силу самой своей односторонности, представляютъ больше простора для различій.

Я вспомнилъ, какъ мнѣ, еще во время моихъ университетскихъ занятій, та-же мысль объ ограниченномъ числѣ возможныхъ высшихъ типовъ пришла въ голову по совершенно другому поводу: у спрутовъ, морскихъ головоногихъ моллюсковъ, высшихъ организмовъ цѣлой вѣтви развитія, глаза необычайно сходны съ глазами нашей вѣтви—позвоночныхъ; а между тѣмъ происхожденіе и развитіе глазъ головоногихъ совершенно иное,—настолько иное, что даже соотвѣтственные слои тканей зрительнаго аппарата расположены у нихъ въ обратномъ нашему порядкѣ...

Такъ или иначе, фактъ былъ на-лицо: на другой планетѣ жили люди, похожіе на насъ, и мнѣ оставалось усердно продолжать свое ознакомленіе съ ихъ жизнью и исторіей.

Что касается до историческихъ временъ и вообще начальныхъ фазъ жизни человѣчества на Марсѣ, то и здѣсь сходство съ земнымъ міромъ было огромное. Тѣ же формы родового быта; то же обособленное существованіе отдѣльныхъ общинъ, то же развитіе связи между ними посредствомъ обмѣна. Но дальше начиналось расхожденіе, хотя и не въ основномъ направленіи развитія, а скорѣе въ его стилѣ и характерѣ.

Ходъ исторіи на Марсѣ былъ какъ-то мягче и проще, чѣмъ на землѣ. Были, конечно, войны племенъ и народовъ, была и борьба классовъ: но войны играли сравнительно небольшую роль въ исторической жизни, и сравнительно рано совсѣмъ прекратились; а классовая борьба гораздо меньше и рѣже проявлялась въ видѣ столкновеній грубой силы. Это, правда, не указывалось прямо въ книгѣ, которую я читалъ, но это было очевидно для меня изъ всего изложенія.

Рабства марсіяне вовсе не знали; въ ихъ феодализмѣ было очень мало военщины; а ихъ капитализмъ очень рано освободился отъ національно-государственнаго дробленія, и не создалъ ничего подобнаго нашимъ современнымъ арміямъ.

Объясненія всему этому я долженъ былъ искать самъ: марсіяне, даже и самъ Мэнни, еще только начинали изучать исторію

земного человѣчества, и не успѣли произвести сравнительнаго изслѣдованія своего и нашего прошлаго.

Я вспомнилъ одинъ изъ прежнихъ разговоровъ съ Мэнни. Собираясь изучать языкъ, на которомъ говорили между собою мои спутники, я поинтересовался узнать, былъ-ли это наиболѣе распространенный изъ всѣхъ, какіе существуютъ на Марсѣ. Мэнни объяснилъ, что это единственный литературный и разговорный языкъ всѣхъ марсіянъ.

— Когда-то и у насъ,—прибавилъ Мэнни,—люди изъ различныхъ странъ не понимали другъ друга; но уже давно, за нѣсколько сотъ лѣтъ до соціалистическаго переворота, всѣ различные діалекты сблизились и слились въ одномъ всеобщемъ языкѣ. Это произошло свободно и стихійно,—никто не старался, и никто не думалъ объ этомъ. Долго сохранялись еще нѣкоторыя мѣстныя особенности, такъ что были какъ бы отдѣльныя нарѣчія, но достаточно понятныя для всѣхъ. Развитіе литературы покончило и съ ними.

— Я только однимъ могу объяснить себѣ это,—сказалъ я:—очевидно, на вашей планетѣ сношенія между людьми съ самаго начала были гораздо шире, легче и тѣснѣе, чѣмъ у насъ.

— Именно такъ, — отвѣчалъ Мэнни. — На Марсѣ нѣтъ ни вашихъ громадныхъ океановъ, ни вашихъ непроходимыхъ горныхъ хребтовъ. Наши моря не велики, и нигдѣ не производятъ полнаго разрыва суши на самостоятельные континенты; наши горы не высоки, кромѣ немногихъ отдѣльныхъ вершинъ. Вся поверхность нашей планеты вчетверо менѣе обширна, чѣмъ поверхность земли; а между тѣмъ сила тяжести у насъ въ два съ половиной раза меньше, и благодаря легкости тѣла мы можемъ довольно быстро передвигаться даже безъ искусственныхъ средствъ сообщенія: мы бѣгаемъ сами не хуже, и устаемъ при этомъ не больше, чѣмъ вы, когда ѣздите верхомъ на лошадяхъ. Природа поставила между нашими племенами гораздо меньше стѣнъ и перегородокъ, чѣмъ у васъ.

Такова и была, значитъ, первоначальная и основная причина, помѣшавшая рѣзкому расовому и національному разъединенію марсіянскаго человѣчества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и полному развитію войнъ, милитаризма, и вообще системы массового убійства. Вѣроятно, капитализмъ силою своихъ противорѣчій все-таки до-

шелъ бы до созданія всѣхъ этихъ отличій высокой культуры; но и развитіе капитализма шло тамъ своеобразно, выдвигая новыя условія для политическаго объединенія всѣхъ племенъ и народовъ Марса. Именно, въ земледѣліи мелкое крестьянство было весьма рано вытѣснено крупнымъ капиталистическимъ хозяйствомъ, и скоро послѣ этого произошла національзація всей земли.

Причина заключалась въ непрерывно возраставшемъ высыханіи почвы, съ которымъ мелкіе земледѣльцы не въ силахъ были бороться. Кора планеты глубоко поглощала воду, и не отдавала ее обратно. Это было продолженіе того стихійнаго процесса, благодаря которому существовавшіе нѣкогда на Марсѣ океаны обмелѣли и превратились въ сравнительно небольшія замкнутыя моря. Такой процессъ поглощенія идетъ и на нашей землѣ, но здѣсь онъ пока еще не зашелъ далеко; на Марсѣ, который вдвое старше Земли, положеніе уже тысячу лѣтъ тому назадъ успѣло стать серьезнымъ, такъ какъ съ уменьшеніемъ морей, естественно, шло рядомъ уменьшеніе облаковъ, дождей, а значитъ и обмелѣніе рѣкъ и высыханіе ручьевъ. Искуственное орошеніе стало необходимымъ въ большинствѣ мѣстностей. Что могли тутъ сдѣлать независимые мелкіе земледѣльцы?

Въ однихъ случаяхъ они прямо разорялись, и ихъ земли переходили къ окрестнымъ крупнымъ землевладѣльцамъ, располагавшимъ достаточными капиталами для устройства орошенія. Въ другихъ случаяхъ крестьяне образовывали большія ассоціаціи, соединяя свои средства для этого общаго дѣла. Но рано или поздно такимъ ассоціаціямъ приходилось испытывать недостатокъ въ денежныхъ средствахъ, вначалѣ, казалось бы, лишь временный; а разъ только заключались первые займы у крупныхъ капиталистовъ, дѣла ассоціацій начинали итти подъ гору все быстрѣе: немалые проценты по займамъ увеличивали издержки веденія дѣла, наступала необходимость въ новыхъ займахъ и т. д. Ассоціаціи подпадали подъ экономическую власть своихъ кредиторовъ, и тѣ ихъ въ концѣ концовъ разоряли, захватывая себѣ сразу участки цѣлыхъ сотенъ и тысячъ крестьянъ.

Такъ вся воздѣланная земля перешла къ нѣсколькимъ тысячамъ крупныхъ земельныхъ капиталистовъ; но внутри материковъ оставались еще огромныя пустыни, гдѣ вода не была, да и не могла быть проведена средствами отдѣльныхъ капиталистовъ.

Когда государственная власть, къ тому времени уже вполнѣ демократическая, принуждена была заняться этимъ дѣломъ, чтобы отвлечь возрастающій излишекъ пролетаріата и помочь остаткамъ вымирающаго крестьянства, то и у самой этой власти не оказалось такихъ средствъ, какія были необходимы для проведенія гигантскихъ каналовъ. Синдикаты капиталистовъ хотѣли взять дѣло въ свои руки, — но противъ этого возсталъ весь народъ, понимая, что тогда эти синдикаты вполнѣ закрѣпостятъ себѣ и государство. Послѣ долгой борьбы и отчаяннаго сопротивленія земельныхъ капиталистовъ, былъ введенъ большой прогрессивный налогъ на доходъ отъ земли. Средства, добытыя отъ этого налога, послужили фондомъ для гигантскихъ работъ по проведенію каналовъ. Сила лэндлордовъ была подорвана, и вскорѣ совершилась національзація земли. При этомъ исчезли послѣдніе остатки мелкаго крестьянства, потому что государство въ собственныхъ интересахъ сдавало земли только крупнымъ капиталистамъ, и земледѣльческія предпріятія стали еще болѣе обширными, чѣмъ прежде. Такимъ образомъ знаменитые каналы явились и могучимъ двигателемъ экономическаго развитія, и прочной опорой политическаго единства цѣлаго человѣчества.

Когда я прочиталъ все это, то не могъ удержаться, чтобы не выразить Мэнни своего изумленія, что руками людей могли быть созданы такіе гигантскіе водные пути, видимые даже съ земли въ наши плохіе телескопы.

— Тутъ вы отчасти ошибаетесь, — замѣтилъ Мэнни: — эти каналы, дѣйствительно громадны, но все-же не по нѣсколько десятковъ километровъ ширины,—только при такихъ размѣрахъ могли бы, собственно, ихъ разглядѣть ваши астрономы. То, что они видятъ, это широкія полосы лѣсовъ, разведенныхъ нами вдоль каналовъ, чтобы поддерживать равномѣрную влажность воздуха, и тѣмъ самымъ не допускать слишкомъ быстраго испаренія воды. Кажется, нѣкоторые изъ вашихъ ученыхъ угадали это.

Эпоха прорытія каналовъ была временемъ большого процвѣтанія во всѣхъ областяхъ производства, и глубокаго затишья въ классовой борьбѣ. Спросъ на рабочую силу былъ громадный, и безработица исчезла. Но когда Великія Работы закончились, а вслѣдъ за ними закончилась и шедшая рядомъ капиталистическая

колонизація прежнихъ пустынь, то вскорѣ разразился промышленный кризисъ, и „соціальный миръ“ былъ нарушенъ. Дѣло пошло къ соціальной революціи. И опять ходъ событій былъ довольно мирный; главнымъ оружіемъ рабочихъ были стачки, до возстаній дѣло доходило лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и въ немногихъ мѣстностяхъ, почти исключительно въ земледѣльческихъ районахъ. Шагъ за шагомъ хозяева отступали передъ неизбѣжнымъ; и даже тогда, когда государственная власть оказалась въ рукахъ рабочей партіи, со стороны побѣжденныхъ не послѣдовало попытки отстоять свое дѣло насиліемъ.

Выкупа въ точномъ смыслѣ этого слова при соціализаціи орудій труда примѣнено не было. Но капиталисты были сначала оставлены на пенсіяхъ. Многіе изъ нихъ играли затѣмъ крупную роль въ организаціи общественныхъ предпріятій. Нелегко было преодолѣть трудности распредѣленія рабочихъ силъ согласно призванію самихъ работниковъ. Около столѣтія существовалъ обязательный для всѣхъ, кромѣ пенсіонеровъ-капиталистовъ, рабочій день, сначала около 6 часовъ, потомъ все меньше. Но прогрессъ техники и точный учетъ свободнаго труда помогли избавиться отъ этихъ послѣднихъ остатковъ старой системы.

Вся картина ровной, не залитой, какъ у насъ, сплошь огнемъ и кровью, эволюціи общества вызывала во мнѣ невольное чувство зависти. Я заговорилъ объ этомъ съ Нэтти, когда мы дочитывали книгу.

— Не знаю,—задумчиво сказалъ юноша:—но мнѣ кажется, что вы неправы. Противорѣчія острѣе на Землѣ, это вѣрно; и ея природа расточаетъ удары и смерть гораздо щедрѣе нашей. Но, можетъ быть, это именно потому, что богатства Земной природы изначала несравненно больше, и Солнце гораздо больше даетъ ей своей живой силы. Посмотрите, на сколько милліоновъ лѣтъ старше наша планета, а ея человѣчество возникло лишь на нѣсколько десятковъ тысячъ лѣтъ раньше вашего, и теперь идетъ впереди его по развитію едва-ли на двѣ—три сотни лѣтъ. Мнѣ оба человѣчества представляются, какъ два брата. У старшаго натура спокойная и уравновѣшенная, у младшаго бурная и порывистая. Младшій братъ хуже тратитъ свои силы, и дѣлаетъ больше ошибокъ; его дѣтство было болѣзненное и безпокойное, а теперь, въ переходномъ возрастѣ къ юности, бываютъ часто мучительные су-

дорожные припадки. Но не выйдетъ-ли изъ него художникъ-творецъ болѣе крупный и сильный, чѣмъ его старшій братъ,—не съумѣетъ-ли онъ тогда лучше и богаче украсить нашу Великую Природу? Не знаю, но мнѣ кажется, что это будетъ такъ...

X. Прибытіе.

Управляемый ясной головой Мэнни, этеронефъ безъ новыхъ приключеній продолжалъ свой путь къ далекой цѣли. Мнѣ удалось уже сносно приспособиться къ условіямъ невѣсомаго существованія, а также и справиться съ главными трудностями языка марсіянъ,—когда Мэнни объявилъ намъ всѣмъ, что мы прошли половину пути и достигли наивысшаго предѣла скорости, которая отнынѣ будетъ уменьшаться.

Въ точно указанный Мэнни моментъ,—этеронефъ быстро и плавно перевернулся. Земля, которая давно уже изъ большого свѣтлаго серпа успѣла сдѣлаться маленькимъ, а изъ маленькаго серпа—яркой зеленоватой звѣздой вблизи солнечнаго диска, теперь изъ нижней части чернаго шара небосвода перешла въ верхнее полушаріе; а красная звѣзда Марса, ярко сіявшая надъ нашими головами, оказалась внизу.

Прошли еще десятки и сотни часовъ, и звѣзда Марса превратилась въ ясный маленькій дискъ, и скоро стали замѣтны двѣ маленькія звѣздочки его спутниковъ—Деймосъ и Фобосъ, невинныя крошечныя планетки, ничѣмъ не заслужившія этихъ грозныхъ именъ, означающихъ по-гречески „Ужасъ“ и „Страхъ“. Серьезные марсіяне оживились, и все чаще приходили на обсерваторію Энно—посмотрѣть на родныя страны. Смотрѣлъ и я, но плохо понималъ то, что видѣлъ, несмотря на терпѣливыя объясненія Энно. Тамъ было, дѣйствительно, много для меня страннаго.

Красныя пятна оказывались лѣсами и лугами, а совсѣмъ темныя—полями, готовыми къ жатвѣ. Города представлялись въ видѣ синеватыхъ пятенъ,—и только воды и снѣга имѣли понятный для меня оттѣнокъ. Веселый Энно иногда заставлялъ меня угадывать, что я вижу въ полѣ аппарата, и мои наивныя ошибки сильно смѣшили его и Нэтти; я же за это платилъ имъ шутками въ свою очередь, называя ихъ планету—царствомъ ученыхъ совъ и перепутанныхъ красокъ.

Размѣры краснаго диска все болѣе возрастали,—скоро онъ уже во много разъ превосходилъ замѣтно уменьшившійся кружокъ Солнца, и былъ похожъ на астрономическую карту безъ надписей. Сила тяжести тоже замѣтно начинала прибавляться, что было для меня удивительно пріятно. Деймосъ и Фобосъ изъ свѣтлыхъ точекъ превратились въ крошечные, но ясноочерченные кружки.

Еще 15—20 часовъ, и вотъ уже Марсъ, какъ плоскошаріе, развертывается подъ нами, и простымъ глазомъ я вижу больше, чѣмъ даютъ всѣ астрономическія карты нашихъ ученыхъ. Дискъ Деймоса скользитъ по этой круглой картѣ, а Фобосъ намъ не виденъ—онъ теперь по ту сторону планеты.

Всѣ радуются вокругъ меня,—я одинъ не могу преодолѣть тревожнаго, тоскливаго ожиданія.

Ближе и ближе... Никто не въ силахъ чѣмъ бы то ни было заниматься,—всѣ смотрятъ внизъ, гдѣ развертывается другой міръ—для нихъ родной, для меня полный тайны и загадокъ. Одного Мэнни нѣтъ съ нами—онъ стоитъ у машины: послѣдніе часы пути самые опасные, надо провѣрять разстояніе и регулировать скорость.

Что же я, невольный Колумбъ этого міра, не чувствую ни радости, ни гордости, ни даже того успокоенія, которое долженъ принести видъ твердаго берега послѣ долгаго пути по океану Неосязаемаго?

Будущія событія уже бросаютъ тѣнь на настоящее...

Остается всего два часа. Скоро мы вступимъ въ предѣлы атмосферы. Сердце начинаетъ мучительно биться, я не могу больше смотрѣть и ухожу въ свою комнату. Нэтти уходитъ за мною

Онъ начинаетъ со мной разговоръ,—не о настоящемъ, а о прошломъ, о далекой Землѣ, тамъ вверху.

— Вы должны еще туда вернуться, когда выполните задачу,—говоритъ онъ, и его слова звучатъ для меня, какъ нѣжное напоминаніе о мужествѣ.

Мы разговариваемъ объ этой задачѣ, объ ея необходимости и ея трудностяхъ. Время незамѣтно для меня проходитъ.

Нэтти смотритъ на хронометръ.—Мы пріѣхали, пойдемъ къ нимъ!—говоритъ онъ.

Этеронефъ остановился, сдвигаются широкія металлическія пластинки, свѣжій воздухъ врывается внутрь. Чистое, зеленовато синее небо надъ нами,—толпы народа вокругъ.

Мэнни и Стэрни выходятъ первыми. Они несутъ на рукахъ прозрачный гробъ, гдѣ лежитъ оледенѣлое тѣло погибшаго товарища—Летта.

За ними выходятъ другіе. Я и Нэтти выходимъ послѣдними, и вмѣстѣ, рука съ рукой идемъ черезъ многотысячную толпу людей, похожихъ на него...

ЧАСТЬ II.

I. У Мэнни.

На первое время я поселился у Мэнни въ фабричномъ городкѣ, центръ и основу котораго составляетъ большая химическая лабораторіи, расположенная глубоко подъ землею. Надземная часть городка разбросана среди парка на протяженіи десятка квадратныхъ километровъ: это нѣсколько сотъ жилищъ работниковъ лабораторіи, большой Домъ Собраній, Потребительный складъ—нѣчто вродѣ универсальной лавки, и Станція Сообщеній, которая связываетъ химическій городокъ со всѣмъ остальнымъ міромъ. Мэнни былъ тамъ руководителемъ всѣхъ работъ, и жилъ вблизи отъ общественныхъ зданій, рядомъ съ главнымъ спускомъ въ лабораторію.

Первое, что меня поразило въ природѣ Марса, и съ чѣмъ мнѣ всего труднѣе было освоиться—это красный цвѣтъ растеній. Ихъ красящее вещество, по составу чрезвычайно близкое къ хлорофиллу земныхъ растеній, выполняетъ совершенно аналогичную ему роль въ жизненной экономіи природы: создаетъ ткани растеній за счетъ углекислоты воздуха и энергіи солнечныхъ лучей.

Заботливый Нэтти предлагалъ мнѣ носить предохранительные очки, чтобы избавиться отъ непривычнаго раздраженія глазъ. Я отказался.

— Это цвѣтъ нашего соціалистическаго знамени,—сказалъ я.—Долженъ же я освоиться съ вашей соціалистической природой.

— Если такъ, то надо признать, что и въ земной флорѣ есть соціализмъ, но въ скрытомъ видѣ,—замѣтилъ Мэнни.—Листья земныхъ растеній имѣютъ и красный оттѣнокъ,—онъ только замаскированъ гораздо болѣе сильнымъ зеленымъ. Достаточно надѣть очки изъ стеколъ, вполнѣ поглощающихъ зеленые лучи и пропу-

скающихъ красные, чтобы ваши лѣса и поля стали красными, какъ у насъ.

Я не могу тратить время и мѣсто на то, чтобы описывать своеобразныя формы растеній и животныхъ на Марсѣ, или его атмосферу, чистую и прозрачную, сравнительно разрѣженную, но богатую кислородомъ, или его небо, глубокое и темное, зеленоватаго цвѣта, съ похудѣвшимъ солнцемъ и крошечными лунами, съ двумя яркими вечерними или утренними звѣздами—Венерой и Землей. Все это—странное и чуждое тогда, прекрасное и дорогое мнѣ теперь, въ окраскѣ воспоминаній,—не такъ тѣсно связано съ задачами моего повѣствованія. Люди и ихъ отношенія—вотъ что всего важнѣе для меня; и во всей той сказочной обстановкѣ именно они были всего фантастичнѣе, всего загадочнѣе.

Мэнни жилъ въ небольшомъ двухъ-этажномъ домикѣ, по архитектурѣ не отличавшемся отъ остальныхъ. Самая оригинальная черта этой архитектуры заключалась въ прозрачной крышѣ изъ нѣсколькихъ громадныхъ пластинокъ голубого стекла. Прямо подъ этой крышей помѣщалась спальня и комната для бесѣдъ съ друзьями. Марсіяне проводятъ часы отдыха непремѣнно среди голубого освѣщенія, ради его успокаивающаго дѣйствія, и не находятъ непріятнымъ тотъ мрачный для нашего глаза оттѣнокъ, который это освѣщеніе придаетъ человѣческому лицу.

Всѣ рабочія комнаты—кабинетъ, домашняя лабораторія, комната сообщеній — находились въ нижнемъ этажѣ, большія окна котораго свободно пропускали волны безпокойнаго краснаго свѣта, отброшеннаго яркой листвой деревьевъ парка. Этотъ свѣтъ, который во мнѣ первое время вызывалъ тревожное и разсѣянное настроеніе, для марсіянъ является привычнымъ возбужденіемъ, полезнымъ при работѣ.

Въ кабинетѣ Мэнни было много книгъ и различные приборы для письма, отъ простыхъ карандашей до печатающаго фонографа. Послѣдній аппаратъ представляетъ изъ себя сложный механизмъ, въ которомъ запись фонографа при отчетливомъ произнесеніи словъ тотчасъ передается рычагамъ пишущей машины такимъ способомъ, что получается точный переводъ этой записи на обыкновенный алфавитъ. При этомъ фонограмма сохраняется въ цѣлости, такъ что ею можно пользоваться одинаково съ печатнымъ переводомъ, смотря по тому, что кажется удобнѣе.

Надъ письменнымъ столомъ Мэнни висѣлъ портретъ марсіянина средняго возраста. Черты лица его сильно напоминали Мэнни, но отличались выраженіемъ суровой энергіи и холодной рѣшительности, почти грознымъ выраженіемъ, чуждымъ Мэнни, на лицѣ котораго всегда была только спокойная и твердая воля. Мэнни разсказалъ мнѣ исторію этого человѣка.

То былъ предокъ Мэнни, великій инженеръ. Онъ жилъ задолго до соціальной революціи, въ эпоху прорытія Великихъ Каналовъ; эти грандіозныя работы были организованы по его плану и велись подъ его руководствомъ. Его первый помощникъ, завидуя его славѣ и могуществу, повелъ интригу противъ него. Одинъ изъ главныхъ каналовъ, надъ которымъ работало нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, начинался въ болотистой, нездоровой мѣстности. Многія тысячи работниковъ умирали тамъ отъ болѣзней, и среди остальныхъ разгоралось недовольство. Въ то самое время, какъ главный инженеръ велъ переговоры съ центральнымъ правительствомъ Марса о пенсіяхъ семьямъ погибшихъ на работѣ, и тѣхъ, кто отъ болѣзней потерялъ способность къ труду,—старшій помощникъ тайно велъ агитацію противъ него среди недовольныхъ: онъ подстрекалъ ихъ устроить стачку, съ требованіемъ перенесенія работъ изъ этой мѣстности въ другую, что было невозможно по существу дѣла, такъ какъ разрушало весь планъ Великихъ Работъ,—и отставки главнаго инженера, что было, конечно, вполнѣ осуществимо. Когда тотъ узналъ все это, онъ пригласилъ къ себѣ старшаго помощника для объясненій, и убилъ его на мѣстѣ. На судѣ инженеръ отказался отъ всякой защиты, а только заявилъ, что онъ считаетъ свой образъ дѣйствій справедливымъ и необходимымъ. Его приговорили къ многолѣтнему заключенію въ тюрьмѣ.

Но вскорѣ оказалось, что никто изъ его преемниковъ не въ силахъ вести гигантскую организацію работъ; начались недоразумѣнія, хищенія, безпорядки, весь механизмъ дѣла пришелъ въ разстройство, расходы возросли на сотни милліоновъ, а среди рабочихъ острое недовольство грозило перейти въ возстаніе. Центральное правительство поспѣшило обратиться къ прежнему инженеру; ему было предложено полное помилованіе и возстановленіе въ должности. Онъ рѣшительно отказался отъ помилованья, но согласился руководить работами изъ тюрьмы.

Назначенные имъ ревизоры быстро выяснили положеніе дѣла на мѣстахъ; при этомъ были разогнаны и отданы подъ судъ тысячи инженеровъ и подрядчиковъ. Заработная плата была повышена, организація доставки рабочимъ пищи, одежды, орудій труда была перестроена заново, планы работъ пересмотрѣны и исправлены. Скоро порядокъ былъ вполнѣ возстановленъ, и громадный механизмъ сталъ работать быстро и точно, какъ послушное орудіе въ рукахъ настоящаго мастера.

А мастеръ не только руководилъ всѣмъ дѣломъ, но и разрабатывалъ планъ его продолженія на будущіе годы; и одновременно онъ готовилъ себѣ замѣстителя въ лицѣ одного энергичнаго и талантливаго инженера, выдвинувшагося изъ рабочей среды. Къ тому дню, когда истекалъ срокъ тюремнаго заключенія, все было подготовлено настолько, что великій мастеръ нашелъ возможнымъ передать дѣло въ другія руки безъ опасенія за его судьбу; и въ тотъ самый моментъ, когда въ тюрьму явился первый министръ центральнаго правительства, чтобы освободить заключеннаго, главный инженеръ покончилъ съ собой.

Когда Мэнни разсказывалъ мнѣ все это, его лицо какъ-то странно измѣнилось; у него появилось то же выраженіе непреклонной суровости, и онъ сталъ совершенно похожъ на своего предка. А я почувствовалъ, до какой степени ему былъ близокъ и понятенъ этотъ человѣкъ, умершій за сотни лѣтъ до его рожденія.

Комната сообщеній была центральной комнатой нижняго этажа. Въ ней находились телефоны и соотвѣтствующіе имъ оптическіе аппараты, передающіе на какомъ угодно разстояніи изображенія того, что передъ ними происходитъ. Одни изъ приборовъ соединяли жилище Мэнни со Станціей Сообщеній, а черезъ нее—со всѣми домами города и со всѣми городами планеты. Другіе служили связью съ подземной лабораторіей, которою управлялъ Мэнни. Эти послѣдніе дѣйствовали непрерывно: на нѣсколькихъ тонко-рѣшетчатыхъ пластинкахъ видны были уменьшенныя изображенія освѣщенныхъ залъ, гдѣ находились большія металлическія машины и стеклянные аппараты, а передъ ними—десятки и сотни работающихъ людей. Я обратился къ Мэнни съ просьбой взять меня съ собою въ эту лабораторію.

— Это неудобно,—отвѣчалъ онъ.—Тамъ ведутся работы надъ матеріей въ ея неустойчивыхъ состояніяхъ; и какъ ни мала, при

нашихъ предосторожностяхъ, опасность взрыва или отравленія невидимыми лучами, но эта опасность всегда существуетъ. Вы не должны ей подвергаться, потому что вы теперь у насъ одинъ, и замѣнить васъ было бы некѣмъ.

Въ домашней лабораторіи Мэнни находились всегда только тѣ приборы и матеріалы, которые относились къ его изслѣдованіямъ, выполняемымъ въ данное время.

Въ корридорѣ нижняго этажа у потолка была подвѣшена воздушная гондола, на которую во всякое время можно было сѣсть и отправиться куда угодно.

— Гдѣ живетъ Нэтти?—спросилъ я у Мэнни.

— Въ большомъ городѣ, въ двухъ часахъ воздушнаго пути отсюда. Тамъ находится машинный заводъ съ нѣсколькими десятками тысячъ работниковъ, и у Нэтти больше матеріала для его медицинскихъ изслѣдованій. Здѣсь же у насъ есть другой докторъ.

— А машинный заводъ мнѣ не воспрещается осмотрѣть при случаѣ?

— Конечно, нѣтъ; тамъ не угрожаютъ никакія особенныя опасности. Если хотите, мы завтра же отправимся туда вмѣстѣ.

Такъ мы и рѣшили.

II. На заводѣ.

Около 500 километровъ въ два часа—скорость самаго быстраго соколинаго полета, не достигнутая до сихъ поръ даже нашими электрическими дорогами... Внизу развертывались въ быстрой смѣнѣ незнакомые, странные ландшафты; еще быстрѣе проносились иногда мимо насъ незнакомыя, странныя птицы. Лучи солнца вспыхивали синимъ свѣтомъ на крышахъ домовъ, и обычнымъ желтоватымъ свѣтомъ на огромныхъ куполахъ какихъ-то незнакомыхъ мнѣ зданій. Рѣки и каналы мелькали стальными лентами; мои глаза отдыхали на нихъ, потому что онѣ были такія-же, какъ на землѣ. Вотъ вдали сталъ виденъ огромный городъ, раскинутый вокругъ маленькаго озера, и перерѣзанный каналомъ. Гондола замедлила ходъ, и плавно опустилась около небольшого красиваго домика—домика Нэтти.

Нэтти былъ дома, и радостно насъ встрѣтилъ. Онъ сѣлъ въ нашу гондолу, и мы отправились дальше: заводъ еще въ нѣсколькихъ километрахъ, на той сторонѣ озера.

Пять громадныхъ зданій, расположенныхъ крестообразно, всѣ одинаковаго устройства: чистый стеклянный сводъ, лежащій на нѣсколькихъ десяткахъ темныхъ колоннъ, образующихъ точный кругъ или мало растянутый эллипсъ; такія же стеклянныя пластинки, поочередно прозрачныя и матовыя, между колоннами въ видѣ стѣнъ. Мы остановились у центральнаго, самаго большого корпуса, передъ воротами, занимавшими цѣлый промежутокъ отъ колонны до колонны, метровъ 10 ширины, и метровъ 12 вышины. Потолокъ перваго этажа горизонтально перерѣзывалъ посерединѣ пространство воротъ; нѣсколько паръ рельсовъ входили въ ворота и терялись внутри корпуса.

Мы подплыли къ верхней половинѣ воротъ, и оглушенные шумомъ машинъ, сразу попали во второй этажъ. Впрочемъ, это не былъ особый этажъ въ точномъ смыслѣ слова, а скорѣе сѣть воздушныхъ мостиковъ, оплетавшая со всѣхъ сторонъ гигантскія машины незнакомаго мнѣ устройства. На нѣсколько метровъ надъ нею находилась другая подобная сѣть, еще выше третья, четвертая, пятая; всѣ онѣ были образованы изъ стекляннаго паркета, охваченнаго брусьями желѣзныхъ рѣшетокъ, всѣ были связаны множествомъ подъемниковъ и лѣстницъ, и каждая слѣдующая сѣть была меньше предыдущей.

Ни дыма, ни копоти, ни запаха, ни мелкой пыли. Среди чистаго, свѣжаго воздуха машины, залитыя свѣтомъ, не яркимъ, но проникающимъ всюду, работали стройно и размѣренно. Онѣ рѣзали, пилили, строгали, сверлили громадные куски желѣза, алюминія, никкеля, мѣди. Рычаги, похожіе на исполинскія стальныя руки, двигались ровно и плавно; большія платформы ходили впередъ и назадъ со стихійной точностью; колеса и передаточные ремни казались неподвижными. Не грубая сила огня и пара, а тонкая, но еще болѣе могучая сила электричества была душей этого грознаго механизма.

Самый шумъ машинъ, когда ухо къ нему нѣсколько привыкало, начиналъ казаться почти мелодичнымъ, кромѣ тѣхъ моментовъ, когда падаетъ главный молотъ въ нѣсколько тысячъ тоннъ, и все содрогается въ громовомъ ударѣ.

Сотни работниковъ увѣренно ходили между машинами, и ни шаги ихъ, ни голоса не были слышны среди моря звуковъ. Въ выраженіи ихъ лицъ не было напряженной озабоченности, а

только спокойное вниманіе; они казались любознательными, учеными наблюдателями, которые, собственно, не при чемъ во всемъ происходящемъ; имъ просто интересно видѣть, какъ громадные куски металла, на рельсовыхъ платформахъ вплывающіе подъ прозрачный куполъ, попадаютъ въ желѣзныя объятія темныхъ чудовищъ, какъ эти чудовища затѣмъ разгрызаютъ ихъ своими крѣпкими челюстями, мнутъ своими тяжелыми, твердыми лапами, строгаютъ и сверлятъ своими блестящими, острыми когтями, и какъ наконецъ остатки этой жестокой игры увозятся съ другой стороны корпуса легкими вагонами электрической дороги въ видѣ стройныхъ и изящныхъ машинныхъ частей съ загадочнымъ назначеніемъ. Казалось вполнѣ естественнымъ, что стальныя чудовища не трогаютъ маленькихъ большеглазыхъ созерцателей, довѣрчиво гуляющихъ между ними: это было просто пренебреженіе къ слабости, признаніе добычи слишкомъ ничтожною, недостойною грозной силы гигантовъ. Были неуловимы и невидимы со стороны тѣ нити, которыя связывали нѣжный мозгъ людей съ несокрушимыми органами механизма.

Когда мы, наконецъ, вышли изъ корпуса, водившій насъ техникъ спросилъ, желаемъ ли мы осматривать другіе корпуса и вспомогательныя строенія сейчасъ же, или намѣрены сдѣлать перерывъ для отдыха. Я высказался за перерывъ.

— Я видѣлъ машины и работниковъ,—сказалъ я,—но самой организаціи труда совершенно себѣ не представляю. Вотъ объ этомъ мнѣ хотѣлось бы разспросить васъ.

Вмѣсто отвѣта, техникъ повелъ насъ къ маленькому кубической формы строенію, находившемуся между центральнымъ и однимъ изъ угловыхъ корпусовъ. Такихъ строеній было еще три, и всѣ они были аналогично расположены. Ихъ черныя стѣны были покрыты рядами блестящихъ бѣлыхъ знаковъ: это были просто таблицы статистики труда. Я уже владѣлъ языкомъ марсіянъ настолько, что могъ разбирать ихъ. На одной, отмѣченной номеромъ первымъ, значилось:

„Машинное производство имѣетъ излишекъ въ 968,757 рабочихъ часовъ ежедневно, изъ нихъ 11,325 часовъ труда опытныхъ спеціалистовъ.

„На этомъ заводѣ излишекъ 753 часа, изъ нихъ 29 часовъ труда опытныхъ спеціалистовъ.

„Нѣтъ недостатка работниковъ въ производствахъ: земледѣльческомъ, горномъ, земляныхъ работъ, химическомъ...“, и т. д.: были перечислены, въ алфавитномъ порядкѣ, множество различныхъ отраслей труда.

На таблицѣ номеръ второй было написано:

„Производство одежды имѣетъ недостатокъ въ 392,685 рабочихъ часовъ ежедневно, изъ нихъ 21,380 часовъ труда опытныхъ механиковъ для спеціальныхъ машинъ, и 7,852 часа труда спеціалистовъ-организаторовъ.

„Производство обуви нуждается въ 79,360 часахъ; изъ нихъ...“ и т. д.

„Институтъ подсчетовъ—въ 3,078 часохъ...“ и т. д.

Такого же содержанія были и таблицы номеръ 3-ій и 4-ый. Въ спискѣ отраслей труда были и такія, какъ воспитаніе дѣтей младшаго возраста, воспитаніе дѣтей средняго возраста, медицина городовъ, медицина сельскихъ округовъ и проч.

— Почему излишекъ труда точно указанъ только въ машинномъ производствѣ, а недостатокъ повсюду отмѣченъ съ такими подробностями?—спросилъ я.

— Это очень понятно,—отвѣчалъ Мэнни: посредствомъ таблицъ надо повліять на распредѣленіе труда; для этого необходимо, чтобы каждый могъ видѣть, гдѣ рабочей силы не хватаетъ, и въ какой именно мѣрѣ. Тогда, при одинаковой или приблизительно равной склонности къ двумъ занятіямъ, человѣкъ выберетъ то изъ нихъ, гдѣ недостатокъ сильнѣе. А объ излишкѣ труда знать точныя данныя достаточно только тамъ, гдѣ этотъ излишекъ имѣется, чтобы каждый работникъ такой отрасли могъ сознательно принять въ расчетъ и степень излишка, и степень своей склонности къ перемѣнѣ занятія.

Въ то время, какъ мы такимъ образомъ разговаривали, я вдругъ замѣтилъ, что нѣкоторыя цифры таблицы исчезли, а затѣмъ на ихъ мѣсто появились новыя. Я спросилъ, что это значитъ.

— Цифры мѣняются каждый часъ,—объяснилъ Мэнни: въ теченіе часа нѣсколько тысячъ человѣкъ успѣли заявить о своемъ желаніи перейти съ однихъ работъ на другія. Центральный статистическій механизмъ все время отмѣчаетъ это, и каждый часъ электрическая передача разноситъ его сообщенія повсюду.

— Но какимъ образомъ центральная статистика устанавливаетъ свои цифры излишка и недочета?

— Институтъ подсчетовъ имѣетъ вездѣ свои агентуры, которыя слѣдятъ за движеніемъ продуктовъ въ складахъ, за производительностью всѣхъ предпріятій и измѣненіемъ числа работниковъ въ нихъ. Этимъ путемъ точно выясняется, сколько и чего слѣдуетъ произвести на опредѣленный срокъ, и сколько рабочихъ часовъ для этого требуется. Затѣмъ институту остается подсчитывать по каждой отрасли труда разницу между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что должно быть, и сообщать объ этомъ повсюду. Потокъ добровольцевъ тогда возстановляетъ равновѣсіе.

— А потребленіе продуктовъ ничѣмъ не ограничено?

— Рѣшительно ничѣмъ: каждый беретъ то, что ему нужно, и столько, сколько хочетъ.

— И при этомъ не требуется ничего похожаго на деньги, никакихъ свидѣтельствъ о количествѣ выполненнаго труда, или обязательствъ его выполнить или вообще чего-нибудь въ этомъ родѣ?

— Ничего подобнаго. Въ свободномъ трудѣ у насъ и безъ этого никогда не бываетъ недостатка: трудъ — естественная потребность развитого соціальнаго человѣка, и всякіе виды замаскированнаго или явнаго принужденія къ труду совершенно для насъ излишни.

— Но если потребленіе ничѣмъ не ограничено, то не возможны ли въ немъ рѣзкія колебанія, которыя могутъ опрокинуть всѣ статистическіе расчеты?

— Конечно, нѣтъ. Отдѣльный человѣкъ, можетъ быть, станетъ ѣсть то или иное кушанье въ двойномъ, въ тройномъ противъ обычнаго количествѣ, или захочетъ перемѣнить десять костюмовъ въ десять дней; но общество въ три тысячи милліоновъ человѣкъ не подвержено такимъ колебаніямъ. При такихъ большихъ числахъ уклоненія въ ту и другую сторону уравновѣшиваются, и среднія величины измѣняются очень медленно, въ строгой непрерывности.

— Такимъ образомъ ваша статистика работаетъ почти автоматически, — простыя вычисленія, и ничего больше?

— Ну, нѣтъ. Трудности тутъ очень большія. Институтъ подсчетовъ долженъ зорко слѣдить и за новыми изобрѣтеніями,

и за измѣненіемъ природныхъ условій производства, чтобы ихъ точно учитывать. Вводится новая машина, — она сразу требуетъ перемѣщенія труда, какъ въ той области, гдѣ примѣняется, такъ и въ машинномъ производствѣ, а иногда и въ производствѣ матеріаловъ для той и другой отрасли. Истощается руда, открываются новыя минеральныя богатства,—опять перемѣщеніе труда въ цѣломъ рядѣ развѣтвленій производства — въ горномъ дѣлѣ, въ постройкѣ рельсовыхъ путей и т. д. Все это надо разсчитать съ самаго начала, если не вполнѣ точно, то съ достаточной степенью приближенія,—а это вовсе не легко, пока не будутъ получены данныя прямого наблюденія.

— При такихъ трудностяхъ,—замѣтилъ я,—очевидно, необходимо имѣть постоянно въ запасѣ нѣкоторый излишекъ труда?

— Именно такъ,—въ этомъ и заключается главная опора нашей системы. Лѣтъ 200 тому назадъ, когда коллективнаго труда лишь кое-какъ хватало для удовлетворенія всѣхъ потребностей общества, тогда была необходима полная точность въ разсчетахъ, и распредѣленіе труда не могло даже совершаться вполнѣ свободно: существовалъ обязательный рабочій день, и въ его предѣлахъ приходилось не всегда и не вполнѣ считаться съ призваніемъ товарищей. Но каждое изобрѣтеніе, создавая статистикѣ временныя трудности, облегчало главную задачу — переходъ къ неограниченной свободѣ труда. Сначала рабочій день сокращался, затѣмъ, когда во всѣхъ областяхъ труда оказался избытокъ, всякая обязательность была окончательно устранена. Замѣтьте, какъ незначительны всѣ цифры, выражающія недостатокъ труда по производствамъ: тысячи, десятки, сотни тысячъ рабочихъ часовъ, не болѣе,—это при милліонахъ и десяткахъ милліоновъ часовъ труда, который уже затрачивается въ тѣхъ же производствахъ.

— Однако, и недостатокъ труда все же бываетъ, — возразилъ я.—Правда, онъ, вѣроятно, покрывается послѣдующимъ избыткомъ, не такъ ли?

— И не только послѣдующимъ избыткомъ. Въ дѣйствительности, самое вычисленіе необходимаго труда ведется такимъ образомъ, что къ основной цифрѣ надбавляется еще нѣкоторое количество. Въ самыхъ важныхъ для общества отрасляхъ — въ производствѣ пищи, одежды, зданій, машинъ — эта надбавка достигаетъ 5 процентовъ, въ менѣе важныхъ—1,2 процента. Такимъ

образомъ, цифры недостатка въ этихъ таблицахъ выражаютъ, вообще говоря, только относительный, а не абсолютный недочетъ. Если бы обозначенные здѣсь десятки и сотни тысячъ часовъ и не были пополнены, это еще не значитъ, что общество стало бы терпѣть недостатокъ.

— А сколько времени работаетъ ежедневно каждый, напр., на этомъ заводѣ?

— Большею частью 2, $1^1/_2$, $2^1/_2$ часа,—отвѣтилъ техникъ:— но бываетъ и меньше, и больше. Вотъ, напр., товарищъ, который завѣдуетъ главнымъ молотомъ, до того увлекается своей работою, что никому не позволяетъ смѣнить себя за все рабочее время завода, т. е. 6 часовъ ежедневно.

Я мысленно перевелъ для себя всѣ эти цифры на земной счетъ съ марсіянскаго, по которому сутки, немного болѣе длинныя, чѣмъ наши, заключаютъ въ себѣ 10 часовъ. Оказалось: обычная работа 4, 5, 6 часовъ; наибольшая продолжительность— 15 часовъ, т. е. такая, какъ у насъ, на Землѣ, въ наиболѣе эксплоатируемыхъ предпріятіяхъ.

— А развѣ не вредно товарищу при молотѣ работать такъ много,—спросилъ я.

— Пока еще не вредно,—отвѣчалъ Нэтти:—еще съ полъгода онъ можетъ позволять себѣ такую роскошь. Но я, конечно, предупредилъ его объ опасностяхъ, которыми угрожаетъ ему его увлеченіе. Одна изъ нихъ — это возможность судорожнаго психическаго припадка, который съ непреодолимой силой потянетъ его подъ молотъ. Въ прошломъ году подобный случай произошелъ на этомъ же заводѣ съ другимъ механикомъ — такимъ же любителемъ сильныхъ ощущеній. Только благодаря счастливой случайности успѣли остановить молотъ, и невольное самоубійство не удалось. Жажда сильныхъ ощущеній сама по себѣ не есть еще болѣзнь, — но она легко подвергается извращеніямъ, какъ только нервная система хоть немного пошатнулась отъ переутомленія, душевной борьбы или какой-нибудь случайной болѣзни. Вообще же я, разумѣется, не упускаю изъ виду тѣхъ товарищей, которые неумѣренно предаются какой бы то ни было однообразной работѣ.

— А не долженъ ли былъ бы этотъ товарищъ, о которомъ мы говоримъ, сократить свою работу въ виду того, что въ машинномъ производствѣ есть избытокъ труда?

— Конечно, нѣтъ,—засмѣялся Мэнни:—почему именно онъ долженъ за свой счетъ возстановлять равновѣсіе? Статистика никого ни къ чему не обязываетъ. Каждый принимаетъ ее во вниманіе при своихъ разсчетахъ, но не можетъ руководиться ею одной. Если бы вы пожелали немедленно поступить на этотъ заводъ, вамъ, вѣроятно, нашлась бы работа, а въ центральной статистикѣ цифра излишка увеличилась бы на 1—2 часа, только и всего. Вліяніе статистики непрерывно сказывается на массовыхъ перемѣщеніяхъ труда, но каждая личность—свободна.

За разговоромъ мы успѣли достаточно отдохнуть, и всѣ, кромѣ Мэнни, отправились дальше осматривать заводъ. А Мэнни уѣхалъ домой—его вызывали въ лабораторію.

Вечеромъ я рѣшилъ остаться у Нэтти: онъ обѣщалъ на слѣдующій день свести меня въ „домъ дѣтей", гдѣ одной изъ воспитательницъ была его мать.

III. Домъ дѣтей.

„Домъ дѣтей" занималъ цѣлую значительную, и притомъ лучшую часть города, съ населеніемъ въ 15—20 тысячъ человѣкъ. Это населеніе составляли, дѣйствительно, почти только дѣти съ ихъ воспитателями. Такія учрежденія имѣются во всѣхъ большихъ городахъ планеты, а во многихъ случаяхъ образуютъ и самостоятельные города; только въ маленькихъ поселеніяхъ, такихъ какъ „химическій городокъ" Мэнни, ихъ по большей части нѣтъ.

Большіе двухъ-этажные дома съ обычными голубыми крышами, разбросанные среди садовъ съ ручейками, прудами, площадками для игръ и гимнастики, грядками цвѣтовъ и полезныхъ травъ, домиками для ручныхъ животныхъ и птицъ... Толпы большеглазыхъ ребятишекъ—неизвѣстнаго пола, благодаря одинаковому для мальчиковъ и дѣвочекъ костюму... Правда, и среди взрослыхъ марсіянъ трудно различать мужчинъ и женщинъ по костюму,—въ основныхъ чертахъ онъ одинаковъ, нѣкоторая разница только въ стилѣ: у мужчинъ платье болѣе точно передаетъ формы тѣла, у женщинъ въ большей мѣрѣ ихъ маскируетъ. Во всякомъ случаѣ, та немолодая особа, которая встрѣтила насъ при выходѣ изъ гондолы, передъ дверями одного изъ самыхъ большихъ домовъ, была, несомнѣнно, женщина, ибо Нэтти, обнимая, назвалъ

ее „мамой“. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ онъ, впрочемъ, часто обозначалъ ее, какъ и всякаго другого товарища, просто по имени— Нэлла.

Марсіянка уже знала о цѣли нашего пріѣзда, и прямо повела насъ въ свой „домъ дѣтей“, по всѣмъ его отдѣленіямъ, начиная съ отдѣленія самыхъ маленькихъ, которымъ она сама завѣдывала, до отдѣленія старшаго дѣтскаго возраста, граничащаго съ отрочествомъ. Маленькія чудовища по пути присоединялись къ намъ и шли за нами, съ интересомъ наблюдая своими огромными глазами человѣка съ другой планеты,—они хорошо знали, кто я такой; и когда мы обходили послѣднія отдѣленія, насъ сопровождала уже цѣлая толпа, хотя большинство ребятишекъ еще съ утра разбѣжалось по садамъ.

Всего жило въ этомъ домѣ около 300 дѣтей различныхъ возрастовъ. Я спросилъ Нэллу, почему въ домахъ дѣтей всѣ возрасты соединяются вмѣстѣ, а не отдѣляются, каждый въ особомъ домѣ, что значительно облегчило бы раздѣленіе труда между воспитателями и упростило бы всю ихъ работу.

— Потому что тогда не было бы дѣйствительнаго воспитанія,—отвѣчала мнѣ Нэлла. — Чтобы получить воспитаніе для общества, ребенокъ долженъ жить въ обществѣ. Всего больше жизненнаго опыта и знаній дѣти усваиваютъ другъ у друга. Изолировать одинъ возрастъ отъ другого, значило бы создавать для нихъ одностороннюю и узкую жизненную среду, въ которой развитіе будущаго человѣка должно итти медленно, вяло и однообразно. И для прямой активности различіе возрастовъ даетъ наибольшій просторъ. Старшія дѣти — наши лучшіе помощники въ уходѣ за маленькими. Нѣтъ, мы не только сознательно соединяемъ всѣ дѣтскіе возрасты, но и воспитателей въ каждомъ дѣтскомъ домѣ стараемся подобрать самыхъ различныхъ возрастовъ и различныхъ практическихъ спеціальностей.

— Однако, въ этомъ домѣ дѣти распредѣлены по отдѣленіямъ сообразно съ возрастомъ,—это какъ-будто не согласуется съ тѣмъ, что вы говорите?

— Дѣти собираются по отдѣленіямъ только для того, чтобы спать, завтракать, обѣдать,—тутъ, конечно, нѣтъ надобности смѣшивать различные возрасты. Но для игръ и занятій они постоянно группируются такъ, какъ это имъ самимъ нравится. Даже

когда бываютъ какія-нибудь чтенія, беллетристическія или научныя, для дѣтей одного отдѣленія,—въ аудиторію всегда набивается масса ребятишекъ всѣхъ другихъ отдѣленій. Дѣти сами выбираютъ себѣ свое общество, и сами любятъ сходиться съ дѣтьми другихъ возрастовъ, а особенно со взрослыми.

— Нэлла, — сказалъ въ это время, выступая изъ толпы, одинъ малышъ:—Эста унесла мою лодочку, которую я самъ сдѣлалъ; возьми лодочку у нея и отдай мнѣ.

— А она гдѣ?—спросила Нэлла.

— Она убѣжала къ пруду, спускать лодочку на воду,— объяснилъ ребенокъ.

— Ну, у меня сейчасъ нѣтъ времени итти туда; пусть кто-нибудь изъ старшихъ дѣтей идетъ съ тобой и убѣдитъ Эсту не обижать тебя. А всего лучше, иди туда одинъ, и помогай ей спускать лодочку; нѣтъ ничего удивительнаго, что лодочка ей понравилась, если сдѣлана хорошо.

Ребенокъ ушелъ, а Нэлла обратилась къ остальнымъ:

— А вы, дѣтки, хорошо бы сдѣлали, если бы оставили насъ однихъ. Иностранцу едва ли пріятно, что на него таращится сотня дѣтскихъ глазъ. Представь себѣ, Эльви, что на тебя внимательно смотритъ цѣлая толпа такихъ иностранцевъ. Что бы ты тогда сдѣлалъ?

— Я бы убѣжалъ,—храбро заявилъ ближайшій изъ толпы, котораго она назвала. И всѣ дѣти въ ту же минуту со смѣхомъ разбѣжались. Мы вышли въ садъ.

— Да, вотъ, посмотрите, какова сила прошлаго,—съ улыбкой сказала воспитательница:—казалось бы, коммунизмъ у насъ полный, отказывать дѣтямъ почти никогда ни въ чемъ не приходится,— откуда взяться чувству личной собственности? А ребенокъ приходитъ и заявляетъ: „моя“ лодочка, „я самъ“ дѣлалъ. И это очень часто: иногда дѣло доходитъ и до драки. Ничего не подѣлаешь,—общій законъ жизни: развитіе организма сокращенно повторяетъ развитіе вида, развитіе личности такимъ же образомъ повторяетъ развитіе общества. Самоопредѣленіе ребенка средняго и старшаго возраста въ большинствѣ случаевъ имѣетъ такой смутно - индивидуалистическій характеръ. Приближеніе половой зрѣлости сначала еще усиливаетъ этотъ оттѣнокъ. Только въ юношескомъ возрастѣ соціальная среда настоящаго окончательно побѣждаетъ остатки прошлаго.

— А вы знакомите дѣтей съ этимъ прошлымъ? — спросилъ я.

— Конечно, знакомимъ; и они очень любятъ разговоры и разсказы о старыхъ временахъ. Сначала для нихъ это сказки, красивыя, немножко страшныя сказки о другомъ мірѣ, далекомъ и странномъ, но пробуждающемъ своимъ картинами борьбы и насилія неясные отзвуки въ атавистической глубинѣ дѣтскихъ инстинктовъ. Только впослѣдствіи, преодолѣвая живые остатки прошлаго въ своей собственной душѣ, ребенокъ научается яснѣе воспринимать связь временъ, и картины-сказки становятся для него дѣйствительностью исторіи, преобразуются въ живыя звенья живой непрерывности.

Мы шли по аллеямъ обширнаго сада. Временами намъ попадались группы дѣтей, занятыхъ то играми, то рытьемъ канавокъ, то работой съ какими-нибудь ремесленными инструментами, то постройкой бесѣдокъ, то просто оживленнымъ разговоромъ. Всѣ они съ интересомъ оборачивались на меня, но никто не шелъ за нами: повидимому, всѣ были предупреждены. Большинство встрѣчавшихся группъ были смѣшаннаго возраста; во многихъ было по одному, по двое взрослыхъ.

— Въ вашемъ домѣ довольно много воспитателей,—замѣтилъ я.

— Да, особенно если въ числѣ ихъ считать всѣхъ дѣтей старшаго возраста, какъ это по справедливости слѣдуетъ. Но воспитателей-спеціалистовъ у насъ здѣсь всего трое; остальные взрослые, которыхъ вы видите, это большей частью матери и отцы, временно поселяющіеся у насъ около своихъ дѣтей, или молодые люди, желающіе изучить дѣло воспитанія.

— Что же, всѣ желающіе родители могутъ здѣсь поселяться, чтобы жить со своими дѣтьми?

— Да, разумѣется,—и нѣкоторыя изъ матерей живутъ здѣсь по нѣсколько лѣтъ. Но большинство ихъ пріѣзжаетъ время отъ времени на недѣлю, на двѣ, на мѣсяцъ. Отцы живутъ здѣсь еще рѣже. Въ нашемъ домѣ всего 60 отдѣльныхъ комнатъ для родителей и для тѣхъ дѣтей, которыя ищутъ уединенія,—и я не помню случая, чтобы этихъ комнатъ не хватало.

— Значитъ, и дѣти иногда отказываются жить въ общихъ помѣщеніяхъ?

— Да, дѣти старшаго возраста нерѣдко предпочитаютъ жить отдѣльно. Въ этомъ сказывается отчасти тотъ неопредѣленный индивидуализмъ, о которомъ я вамъ говорила,—отчасти же, особенно у дѣтей, склонныхъ сильно углубляться въ научныя занятія, просто стремленіе отстранить все, что развлекаетъ и разсѣиваетъ вниманіе. Вѣдь и изъ числа взрослыхъ у насъ любятъ жить совершенно отдѣльно главнымъ образомъ тѣ, кто всего больше занимается научными изслѣдованіями или художественнымъ творчествомъ.

Въ этотъ моментъ впереди себя на небольшой полянкѣ мы замѣтили ребенка, на мой взглядъ лѣтъ шести или семи, который съ палкой въ рукахъ гонялся за какимъ-то животнымъ. Мы ускорили шаги; ребенокъ не обращалъ на насъ вниманія. Въ тотъ моментъ какъ мы подошли, онъ настигъ свою добычу,—это оказалось нѣчто въ родѣ большой лягушки,—и сильно ударилъ ее палкой. Животное медленно поползло по травѣ съ перешибленной лапой.

— Зачѣмъ ты это сдѣлалъ, Альдо?—спокойно спросила Нэлла.

— Я никакъ не могъ ее поймать, она все убѣгала,—объяснилъ мальчикъ.

— А ты знаешь, что ты сдѣлалъ? Ты причинилъ лягушкѣ боль, и переломилъ ей лапку. Дай сюда палку, я тебѣ объясню это.

Мальчикъ подалъ тросточку Нэллѣ, и она быстрымъ движеніемъ сильно ударила его по рукѣ. Мальчикъ вскрикнулъ.

— Тебѣ больно, Альдо?—все такъ же спокойно спросила воспитательница.

— Очень больно, злая Нэлла!—отвѣчалъ онъ.

— А лягушку ты ударилъ сильнѣе этого. Я только ушибла тебѣ руку, а ты ей сломалъ лапку. Ей не только гораздо больнѣе, чѣмъ тебѣ, но она теперь не можетъ бѣгать и прыгать, ей нельзя будетъ находить пищу, и она умретъ съ голоду; или ее загрызутъ злыя животныя, отъ которыхъ она не можетъ убѣжать. Что ты объ этомъ думаешь, Альдо?

Ребенокъ стоялъ молча, со слезами боли на глазахъ, придерживая ушибленную руку другой рукой. Но онъ задумался. Черезъ минуту онъ сказалъ:—Надо починить ей лапку.

— Вотъ это вѣрно,—сказалъ Нэтти.—Дай, я научу тебя, какъ это сдѣлать.

Они тотчасъ поймали раненое животное, которое успѣло отползти только на нѣсколько шаговъ. Нэтти вынулъ свой платокъ и разорвалъ его на полоски, а Альдо, по его указанію, принесъ ему нѣсколько тонкихъ щепочекъ. Затѣмъ они оба, съ серьезностью истинныхъ дѣтей, занятыхъ очень важнымъ дѣломъ, принялись устраивать плотную, укрѣпляющую повязку на сломанную лапку лягушки.

Вскорѣ я и Нэтти собрались уходить домой.

— Да, вотъ что,—вспомнила Нэлла:—сегодня вечеромъ вы могли бы застать у насъ вашего стараго друга Энно. Онъ будетъ читать дѣтямъ старшаго возраста о планетѣ Венерѣ.

— Значитъ, онъ живетъ въ этомъ же городѣ? спросилъ я.

— Нѣтъ, обсерваторія, на которой онъ работаетъ, лежитъ въ трехъ часахъ пути отсюда. Но онъ очень любитъ дѣтей, и не забываетъ меня, свою старую воспитательницу. Поэтому онъ часто пріѣзжаетъ сюда, и каждый разъ разсказываетъ дѣтямъ что-нибудь интересное.

Вечеромъ, въ назначенный часъ, мы, разумѣется, опять явились въ домъ дѣтей, въ большую аудиторію, гдѣ собрались уже всѣ дѣти, кромѣ совсѣмъ маленькихъ, и нѣсколько десятковъ взрослыхъ. Энно радостно меня встрѣтилъ.

— Я выбралъ тему какъ-будто нарочно для васъ,—шутливо говорилъ онъ.—Васъ огорчаетъ отсталость вашей планеты и злые нравы вашего человѣчества. Я буду разсказывать о такой планетѣ, гдѣ высшіе представители жизни пока только—динозавры и летучіе ящеры, а ихъ обычаи—хуже чѣмъ у вашей буржуазіи. Вашъ каменный уголь тамъ не горитъ въ огнѣ капитализма, а еще только растетъ въ видѣ гигантскихъ лѣсовъ. Поѣдемъ когда-нибудь туда вмѣстѣ охотиться на ихтіозавровъ? Это—тамошніе Ротшильды и Рокфеллеры, правда, много умѣреннѣе вашихъ земныхъ, но зато гораздо менѣе культурные. Тамъ царство самаго первоначальнаго накопленія, забытаго въ „Капиталѣ“ вашего Маркса... Ну, Нэлла уже хмурится на мою легкомысленную болтовню. Сейчасъ начинаю.

Онъ увлекательно описывалъ далекую планету, съ ея глубокими бурными океанами и горами громадной высоты, съ ея

жгучимъ солнцемъ и густыми бѣлыми облаками, съ ея страшными ураганами и грозами, съ ея безобразными чудовищами и величественными исполинскими растеніями. Все это онъ иллюстрировалъ живыми фотографіями на экранѣ, занимавшемъ цѣлую стѣну залы. Голосъ Энно одинъ былъ слышенъ во мракѣ; глубокое вниманіе царило въ залѣ. Когда онъ, описывая приключенія первыхъ путешественниковъ въ этомъ мірѣ, разсказалъ, какъ одинъ изъ нихъ ручной гранатой убилъ исполинскую ящерицу, произошла странная маленькая сцена, не замѣченная большинствомъ публики. Альдо, все время державшійся около Нэллы, вдругъ тихо заплакалъ.

— Что съ тобой?—наклонившись къ нему, спросила Нэлла.

— Мнѣ жаль чудовище. Ему было очень больно, и оно совсѣмъ умерло,—тихо отвѣчалъ мальчикъ.

Нэлла обняла ребенка, и стала что-то ему объяснять вполголоса; но онъ нескоро еще успокоился.

А Энно между тѣмъ разсказывалъ о неисчислимыхъ естественныхъ богатствахъ прекрасной планеты, о ея гигантскихъ водопадахъ въ сотни милліоновъ лошадиныхъ силъ, о благородныхъ металлахъ, найденныхъ прямо на поверхности ея горъ, о богатѣйшихъ залежахъ радія на глубинѣ нѣсколькихъ сотъ метровъ, о запасахъ энергіи на сотни тысячъ лѣтъ. Я еще не настолько владѣлъ языкомъ, чтобы чувствовать красоту изложенія, но самыя картины приковывали мое вниманіе такъ же всецѣло, какъ и вниманіе дѣтей. Когда Энно кончилъ, и зала освѣтилось, мнѣ стало даже немного грустно,—какъ дѣтямъ бываетъ жаль, когда окончена красивая сказка.

По окончаніи лекціи начались вопросы и возраженія со стороны слушателей. Вопросы были разнообразны, какъ сами слушатели; они касались то подробностей въ картинахъ природы, то способовъ борьбы съ этой природой. Былъ и такой вопросъ: черезъ сколько времени на Венерѣ должны были бы изъ ея собственной природы появиться люди, и какое должно быть у нихъ устройство тѣла?

Возраженія, большей частью наивныя, но иногда и довольно остроумныя, направлялись, главнымъ образомъ, противъ того вывода Энно, что въ настоящую эпоху Венера—планета очень неудобная для людей, и едва ли скоро удастся использовать сколь-

ко-нибудь значительно ея великія богатства. Юные оптимисты энергично возставали противъ этого положенія, выражавшаго взгляды большинства изслѣдователей. Энно указывалъ, что жгучее солнце и влажный воздухъ съ массою бактерій создаютъ для людей опасность многихъ болѣзней, что́ испытали на себѣ всѣ путешественники, побывавшіе на Венерѣ,—что ураганы и грозы затрудняютъ работу и угрожаютъ жизни людей, и много другое. Дѣти находили, что передъ подобными препятствіями странно отступать, когда надо овладѣть такой прекрасной планетой. Для борьбы съ бактеріями и болѣзнями надо какъ можно скорѣе послать туда тысячу врачей, для борьбы съ ураганами и грозами—сотни тысячъ строителей, которые проведутъ гдѣ надо высокія стѣны и поставятъ громоотводы. „Пусть девять десятыхъ погибнетъ,—говорилъ одинъ пылкій мальчикъ лѣтъ двѣнадцати,—тутъ есть изъ-за чего умереть, лишь бы была одержана побѣда!“ И по его горящимъ глазамъ было видно, что самъ онъ, конечно, не отступилъ бы передъ тѣмъ, чтобы оказаться въ числѣ этихъ девяти десятыхъ.

Энно мягко и спокойно разрушалъ карточные домики своихъ противниковъ; но было видно, что въ глубинѣ души онъ сочувствуетъ имъ, и что въ его горячей юной фантазіи скрываются такіе же рѣшительные планы—разумѣется, болѣе обдуманные, но, можетъ быть, не менѣе самоотверженные. Онъ самъ еще не былъ на Венерѣ, и по его увлеченію было ясно, что ея красота и ея опасности сильно притягиваютъ его.

Когда бесѣда закончилась, Энно отправился со мною и Нэтти. Онъ рѣшилъ пробыть еще день въ этомъ городѣ, и предложилъ мнѣ назавтра вмѣстѣ пойти въ музей искусства. Нэтти былъ занятъ,—его вызывали въ другой городъ на большое совѣщаніе врачей.

IV. Музей искусства.

— Вотъ ужъ никакъ не предполагалъ, чтобы у васъ существовали особые музеи художественныхъ произведеній,—сказалъ я Энно по дорогѣ въ музей.—Я думалъ, что скульптурныя и картинныя галлереи—особенность именно капитализма съ его показной роскошью и стремленіемъ грубо нагромождать богатства. Въ

соціалистическомъ же обществѣ, я предполагалъ, искусство разсѣивается повсюду рядомъ съ жизнью, которую оно украшаетъ.

— Въ этомъ вы и не ошибались,—отвѣчалъ Энно.—Большая часть произведеній искусства предназначается у насъ всегда для общественныхъ зданій—тѣхъ, въ которыхъ мы обсуждаемъ наши общія дѣла, тѣхъ, въ которыхъ учимся и изслѣдуемъ, тѣхъ въ которыхъ отдыхаемъ... Гораздо меньше мы украшаемъ наши фабрики и заводы: эстетика могучихъ машинъ и ихъ стройнаго движенія пріятна намъ въ ея чистомъ видѣ, и очень мало такихъ произведеній искусства, которыя вполнѣ гармонировали бы съ нею, нисколько не разсѣивая и не ослабляя ея впечатлѣній. Всего меньше мы украшаемъ наши дома, въ которыхъ большей частью живемъ очень мало. А наши музеи искусства—это научно-эстетическія учрежденія, это школы для изученія того, какъ развиваются искусства, или вѣрнѣе, какъ развивается человѣчество въ его художественной дѣятельности.

Музей находился на маленькомъ островкѣ озера, который узкимъ мостомъ соединялся съ берегомъ. Самое зданіе, удлиненнымъ четыреугольникомъ окружавшее садъ съ высокими фонтанами и множествомъ синихъ, бѣлыхъ, черныхъ, зеленыхъ цвѣтовъ, было изящно разукрашено снаружи и полно свѣта внутри.

Тамъ, дѣйствительно, не было такого сумбурнаго скопленія статуй и картинъ, какъ въ большихъ музеяхъ Земли. Передо мной въ нѣсколькихъ сотняхъ образовъ прошла цѣпь развитія пластическихъ искусствъ, отъ первобытно-грубыхъ произведеній доисторической эпохи, до технически-идеальныхъ произведеній послѣдняго вѣка. И отъ начала до конца, всюду чувствовалась печать той живой внутренней цѣльности, которую люди называютъ „геніемъ“. Очевидно, это были лучшія произведенія всѣхъ эпохъ.

Чтобы вполнѣ ясно понимать красоту другого міра, надо глубоко знать его жизнь, а чтобы дать другимъ понятіе объ этой красотѣ, необходимо быть самому органически къ ней причастнымъ... Вотъ почему для меня невозможно описать то, что я тамъ видѣлъ: я могу дать только намеки, только отрывочныя указанія на то, что меня всего болѣе поразило.

Основной мотивъ марсіанской, какъ и нашей скульптуры, это прекрасное человѣческое тѣло. Различія физическаго сложенія мар-

сіянъ отъ сложенія земныхъ людей въ общемъ не велики; если не считать рѣзкой разницы въ величинѣ глазъ и отчасти, значитъ, въ устройствѣ черепа, то различія эти не превосходятъ тѣхъ, какія существуютъ между земными расами. Я не сумѣлъ бы точно объяснить ихъ,—для этого я слишкомъ плохо знаю анатомію; но мой глазъ легко привыкалъ къ нимъ, и воспринималъ ихъ почти сразу не какъ безобразіе, а какъ оригинальность.

Я замѣтилъ, что мужское. и женское сложеніе сходны въ большей мѣрѣ, чѣмъ у большинства земныхъ племенъ: сравнительно широкія плечи женщинъ, не такъ рѣзко, благодаря нѣкоторой полнотѣ, выступающая мускулатура мужчинъ и ихъ менѣе узкій тазъ сглаживаютъ разницу. Это, впрочемъ, относится главнымъ образомъ къ послѣдней эпохѣ,—къ эпохѣ свободнаго человѣческаго развитія; еще въ статуяхъ капиталистическаго періода половыя различія выражены сильнѣе. Очевидно, домашнее рабство женщины и лихорадочная борьба за существованіе мужчины искажаютъ ихъ тѣло въ двухъ несходныхъ направленіяхъ.

Ни на минуту не исчезало во мнѣ — то ясное, то смутное —сознаніе, что передо мною—образы чужого міра; оно придавало всѣмъ впечатлѣніямъ какую-то странную, полупризрачную окраску. И даже прекрасное женское тѣло этихъ статуй и картинъ вызывало во мнѣ непонятное чувство, какъ-будто совсѣмъ не похожее на знакомое мнѣ любовно-эстетическое влеченіе, а похожее скорѣе на тѣ неясныя предчувствія, которыя волновали меня когда-то давно, на границѣ дѣтства и юности.

Статуи раннихъ эпохъ были одноцвѣтныя, какъ у насъ; позднѣйшія — естественныхъ цвѣтовъ. Это меня не удивило. Я всегда думалъ, что отклоненіе отъ дѣйствительности не можетъ быть необходимымъ элементомъ искусства, что оно даже анти-художественно, когда уменьшаетъ богатство воспріятія, какъ одноцвѣтность скульптуры,—что оно въ этомъ случаѣ не помогаетъ, а мѣшаетъ художественной идеализаціи, концентрирующей жизнь.

Въ статуяхъ и картинахъ древнихъ эпохъ, какъ въ нашей античной скульптурѣ, преобладали образы величественнаго спокойствія, образы безмятежной гармоніи, свободной отъ всякаго напряженія. Въ среднія, переходныя эпохи выступаетъ иной характеръ: порывъ, страсть, волнующее стремленіе, иногда смяг-

ченное до степени блужданія мечты, эротической или религіозной, иногда рѣзко прорывающееся въ предѣльномъ напряженіи неуравновѣшенныхъ силъ души и тѣла. Въ соціалистическую эпоху основной характеръ опять мѣняется: это—гармоническое движеніе, спокойно-увѣренное проявленіе силы, дѣйствіе, чуждое болѣзненности усилія, стремленіе, свободное отъ волненія, живая активность, проникнутая сознаніемъ своего стройнаго единства и своей непобѣдимой разумности.

Если идеальная женская красота древняго искусства выражала безпредѣльную возможность любви, а идеальная красота среднихъ вѣковъ и временъ Возрожденія—неутолимую жажду любви, мистическую или чувственную, то здѣсь, въ идеальной красотѣ другого, идущаго впереди насъ міра, воплощалась сама любовь въ ея спокойномъ и гордомъ самосознаніи, сама любовь—ясная, свѣтлая, всепобѣждающая...

Для позднѣйшихъ художественныхъ произведеній, какъ и для древнѣйшихъ, характерна чрезвычайная простота и единство мотива. Изображаются очень сложныя человѣческія существа, съ богатымъ и стройнымъ жизненнымъ содержаніемъ, и при этомъ выбираются такіе моменты ихъ жизни, когда вся она сосредоточивается въ одномъ какомъ-нибудь чувствѣ, стремленіи... Любимыя темы новѣйшихъ художниковъ—экстазъ творческой мысли, экстазъ любви, экстазъ наслажденія природой, спокойствіе добровольной смерти,—сюжеты, глубоко очерчивающіе сущность великаго племени, которое умѣетъ жить со всей полнотой и напряженностью, умирать сознательно и съ достоинствомъ.

Отдѣлъ живописи и скульптуры составлялъ одну половину музея, другая была посвящена всецѣло архитектурѣ. Подъ архитектурой марсіяне понимаютъ не только эстетику зданій и большихъ инженерныхъ сооруженій, но также эстетику мебели, орудій, машинъ, вообще эстетику всего матеріально-полезнаго. Какую громадную роль въ ихъ жизни играетъ это искусство, о томъ можно было судить по особенной полнотѣ и тщательности составленія этой коллекціи. Отъ первобытныхъ пещерныхъ жилищъ, съ ихъ грубо-украшенной утварью, до роскошныхъ общественныхъ домовъ изъ стекла и алюминія, съ ихъ внутренней обстановкой, исполненной лучшими художниками, до гигантскихъ заводовъ съ ихъ грозно-красивыми машинами, до величайшихъ каналовъ съ

ихъ гранитными набережными и воздушными мостами, — тутъ были представлены всѣ типическія формы, въ видѣ картинъ, чертежей, моделей, и особенно—стереограммъ въ большихъ стереоскопахъ, гдѣ все воспроизводилось съ полной иллюзіей тожества. Особое мѣсто занимала эстетика садовъ, полей и парковъ; и какъ ни была непривычна для меня природа планеты, но даже мнѣ часто была понятна красота тѣхъ сочетаній цвѣтовъ и формъ, которыя создавались изъ этой природы коллективнымъ геніемъ племени съ большими глазами.

Въ произведеніяхъ прежнихъ эпохъ очень часто, какъ и у насъ, изящество достигалось за счетъ удобства, украшенія вредили прочности, искусство совершало насиліе надъ прямымъ полезнымъ назначеніемъ предметовъ. Ничего подобнаго мой глазъ не улавливалъ въ произведеніяхъ новѣйшей эпохи,—ни въ ея мебели, ни въ ея орудіяхъ, ни въ ея сооруженіяхъ. Я спросилъ Энно, допускаетъ ли ихъ современная архитектура уклоненіе отъ практическаго совершенства предметовъ ради ихъ красоты.

— Никогда, — отвѣчалъ Энно: — это была бы фальшивая красота, искусственность, а не искусство.

Въ до-соціалистическія времена марсіяне ставили памятники своимъ великимъ людямъ; теперь они ставятъ памятники только великимъ событіямъ, такимъ, какъ первая попытка достигнуть земли, закончившаяся гибелью изслѣдователей, такимъ, какъ уничтоженіе смертельной эпидемической болѣзни, такимъ какъ открытіе разложенія и синтеза всѣхъ химическихъ элементовъ. Рядъ памятниковъ былъ представленъ въ стереограммахъ того же отдѣла, гдѣ находились гробницы и храмы (у марсіянъ раньше существовали и религіи). Однимъ изъ послѣднихъ памятниковъ великимъ людямъ былъ памятникъ того инженера, о которомъ разсказывалъ мнѣ Мэнни. Художникъ сумѣлъ ясно представить силу души человѣка, побѣдоносно руководившаго арміей труда въ борьбѣ съ природой и гордо отвергнувшаго трусливый судъ нравственности надъ его поступками. Когда я въ невольной задумчивости остановился передъ панорамой памятника, Энно тихо произнесъ нѣсколько стиховъ, выражавшихъ сущность душевной трагедіи героя.

— Чьи это стихи?—спросилъ я.

— Мои,—отвѣчалъ Энно:—я написалъ ихъ для Мэнни.

Я не могъ вполнѣ судить о внутренней красотѣ стиховъ на чуждомъ еще для меня языкѣ; но несомнѣнно, что ихъ мысль была ясна, ритмъ очень стройный, риѳма звучная и богатая. Это дало новое направленіе моимъ мыслямъ.

— Значитъ, у васъ въ поэзіи еще процвѣтаютъ строгій ритмъ и риѳма?

— Конечно,—съ оттѣнкомъ удивленія сказалъ Энно.—Развѣ это кажется вамъ некрасивымъ?

— Нѣтъ, вовсе не то,—объяснилъ я:—но у насъ распространено мнѣніе, что эта форма была порождена вкусами господствующихъ классовъ нашего общества,—какъ выраженіе ихъ прихотливости и пристрастія къ условностямъ, сковывающимъ свободу художественной рѣчи. Изъ этого дѣлаютъ выводъ, что поэзія будущаго, поэзія эпохи соціализма должна отвергнуть и забыть эти стѣснительные законы.

— Это совершенно несправедливо,—горячо возразилъ Энно. —Правильно-ритмическое кажется намъ красивымъ вовсе не изъ пристрастія къ условному, а потому, что оно глубоко гармонируетъ съ ритмической правильностью процессовъ нашей жизни и сознанія. А риѳма, завершающая рядъ многообразій въ одинаковыхъ конечныхъ аккордахъ, развѣ она не находится въ такомъ же глубокомъ родствѣ съ той жизненной связью людей, которая ихъ внутреннее многообразіе увѣнчиваетъ единствомъ наслажденія въ любви, единствомъ разумной цѣли въ трудѣ, единствомъ настроенія въ искусствѣ? Безъ ритма вообще нѣтъ художественной формы. Гдѣ нѣтъ ритма звуковъ, тамъ долженъ быть, и притомъ тѣмъ строже, ритмъ образовъ, ритмъ идей... А если риѳма, дѣйствительно, феодальнаго происхожденія, то вѣдь это можно сказать и о многихъ другихъ хорошихъ и красивыхъ вещахъ.

— Но вѣдь риѳма, въ самомъ дѣлѣ, стѣсняетъ и затрудняетъ выраженіе поэтической идеи?

— Такъ что же изъ этого? Вѣдь это стѣсненіе вытекаетъ изъ цѣли, которую свободно ставитъ себѣ художникъ. Оно не только затрудняетъ, но и совершенствуетъ выраженіе поэтической идеи, и только ради этого оно и существуетъ. Чѣмъ сложнѣе цѣль, тѣмъ труднѣе путь къ ней, и слѣдовательно, тѣмъ больше стѣсненій на этомъ пути. Если вы хотите построить красивое зданіе, сколько правилъ техники и гармоніи будутъ опредѣлять и,

значитъ, «стѣснять» вашу работу! Вы свободны въ выборѣ цѣлей,—это и есть единственная человѣческая свобода. Но разъ вы желаете цѣли,—тѣмъ самымъ вы желаете и средствъ, которыми она достигается.

Мы сошли въ садъ отдохнуть отъ массы впечатлѣній. Былъ уже вечеръ, ясный и мягкій весенній вечеръ. Цвѣты начинали свертывать свои чашечки и листья, чтобы закрыть ихъ на ночь: это общая особенность растеній Марса, порожденная его холодными ночами. Я возобновилъ начатый разговоръ.

— Скажите, какіе роды беллетристики у васъ теперь преобладаютъ?

— Драма, особенно трагедія, и поэзія картинъ природы,— отвѣтилъ Энно.

— Въ чемъ же содержаніе вашей трагедіи? Гдѣ матеріалъ для нея въ вашемъ счастливомъ мирномъ существованіи?

— Счастливое? мирное? откуда вы это взяли? У насъ царствуетъ миръ между людьми, это правда,—но нѣтъ мира со стихійностью природы, и не можетъ его быть. А это такой врагъ, въ самомъ пораженіи котораго всегда есть новая угроза. За послѣдній періодъ нашей исторіи мы въ десятки разъ увеличили эксплоатацію нашей планеты, наша численность возрастаетъ, и еще несравненно быстрѣе растутъ наши потребности. Опасность истощенія природныхъ силъ и средствъ уже не разъ вставала передъ нами то въ одной, то въ другой области труда. До сихъ поръ намъ удавалось преодолѣть ее, не прибѣгая къ ненавистному сокращенію жизни, въ себѣ и въ потомствѣ; но именно теперь борьба принимаетъ особенно серьезный характеръ.

— Я никакъ не думалъ, что при вашемъ техническомъ и научномъ могуществѣ возможны такія опасности. Вы говорите, что это уже случалось въ вашей исторіи?

— Еще семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда изсякли запасы каменнаго угля, а переходъ на водяную и электрическую энергіи былъ далеко еще не завершенъ, намъ, чтобы выполнить громадную перестройку машинъ, пришлось истребить значительную долю дорогихъ намъ лѣсовъ нашей планеты, что на десятки лѣтъ обезобразило ее и ухудшило климатъ. Потомъ, когда мы уже оправились отъ этого кризиса, лѣтъ двадцать тому назадъ оказалось, что приходятъ къ концу желѣзныя руды. Началось спѣш-

ное изученіе твердыхъ сплавовъ алюминія, и громадная доля техническихъ силъ, которыми мы располагали, была направлена на электрическое добываніе алюминія изъ почвы. Теперь, по вычисленіямъ статистиковъ, намъ угрожаетъ черезъ тридцать лѣтъ недостатокъ пищи, если до того времени не будетъ выполненъ синтезъ бѣлковыхъ веществъ изъ элементовъ.

— А другія планеты?—возразилъ я.—Развѣ тамъ вы не можете найти, чѣмъ пополнить недостатокъ?

— Гдѣ? Венера—повидимому, еще недоступна. Земля? Она имѣетъ свое человѣчество, и вообще до сихъ поръ не выяснено, насколько удастся намъ использовать ея силы. На переѣздъ туда нужна каждый разъ громадная затрата энергіи; а запасы радіирующей матеріи, необходимой для этого, по словамъ Мэнни, который недавно разсказывалъ мнѣ о своихъ послѣднихъ изслѣдованіяхъ, очень не велики на нашей планетѣ. Нѣтъ, трудности повсюду значительны; и чѣмъ тѣснѣе наше человѣчество смыкаетъ свои ряды для завоеванія природы, тѣмъ тѣснѣе смыкаются и стихіи для мести за побѣды.

— Но всегда же достаточно, напр., сократить размноженіе, чтобы поправить дѣло?

— Сократить размноженіе? Да вѣдь это и есть побѣда стихій. Это—отказъ отъ безграничнаго роста жизни, это неизбѣжная ея остановка на одной изъ ближайшихъ ступеней. Мы побѣждаемъ, пока нападаемъ. Когда же мы откажемся отъ роста нашей арміи, это будетъ значить, что мы уже осаждены стихіями со всѣхъ сторонъ. Тогда станетъ ослабѣвать вѣра въ нашу коллективную силу, въ нашу великую общую жизнь. А вмѣстѣ съ этой вѣрой будетъ теряться и смыслъ жизни каждаго изъ насъ, потому что въ каждомъ изъ насъ, маленькихъ клѣтокъ великаго организма, живетъ цѣлое, и каждый живетъ этимъ цѣлымъ. Нѣтъ! сократить размноженіе—это послѣднее, на что мы бы рѣшились; а когда это случится помимо нашей воли, то оно будетъ началомъ конца.

— Ну, хорошо, я понимаю, что трагедія цѣлаго для васъ всегда существуетъ, по крайней мѣрѣ, какъ угрожающая возможность. Но, пока побѣда остается еще за человѣчествомъ, личность достаточно защищена отъ этой трагедіи коллективностью; даже когда наступаетъ прямая опасность, гигантскія усилія и страда-

нія напряженной борьбы такъ ровно распредѣляются между безчисленными личностями, что не могутъ серьезно нарушить ихъ спокойнаго счастья. А для такого счастья у васъ, кажется, есть все, что надо.

— Спокойное счастье! Да развѣ можетъ личность не чувствовать сильно и глубоко потрясеній жизни цѣлаго, въ которомъ ея начало и конецъ? И развѣ не возникаетъ глубокихъ противорѣчій жизни изъ самой ограниченности отдѣльнаго существа по сравненію съ его цѣлымъ, изъ самаго безсилія вполнѣ слиться съ этимъ цѣлымъ, вполнѣ растворить въ немъ свое сознаніе и охватить его своимъ сознаніемъ? Вамъ непонятны эти противорѣчія? Это потому, что они затемнены въ вашемъ мірѣ другими, болѣе близкими и грубыми. Борьба классовъ, группъ, личностей отнимаетъ у васъ идею цѣлаго, а съ ней и то счастье, и тѣ страданія, которыя она приноситъ. Я видѣлъ вашъ міръ; я не могъ бы вынести десятой доли того безумія, среди котораго живутъ ваши братья. Но именно поэтому я не взялся бы рѣшить, кто изъ насъ ближе къ спокойному счастью: чѣмъ жизнь стройнѣе и гармоничнѣе, тѣмъ мучительнѣе въ ней неизбѣжные диссонансы.

— Но скажите, Энно, развѣ, напр., вы не счастливый человѣкъ? Молодость, наука, поэзія и навѣрно, любовь... Что могли вы испытать такого тяжелаго, чтобы говорить настолько горячо о трагедіи жизни?

— Это очень удачно,—засмѣялся Энно, и странно звучалъ его смѣхъ.—Вы не знаете, что веселый Энно одинъ разъ уже рѣшилъ было умереть. И если бы Мэнни всего на одинъ день опоздалъ написать ему шесть словъ, разстроившихъ всѣ расчеты: „не хотите ли ѣхать на Землю?“,—то у васъ не было-бы вашего веселаго спутника. Но сейчасъ я не сумѣлъ бы объяснить вамъ всего этого. Вы сами увидите потомъ, что если есть у насъ счастье, такъ только не то мирное и спокойное счастье, о которомъ вы говорили.

Я не рѣшился итти дальше въ вопросахъ. Мы встали и вернулись въ музей. Но я не могъ больше систематически осматривать коллекціи: мое вниманіе было разсѣяно, мысли ускользали. Я остановился въ отдѣлѣ скульптуры передъ одной изъ новѣйшихъ статуй, изображавшей прекраснаго мальчика. Черты его ли-

ца напоминали Нэтти; но всего больше меня поразило то искусство, съ которымъ художникъ съумѣлъ въ несложившемся тѣлѣ, въ незаконченныхъ чертахъ, въ тревожныхъ, пытливо вглядывающихся глазахъ ребенка воплотить зарождающуюся геніальность. Я долго, неподвижно стоялъ передъ статуей, и все остальное успѣло исчезнуть изъ моего сознанія, когда голосъ Энно заставилъ меня очнуться.

— Это вы,—сказалъ онъ, указывая на мальчика:—это вашъ міръ. Это будетъ чудный міръ, но онъ еще въ дѣтствѣ; и посмотрите, какія смутныя грезы, какіе тревожные образы волнуютъ его сознаніе... Онъ въ полуснѣ,—но онъ проснется, я чувствую это, я глубоко вѣрю въ это!

Къ радостному чувству которое вызвали во мнѣ эти слова, примѣшивалось странное сожалѣніе:

„Зачѣмъ не Нэтти сказалъ это!“

V. Въ лечебницѣ.

Я возвратился домой очень утомленный; а послѣ двухъ безсонныхъ ночей и цѣлаго дня полной неспособности къ работѣ я рѣшилъ опять отправиться къ Нэтти, такъ какъ мнѣ не хотѣлось обращаться къ незнакомому врачу химическаго городка. Нэтти съ утра работалъ въ лечебницѣ; тамъ я и нашелъ его за пріемомъ приходящихъ больныхъ.

Когда Нэтти увидалъ меня въ пріемной, онъ тотчасъ подошелъ ко мнѣ, внимательно посмотрѣлъ на мое лицо, взялъ за руку, и отвелъ въ отдаленную маленькую комнату, гдѣ съ мягкимъ голубымъ свѣтомъ смѣшивался легкій пріятный запахъ незнакомыхъ мнѣ духовъ, и тишина ничѣмъ не нарушалась. Тамъ онъ удобно усадилъ меня въ глубокое кресло, и сказалъ:

— Ни о чемъ не думайте, ни о чемъ не заботьтесь. На сегодня я беру все это себѣ. Отдохните, я потомъ приду.

Онъ ушелъ, а я ни о чемъ не думалъ, ни о чемъ не заботился, такъ какъ онъ взялъ на себя всѣ мысли и заботы. Это было очень пріятно, и черезъ нѣсколько минутъ я заснулъ. Когда я очнулся, Нэтти опять стоялъ передо мной и съ улыбкой смотрѣлъ на меня.

— Вамъ теперь лучше?—спросилъ онъ.

— Я совершенно здоровъ, а вы геніальный врачъ,—отвѣчалъ я. — Идите къ своимъ больнымъ, и не безпокойтесь обо мнѣ.

— Моя работа на сегодня уже кончена. Если хотите, я покажу вамъ нашу лечебницу,—предложилъ Нэтти.

Мнѣ это было очень интересно, и мы отправились въ обходъ по всему обширному, красивому зданію.

Среди больныхъ преобладали хирургическіе и нервные. Большая часть хирургическихъ были жертвы несчастныхъ случаевъ съ машинами.

— Неужели у васъ на заводахъ и фабрикахъ недостаточно огражденій?—спросилъ я Нэтти.

— Абсолютныхъ огражденій, при которыхъ несчастные случаи были бы невозможны, почти не существуетъ. Но здѣсь собраны эти больные изъ района съ населеніемъ больше двухъ милліоновъ человѣкъ,—на такой районъ нѣсколько десятковъ пострадавшихъ не такъ много. Чаще всего это—новички, еще не освоившіеся съ устройствомъ машинъ, на которыхъ работаютъ: у насъ вѣдь всѣ любятъ переходить изъ одной области производства въ другую. Спеціалисты ученые и художники особенно легко становятся жертвами своей разсѣянности: вниманіе имъ часто измѣняетъ, они задумываются или забываются въ созерцаніи.

— А нервные больные—это, конечно, главнымъ образомъ, отъ переутомленія?

— Да, такихъ не мало. Но не меньше и болѣзней, вызванныхъ волненіями и кризисами половой жизни, а также другими душевными потрясеніями, напр., смертью близкихъ людей.

— А здѣсь есть душевно-больные съ затемненнымъ или спутаннымъ сознаніемъ?

— Нѣтъ, такихъ здѣсь нѣтъ; для нихъ есть отдѣльныя лечебницы. Тамъ нужны особыя приспособленія для тѣхъ случаевъ, когда больной можетъ причинить вредъ себѣ или другимъ.

— Въ этихъ случаяхъ и у васъ прибѣгаютъ къ насилію надъ больными?

— Настолько, насколько это безусловно необходимо,—разумѣется.

— Вотъ, уже второй разъ я встрѣчаюсь съ насиліемъ въ вашемъ мірѣ. Первый разъ это было въ домѣ дѣтей. Скажите,

вамъ, значитъ, не удается вполнѣ устранить эти элементы изъ вашей жизни, вы принуждены ихъ сознательно допускать?

— Да, какъ мы допускаемъ болѣзнь и смерть, или, пожалуй, какъ горькое лекарство. Какое же разумное существо откажется отъ насилія, напр., для самозащиты?

— Знаете, для меня это значительно уменьшаетъ пропасть между нашими мірами.

— Но вѣдь ихъ главное различіе вовсе не въ томъ и заключается, что у васъ много насилія и принужденія, а у насъ мало. Главное различіе въ томъ, что у васъ то и другое облекается въ законы, внѣшніе и внутренніе, въ нормы права и нравственности, которыя господствуютъ надъ людьми и постоянно тяготѣютъ надъ ними. У насъ же насиліе существуетъ либо какъ проявленіе болѣзни, либо какъ разумный поступокъ разумнаго существа. Въ томъ и другомъ случаѣ ни изъ него, ни для него не создается никакихъ общественныхъ законовъ и нормъ, никакихъ личныхъ или безличныхъ повелѣній.

— Но установлены же у васъ правила, по которымъ вы ограничиваете свободу вашихъ душевно-больныхъ или вашихъ дѣтей?

— Да, чисто научныя правила ухода за больными и педагогики. Но, конечно, и въ этихъ техническихъ правилахъ вовсе не предусматриваются ни всѣ случаи необходимости насилія, ни всѣ способы его примѣненія, ни его степень,—все это зависитъ отъ совокупности дѣйствительныхъ условій.

— Но если такъ, то здѣсь возможенъ настоящій произволъ, со стороны воспитателей или тѣхъ, кто ухаживаетъ за больными?

— Что означаетъ это слово,—„произволъ“? Если оно означаетъ ненужное, излишнее насиліе, то оно возможно только со стороны больного человѣка, который самъ подлежитъ леченію. А разумный и сознательный человѣкъ, конечно, неспособенъ на это.

Мы миновали комнаты больныхъ, операціонныя, комнаты лекарствъ, квартиры ухаживающихъ за больными, и поднявшись въ верхній этажъ, прошли въ большую, красивую залу, черезъ прозрачныя стѣны которой открывался видъ на озеро, лѣсъ и отдаленныя горы. Комнату украшали высоко-художественныя статуи и картины, мебель была роскошна и изящна.

— Это комната умирающихъ,—сказалъ Нэтти.

— Вы приносите сюда всѣхъ умирающихъ?—спросилъ я.

— Да, или они сами сюда приходятъ,—отвѣчалъ Нэтти.

— Но развѣ ваши умирающіе могутъ еще сами ходить?—удивился я.

— Тѣ, которые физически здоровы,—конечно, могутъ.

Я понялъ, что рѣчь шла о самоубійцахъ.

— Вы предоставляете самоубійцамъ эту комнату для выполненія ихъ дѣла?

— Да, и всѣ средства спокойной, безболѣзненной смерти.

— И при этомъ—никакихъ препятствій?

— Если сознаніе паціента ясно, и его рѣшеніе твердо, то какія же могутъ быть препятствія? Врачъ, конечно, сначала предлагаетъ больному посовѣтоваться съ нимъ. Нѣкоторые соглашаются на это, другіе—нѣтъ...

— И самоубійства очень часты между вами?

— Да, особенно среди стариковъ. Когда чувство жизни слабѣетъ и притупляется, тогда многіе предпочитаютъ не ждать естественнаго конца.

— Но вамъ приходится сталкиваться и съ самоубійствомъ молодыхъ людей, полныхъ силы и здоровья?

— Да, бываетъ и это, но не часто. На моей памяти, въ этой лечебницѣ было два такихъ случая; въ третьемъ случаѣ попытку удалось остановить.

— Кто же были эти несчастные, и что привело ихъ къ гибели?

— Первый былъ мой учитель, замѣчательный врачъ, который внесъ въ науку много новаго. У него была чрезмѣрно развита способность чувствовать страданія другихъ людей. Это направило его умъ и энергію въ сторону медицины, но это и погубило его. Онъ не вынесъ. Свое душевное состояніе онъ скрывалъ ото всѣхъ такъ хорошо, что крушеніе произошло совершенно неожиданно. Это случилось послѣ тяжелой эпидеміи, возникшей при работахъ по осушенію одного морского залива, вслѣдствіе разложенія нѣсколькихъ сотъ милліоновъ килограммовъ погибшей при этомъ рыбы. Болѣзнь была мучительна, какъ ваша холера, но еще гораздо опаснѣе, и въ девяти случаяхъ изъ десяти оканчивалась смертью. Благодаря этой слабой возможности выздоровленія, врачи не могли даже исполнять просьбъ своихъ больныхъ о скорой и

легкой смерти: вѣдь нельзя считать вполнѣ сознательнымъ человѣка, захваченнаго острой лихорадочной болѣзнью. Мой учитель безумно работалъ во время эпидеміи, и его изслѣдованія помогли довольно скоро покончить съ нею. Но когда это было сдѣлано, онъ отказался жить.

— Сколько лѣтъ ему было тогда?

— По вашему счету — около пятидесяти. У насъ это еще совсѣмъ молодой возрастъ.

— А другой случай?

— Это была женщина, у которой умерли мужъ и ребенокъ одновременно.

— И, наконецъ, третій случай?

— Его могъ бы разсказать вамъ только самъ товарищъ, его переживший.

— Это правда,—сказалъ я.—Но объясните мнѣ другое: почему у васъ, марсіянъ, такъ долго сохраняется молодость? Особенность ли это вашей расы, или результатъ лучшихъ условій жизни, или еще что-нибудь?

— Раса тутъ не при чемъ: лѣтъ 200 тому назадъ мы были вдвое менѣе долговѣчны. Лучшія условія жизни? Да, въ значительной мѣрѣ именно это. Но не только это. Главную роль тутъ играетъ примѣняемое нами обновленіе жизни.

— Это что же такое?

— Вещь, въ сущности, очень простая, но вамъ она, вѣроятно, покажется странной. А между тѣмъ въ вашей наукѣ уже имѣются всѣ данныя для этого метода. Вы знаете, что природа, чтобы повысить жизнеспособность клѣтокъ или организмовъ, постоянно дополняетъ одну особь другою. Для этой цѣли одноклѣточныя существа, когда ихъ жизненность понизится въ однообразной обстановкѣ, сливаются по два въ одно, и только этимъ путемъ возвращается въ полной мѣрѣ способность ихъ къ размноженію—„безсмертіе“ ихъ протоплазмы. Такой же смыслъ имѣетъ и половое скрещиваніе высшихъ растеній и животныхъ: тамъ также соединяются жизненные элементы двухъ различныхъ существъ, чтобы получился болѣе совершенный зародышъ третьяго. Наконецъ, вы знаете уже и примѣненіе кровяныхъ сыворотокъ для передачи отъ одного существа другому элементовъ жизнеспособности, такъ сказать, по частямъ—въ видѣ, напр., повышен-

наго сопротивленія той или другой болѣзни. Мы же идемъ дальше и устраиваемъ обмѣнъ крови между двумя человѣческими существами, изъ которыхъ каждое можетъ передавать другому массу условій повышенія жизни. Это просто одновременное переливаніе крови отъ одного человѣка другому и обратно, путемъ двойного соединенія соотвѣтственными приборами ихъ кровеносныхъ сосудовъ. При соблюденіи всѣхъ предосторожностей, это совершенно безопасно: кровь одного человѣка продолжаетъ жить въ организмѣ другого, смѣшавшись тамъ съ его кровью, и внося глубокое обновленіе во всѣ его ткани.

— И такимъ образомъ можно возвращать молодость старикамъ, вливая въ ихъ жилы юношескую кровь?

— Отчасти, да; но не вполнѣ, разумѣется, потому что кровь—не все въ организмѣ, и она въ свою очередь имъ перерабатывается. Поэтому, напр., молодой человѣкъ не старѣетъ отъ крови пожилого: то, что въ ней есть слабаго, старческаго, быстро преодолѣвается молодымъ организмомъ, но въ то же время изъ нея усваивается многое такое, чего не хватаетъ этому организму,—энергія и гибкость его жизненныхъ отправленій также возрастаютъ.

— Но если это такъ просто, то почему же наша, земная медицина до сихъ поръ не пользуется этимъ средствомъ? Вѣдь она знаетъ и переливаніе крови ужъ нѣсколько сотъ лѣтъ, если не ошибаюсь.

— Не знаю, можетъ быть, есть какія-нибудь особыя органическія условія, которыя у васъ лишаютъ это средство его значенія. А можетъ быть, это просто результатъ господствующей у васъ психологіи индивидуализма, которая такъ глубоко отграничиваетъ у васъ одного человѣка отъ другого, что мысль объ ихъ жизненномъ сліяніи для вашихъ ученыхъ почти недоступна. Кромѣ того, у васъ распространена такая масса болѣзней, отравляющихъ кровь, болѣзней, о которыхъ сами больные часто не знаютъ, а иногда и просто скрываютъ. Практикуемое въ вашей медицинѣ—теперь очень рѣдко—переливаніе крови имѣетъ какой-то филантропическій характеръ: тотъ, у кого ея много, даетъ другому, у котораго въ ней есть острая нужда, вслѣдствіе, напримѣръ, большого кровотеченія изъ раны. У насъ бываетъ, конечно, и это: но постоянно примѣняется другое, то, что соотвѣтствуетъ всему

нашему строю: товарищескій обмѣнъ жизни, не только въ идейномъ, но и въ физіологическомъ существованіи...

VI. Работа и призраки.

Впечатлѣнія первыхъ дней, бурнымъ потокомъ нахлынувшія на мое сознаніе, дали мнѣ понятіе о громадныхъ размѣрахъ той работы, которая мнѣ предстояла. Надо было прежде всего постигнуть этотъ міръ, неизмѣримо богатый и своеобразный въ своей жизненной стройности. Надо было затѣмъ войти въ него, не въ качествѣ интереснаго музейнаго экземпляра, а въ качествѣ человѣка среди людей, работника среди работниковъ. Только тогда могла быть выполнена моя миссія, только тогда я могъ послужить началомъ дѣйствительной взаимной связи двухъ міровъ, между которыми я, соціалистъ, находился на границѣ, какъ безконечно-малый моментъ настоящаго — между прошлымъ и будущимъ.

Когда я уѣзжалъ изъ лечебницы, Нэтти сказалъ мнѣ: „Не очень спѣшите! —Мнѣ казалось, что онъ неправъ. Надо было именно спѣшить, надо было пустить въ ходъ всѣ свои силы, всю свою энергію,— потому что отвѣтственность была страшно велика! Какую колоссальную пользу нашему старому, измученному человѣчеству,—какое гигантское ускореніе его развитія, его расцвѣта должно было принести живое, энергичное вліяніе высшей культуры, могучей и гармоничной! И каждый моментъ замедленія въ моей работѣ могъ отдалять это вліяніе... Нѣтъ, ждать, отдыхать—было некогда.

И я очень много работалъ. Я знакомился съ наукой и техникой новаго міра, я напряженно наблюдалъ его общественную жизнь, я изучалъ его литературу. Да, тутъ было много труднаго.

Ихъ научные методы ставили меня въ тупикъ: я механически усваивалъ ихъ, убѣждался на опытѣ, что примѣненіе ихъ легко, просто, и непогрѣшимо,—а между тѣмъ я не понималъ ихъ, не понималъ, почему они ведутъ къ цѣли, гдѣ ихъ связь съ живыми явленіями, въ чемъ ихъ сущность. Я былъ точно тѣ старые математики XVII вѣка, неподвижная мысль которыхъ органически не могла усваивать живой динамики безконечно-малыхъ величинъ.

Общественныя собранія марсіянъ поражали меня своимъ напряженно-дѣловымъ характеромъ. Были ли они посвящены вопро-

самъ науки, или вопросамъ организаціи работъ, или даже вопросамъ искусства,—доклады и рѣчи были страшно сжаты и кратки, аргументація опредѣленна и точна, никто никогда не повторялся и не повторялъ другихъ. Рѣшенія собраній, чаще всего единогласныя, выполнялись со сказочной быстротой. Рѣшало собраніе ученыхъ одной спеціальности, что надо организовать такое-то научное учрежденіе,—собраніе статистиковъ труда, что надо устроить такое-то новое предпріятіе,—собраніе жителей города, что надо украсить его такимъ-то зданіемъ, — немедленно появлялись новыя цифры необходимаго труда, публикуемыя центральнымъ бюро, пріѣзжали по воздуху сотни и тысячи новыхъ работниковъ, и черезъ нѣсколько дней или недѣль все было уже сдѣлано, а новые работники исчезали неизвѣстно куда. Все это производило на меня впечатлѣніе какъ-будто своеобразной магіи, странной магіи—спокойной и холодной, безъ заклинаній и мистическихъ украшеній, но тѣмъ болѣе загадочной въ своемъ сверхчеловѣческомъ могуществѣ.

Литература новаго міра, даже чисто художественная, не была также для меня они отдыхомъ, ни успокоеніемъ. Ея образы были какъ-будто несложны и ясны, но какъ-то внутренно чужды для меня. Мнѣ хотѣлось глубже въ нихъ проникнуть, сдѣлать ихъ близкими и понятными,—но мои усилія приводили къ совершенно неожиданному результату: образы становились призрачными и одѣвались туманомъ.

Когда я шелъ въ театръ, то и здѣсь меня преслѣдовало все то же чувство непонятнаго. Сюжеты были просты, игра превосходна, а жизнь оставалась далекой. Рѣчи героевъ были такъ сдержанны и мягки, поведеніе такъ спокойно и осторожно, ихъ чувства подчеркивались такъ мало, какъ-будто они не хотѣли навязывать зрителю никакихъ настроеній, какъ-будто они были сплошные философы, да еще, какъ мнѣ казалось, сильно идеализированные. Только историческія пьесы изъ далекаго прошлаго давали мнѣ сколько-нибудь знакомыя впечатлѣнія, а игра актеровъ тамъ была настолько же энергична, и выраженія личныхъ чувствъ настолько же откровенны, какъ я привыкъ видѣть въ нашихъ театрахъ.

Было одно обстоятельство, которое, несмотря на все, привлекало меня въ театръ нашего маленькаго городка съ особенной

силой. Это именно то, что въ немъ вовсе не было актеровъ. Пьесы, которыя я тамъ видѣлъ, либо передавались оптическими и акустическими передаточными аппаратами изъ далекихъ большихъ городовъ, либо даже—и это чаще всего—были воспроизведеніемъ игры, которая была давно, иногда такъ давно, что сами актеры уже умерли. Марсіяне, зная способы моментальнаго фотографированія въ естественныхъ цвѣтахъ, примѣняли ихъ для того, чтобы фотографировать жизнь въ движеніи, какъ это дѣлается для нашихъ кинематографовъ. Но они не только соединяли кинематографъ съ фонографомъ, какъ это начинаютъ дѣлать и у насъ на Землѣ,—пока еще весьма неудачно,—они пользовались идеей стереоскопа, и превращали изображенія кинематографа въ рельефныя. На экранѣ давалось одновременно два изображенія – двѣ половины стереограммы; а передъ каждымъ кресломъ зрительной залы былъ прикрѣпленъ соотвѣтствующій стереоскопическій бинокль, который сливалъ два плоскихъ изображенія въ одно, но всѣхъ трехъ измѣреній. Было странно видѣть ясно и отчетливо живыхъ людей, которые движутся, дѣйствуютъ, выражаютъ свои мысли и чувства,—и сознавать въ то же время, что тамъ ничего нѣтъ, а есть матовая пластинка, и за нею—фонографъ и электрическій фонарь съ часовымъ механизмомъ. Это было почти мистически-странно, и порождало смутное сомнѣніе во всей дѣйствительности.

Все это, однако, не облегчало мнѣ выполненія моей задачи—понять чужой міръ. Мнѣ, конечно, нужна была помощь со стороны. Но я все рѣже обращался къ Мэнни за указаніями и объясненіями. Мнѣ было неловко обнаруживать свои затрудненія во всемъ ихъ объемѣ. Къ тому же вниманіе Мэнни въ это время было страшно занято однимъ важнымъ изслѣдованіемъ изъ области добыванія „минусъ-матеріи“. Онъ работалъ неутомимо, часто не спалъ цѣлыя ночи, и мнѣ не хотѣлось мѣшать ему и отвлекать его; а его увлеченіе работой было какъ-будто живымъ примѣромъ, который невольно побуждалъ меня идти дальше въ своихъ усиліяхъ.

Остальные друзья, между тѣмъ, временно исчезли съ моего горизонта. Нэтти уѣхалъ за нѣсколько тысячъ километровъ руководить устройствомъ и организаціей новой гигантской лечебницы, въ другомъ полушаріи планеты. Энно былъ занятъ, какъ помощникъ Стэрни на его обсерваторіи, измѣреніями и вычисленіями,

необходимыми для новыхъ экспедицій на Землю и Венеру, а также для экспедицій на Луну и Меркурій съ цѣлью ихъ лучше фотографировать и привезти образчики ихъ минералловъ. Съ другими марсіянами я близко не сходился, а ограничивался необходимыми разспросами и дѣловыми разговорами: трудно и странно было сближаться съ чуждыми мнѣ и—высшими, чѣмъ я, существами.

Съ теченіемъ времени мнѣ стало казаться, что работа моя идетъ, въ сущности, недурно. Я все меньше нуждался въ отдыхѣ, и даже въ снѣ. То, что я изучалъ, какъ-то механически-легко и свободно стало укладываться въ моей головѣ, и при этомъ ощущеніе было таково, словно голова совершенно пуста, и въ ней можно помѣстить еще очень, очень много. Правда, когда я пытался, по старой привычкѣ, отчетливо формулировать для себя то, что узналъ, это мнѣ большей частью не удавалось; но я находилъ что это не важно, что мнѣ не хватаетъ только выраженій, да какихъ-нибудь частностей и мелочей; а общее понятіе у меня имѣется, и это главное.

Никакого живого удовольствія мнѣ мои занятія уже не доставляли; ничто не вызывало во мнѣ прежняго непосредственнаго интереса.—Что же, и это вполнѣ понятно,—думалъ я: послѣ всего, что я видѣлъ и узналъ, меня трудно чѣмъ-нибудь еще удивить; дѣло не въ томъ, чтобы это мнѣ было пріятно, а въ томъ, чтобы овладѣть всѣмъ, чѣмъ надо.

Только одно было непріятно: все труднѣе становилось сосредоточивать вниманіе на одномъ предметѣ. Мысли отвлекались то и дѣло то въ одну, то въ другую сторону; яркія воспоминанія, часто очень неожиданныя и далекія, всплывали въ сознаніи, и заставляли забывать окружающее, отнимая драгоцѣнныя минуты. Я замѣчалъ это, спохватывался, и съ новой энергіей принимался за работу,—но проходило короткое время—и снова летучіе образы прошлаго или фантазіи овладѣвали моимъ мозгомъ, и снова приходилось подавлять ихъ рѣзкимъ усиліемъ.

Все чаще меня тревожило какое-то странное, безпокойное чувство, точно было что-то важное и спѣшное, чего я не исполнилъ, и о чемъ все забываю и стараюсь вспомнить. Вслѣдъ за этимъ чувствомъ поднимался цѣлый рой знакомыхъ лицъ и минувшихъ событій, и неудержимымъ потокомъ уносилъ меня все

дальше назадъ, черезъ юность и отрочество къ самому раннему дѣтству, теряясь затѣмъ въ какихъ-то смутныхъ и неясныхъ ощущеніяхъ. Послѣ этого моя разсѣянность становилась особенно сильной и упорной.

Подчиняясь внутреннему сопротивленію, которое не давало мнѣ долго сосредоточиваться на чемъ-нибудь одномъ, я началъ все чаще и быстрѣе переходить отъ предмета къ предмету, и для этого нарочно собиралъ въ своей комнатѣ цѣлыя груды книгъ, раскрытыхъ заранѣе на нужномъ мѣстѣ, таблицъ, картъ, стереограммъ, фонограммъ и т. д. Такимъ путемъ я надѣялся устранить потерю времени,—но разсѣянность все незамѣтнѣе подкрадывалась ко мнѣ, и я ловилъ себя на томъ, что уже долго смотрю въ одну точку, ничего не понимая и ничего не дѣлая.

Зато когда я ложился въ постель и смотрѣлъ сквозь стеклянную крышу на темное ночное небо,—тогда мысль начинала самовольно работать съ удивительной живостью и энергіей. Цѣлыя страницы цифръ и формулъ выступали передъ моимъ внутреннимъ зрѣніемъ съ такой ясностью, что я могъ перечитывать ихъ строчка за строчкой. Но эти образы скоро уходили, уступая мѣсто другимъ; и тогда мое сознаніе превращалось въ какую-то панораму удивительно яркихъ и отчетливыхъ картинъ, не имѣвшихъ уже ничего общаго съ моими занятіями и заботами: земные ландшафты, театральныя сцены, картины дѣтскихъ сказокъ спокойно, точно въ зеркалѣ, отражались въ моей душѣ, и исчезали, и смѣнялись, не вызывая никакого волненія, а только легкое чувство интереса или любопытства, не лишенное очень слабаго пріятнаго оттѣнка. Эти отраженія сначала проходили внутри моего сознанія, не смѣшиваясь съ окружающей обстановкой, потомъ они ее вытѣсняли, и я погружался въ сонъ, полный живыхъ и сложныхъ сновидѣній, очень легко прерывавшійся, и не дававшій мнѣ главнаго, къ чему я стремился — чувства отдыха.

Шумъ въ ушахъ уже довольно давно меня безпокоилъ, а теперь онъ становился все постояннѣе и сильнѣе, такъ что иногда мѣшалъ мнѣ слушать фонограммы, а по ночамъ уносилъ остатки сна. Время отъ времени изъ него выдѣлялись человѣческіе голоса, знакомые и незнакомые; часто мнѣ казалось, что меня окликаютъ по имени, часто казалось, что я слышу разго-

воръ, словъ котораго изъ-за шума не могу разобрать. Я сталъ понимать, что уже не совсѣмъ здоровъ, тѣмъ болѣе что разсѣянность окончательно овладѣла мною, и я не могъ даже читать больше нѣсколькихъ строчекъ подрядъ.

— Это, конечно, просто переутомленіе,—думалъ я.—Мнѣ надо только больше отдыхать; я, пожалуй, слишкомъ много работалъ. Но не надо, чтобы Мэнни замѣтилъ, что со мной происходитъ: это слишкомъ похоже на банкротство съ первыхъ же шаговъ моего дѣла.

И когда Мэнни заходилъ ко мнѣ въ комнату,—это бывало тогда, правда, не часто,—я притворялся, что усердно занимаюсь. А онъ замѣчалъ мнѣ, что я работаю слишкомъ много и рискую переутомиться.

— Особенно сегодня у васъ нездоровый видъ,—говорилъ онъ: посмотрите въ зеркало, какъ блестятъ ваши глаза, и какъ вы блѣдны. Вамъ надо отдохнуть, вы этимъ выиграете въ дальнѣйшемъ.

И я самъ очень хотѣлъ бы этого, но мнѣ не удавалось. Правда, я почти ничего не дѣлалъ,—но меня утомляло уже всякое, самое маленькое усиліе; а бурный потокъ живыхъ образовъ воспоминанія и фантазіи не прекращался ни днемъ, ни ночью. Окружающее какъ-то блѣднѣло и терялось за ними, и пріобрѣтало призрачный оттѣнокъ.

Наконецъ, я долженъ былъ сдаться. Я видѣлъ, что вялость и апатія все сильнѣе овладѣваютъ моей волей, и я все меньше могу бороться со своимъ состояніемъ. Разъ утромъ, когда я всталъ съ постели, у меня все сразу потемнѣло въ глазахъ. Но это быстро прошло, и я подошелъ къ окну, чтобы посмотрѣть на деревья парка. Вдругъ я почувствовалъ, что на меня кто-то смотритъ. Я обернулся—передо мной стояла Анна Николаевна. Лицо ея было блѣдно и грустно, взглядъ полонъ упрека. Меня это огорчило, и я, совершенно не думая о странности ея появленія, сдѣлалъ шагъ по направленію къ ней, и хотѣлъ сказать что-то. Но она исчезла, какъ-будто растаяла въ воздухѣ.

Съ этого момента началась оргія призраковъ. Многаго я, конечно, не помню, и кажется, сознаніе часто спутывалось у меня на-яву, какъ во снѣ. Приходили и уходили или просто появлялись и исчезали самые различные люди, съ какими я встрѣчался

въ своей жизни, и даже совершенно незнакомые мнѣ. Но между ними не были марсіянъ, это были все земные люди, большей частью тѣ, которыхъ я давно не видалъ—старые школьные товарищи, молодой братъ, который умеръ еще въ дѣтствѣ. Какъ-то разъ черезъ окно я увидалъ на скамейкѣ знакомаго шпіона, который со злобной насмѣшкой смотрѣлъ на меня своими хищными, бѣгающими глазами. Призраки не разговаривали со мной,—а ночью, когда было тихо, слуховыя галлюцинаціи продолжались и усиливались, превращаясь въ цѣлые связные, но нелѣпо-безсодержательные разговоры, большей частью, между неизвѣстными мнѣ лицами: то пассажиръ торговался съ извозчикомъ, то приказчикъ уговаривалъ покупателя взять у него матерію, то шумѣла университетская аудиторія, а суб-инспекторъ убѣждалъ успокоиться, потому что сейчасъ придетъ господинъ профессоръ. Зрительныя галлюцинаціи были, по крайней мѣрѣ, интересны, да и мѣшали мнѣ гораздо меньше и рѣже.

Послѣ появленія Анны Николаевны я, разумѣется, сказалъ все Мэнни. Онъ тотчасъ уложилъ меня въ постель, позвалъ ближайшаго врача и телефонировалъ Нэтти за шесть тысячъ километровъ. Врачъ сказалъ, что онъ не рѣшается что-нибудь предпринять, потому что недостаточно знаетъ организацію земного человѣка, но что во всякомъ случаѣ главное для меня—спокойствіе и отдыхъ, и тогда не опасно подождать нѣсколько дней, пока пріѣдетъ Нэтти.

Нэтти явился на третій день, передавши все свое дѣло другому. Увидивъ, въ какомъ я состояніи, онъ съ грустнымъ упрекомъ взглянулъ на Мэнни.

VII. Нэтти.

Несмотря на леченіе такого врача какъ Нэтти, болѣзнь продолжалась еще нѣсколько недѣль. Я лежалъ въ постели, спокойный и апатичный, одинаково равнодушно наблюдая дѣйствительность и призраки; даже постоянное присутствіе Нэтти доставляло мнѣ лишь очень слабое, едва замѣтное удовольствіе.

Мнѣ странно вспомнить о своемъ тогдашнемъ отношеніи къ галлюцинаціямъ: хотя десятки разъ мнѣ приходилось убѣждаться въ ихъ не-реальности, но каждый разъ, какъ онѣ появлялись, я

какъ будто забывалъ все это: даже если мое сознаніе не затемнялось и не спутывалось,—я принималъ ихъ за дѣйствительныя лица и вещи. Пониманіе ихъ призрачности выступало только послѣ ихъ исчезнованія, или передъ самымъ исчезновеніемъ.

Главныя усилія Нэтти въ его леченіи были направлены на то, чтобы заставить меня спать и отдыхать. Никакихъ лекарствъ для этого, однако, и онъ примѣнять не рѣшался, боясь, что всѣ они могутъ оказаться ядами для земного организма. Нѣсколько дней ему не удавалось усыпить меня его обычными способами: галлюцинаторные образы врывались въ процессъ внушенія и разрушали его дѣйствіе. Наконецъ, ему удалось это, и когда я проснулся послѣ двухъ-трехъ часовъ сна, онъ сказалъ:

— Теперь ваше выздоровленіе несомнѣнно, хотя болѣзнь еще довольно долго будетъ итти своимъ путемъ.

И она, въ самомъ дѣлѣ, шла своимъ путемъ. Галлюцинаціи становились рѣже, но онѣ не были менѣе живыми и яркими; онѣ даже стали нѣсколько сложнѣе—иногда призрачные гости вступали въ разговоръ со мною.

Но изъ этихъ разговоровъ только одинъ имѣлъ смыслъ и значеніе для меня. Это было въ концѣ болѣзни.

Проснувшись утромъ, я увидалъ около себя, по обыкновенію, Нэтти, а за его кресломъ стоялъ мой старый товарищъ по революціи, пожилой человѣкъ и очень злой насмѣшникъ, агитаторъ Ибрагимъ. Онъ какъ-будто ожидалъ чего-то. Когдя Нэтти вышелъ въ другую комнату приготовить ванну, Ибрагимъ грубо и рѣшительно сказалъ мнѣ:

— Ты дуракъ! Чего ты зѣваешь? Развѣ ты не видишь, кто твой докторъ?

Я какъ-то мало удивился намеку, заключавшемуся въ этихъ словахъ, а ихъ циничный тонъ не возмутилъ меня — онъ былъ мнѣ знакомъ и очень обыченъ для Ибрагима. Но я вспомнилъ желѣзное пожатіе маленькой руки Нэтти, и не повѣрилъ Ибрагиму.

— Тѣмъ хуже для тебя!—сказалъ онъ съ презрительной усмѣшкой, и въ ту же минуту исчезъ.

Въ комнату вошелъ Нэтти. При видѣ его я почувствовалъ странную неловкость. Онъ пристально посмотрѣлъ на меня.

— Это хорошо—сказалъ онъ.—Ваше выздоровленіе идетъ быстро.

Весь день послѣ этого онъ былъ какъ-то особенно молчаливъ и задумчивъ. На другой день, убѣдившись что я чувствую себя хорошо, и галлюцинаціи не повторяются, онъ уѣхалъ по своимъ дѣламъ до самой ночи, замѣнивъ себя другимъ врачемъ. Послѣ этого въ теченіе цѣлаго ряда дней онъ являлся лишь по вечерамъ, чтобы усыпить меня на ночь. Тогда только мнѣ стало ясно, насколько для меня важно и пріятно его присутствіе. Вмѣстѣ съ волнами здоровья, которыя какъ-будто вливались въ мой организмъ изъ всей окружающей природы, стали все чаще приходить размышленія о намекѣ Ибрагима. Я колебался, и всячески убѣждалъ себя, что это нелѣпость, порожденная болѣзнью: изъ-за чего бы Нэтти и прочимъ друзьямъ обманывать меня относительно этого? Тѣмъ не менѣе смутное сомнѣніе оставалось, и оно мнѣ было пріятно.

Иногда я допрашивалъ Нэтти, какими дѣлами онъ сейчасъ занятъ. Онъ объяснялъ мнѣ, что идетъ рядъ собраній, связанныхъ съ устройствомъ новыхъ экспедицій на другія планеты, и онъ тамъ нуженъ, какъ экспертъ. Мэнни руководилъ этими собраніями; но ни Нэтти, ни онъ не собирались скоро ѣхать, что меня очень радовало.

— А вы сами не думаете ѣхать домой? — спросилъ меня Нэтти, и въ его тонѣ я подмѣтилъ безпокойство.

— Но вѣдь я еще ничего не успѣлъ сдѣлать,—отвѣчалъ я.

Лицо Нэтти просіяло.

— Вы ошибаетесь, вы сдѣлали многое... даже и этимъ отвѣтомъ,—сказалъ онъ.

Я почувствовалъ въ этомъ намекъ на что-то такое, чего я не знаю, но что касается меня.

— А не могу-ли я отправиться съ вами на одно изъ этихъ совѣщаній?—спросилъ я.

— Ни въ какомъ случаѣ!—рѣшительно заявилъ Нэтти.— Кромѣ безусловнаго отдыха, который вамъ нуженъ, вамъ надо еще цѣлые мѣсяцы избѣгать всего, что имѣетъ тѣсную связь съ началомъ вашей болѣзни.

Я не спорилъ. Мнѣ было такъ пріятно отдыхать; а мой долгъ передъ человѣчествомъ ушелъ куда-то далеко. Меня безпокоили только, и все сильнѣе, странныя мысли о Нэтти.

Разъ вечеромъ я стоялъ у окна и смотрѣлъ на темнѣвшую внизу, таинственную красную „зелень“ парка, и она казалась

мнѣ прекрасной, и не было въ ней ничего чуждаго моему сердцу. Раздался легкій стукъ въ дверь, я сразу почувствовалъ, что это— Нэтти. Онъ вошелъ своей быстрой, легкой походкой, и улыбаясь, протянулъ мнѣ руку—старое, земное привѣтствіе, которое нравилось ему. Я радостно сжалъ его руки съ такой энергіей, что и его сильнымъ пальцамъ пришлось плохо.

— Ну, я вижу, моя роль врача окончена,—смѣясь сказалъ онъ.—Тѣмъ не менѣе я долженъ еще васъ поразспросить, чтобы твердо установить это.

Онъ разспрашивалъ меня, я безтолково отвѣчалъ ему въ непонятномъ смущеніи, и читалъ скрытый смѣхъ въ глубинѣ его большихъ, большихъ глазъ. Наконецъ, я не выдержалъ:

— Объясните мнѣ, откуда у меня такое сильное влеченіе къ вамъ? Почему я такъ необыкновенно радъ васъ видѣть?

— Всего скорѣе, я думаю, отъ того, что я лечилъ васъ, и вы безсознательно переносите на меня радость выздоровленія. А можетъ быть... и еще одно... это то, что я... женщина...

Молнія блеснула передъ моими глазами, и все потемнѣло вокругъ, и сердце словно перестало биться... Черезъ секунду я какъ безумный сжималъ Нэтти въ своихъ объятіяхъ, и цѣловалъ ея руки, ея лицо, ея большіе, глубокіе глаза, зеленовато-синіе, какъ небо ея планеты...

Великодушно и просто, Нэтти уступала моимъ необузданнымъ порывамъ... Когда я очнулся отъ своего радостнаго безумія, и вновь цѣловалъ ея руки съ невольными слезами благодарности на глазахъ,—то была, конечно, слабость отъ перенесенной болѣзни,—Нэтти сказала со своей милой улыбкой:

— Да, мнѣ казалось сейчасъ, что весь вашъ юный міръ я чувствую въ своихъ объятіяхъ. Его деспотизмъ, его эгоизмъ, его отчаянная жажда счастья—все было въ вашихъ ласкахъ. Ваша любовь сродни убійству... Но—я люблю васъ, Лэнни...

Это было счастье.

ЧАСТЬ III.

Счастье.

Эти мѣсяцы... Когда я ихъ вспоминаю, трепетъ охватываетъ мое тѣло, и туманъ застилаетъ мои глаза, и все вокругъ кажется ничтожнымъ. И нѣтъ словъ, чтобы выразить минувшее счастье.

Новый міръ сталъ мнѣ близокъ и, казалось, вполнѣ понятенъ. Прошлыя пораженія не смущали меня, юность и вѣра возвратились ко мнѣ, и, я думалъ, никогда не уйдутъ больше. У меня былъ надежный и сильный союзникъ, слабости не было мѣста, будущее принадлежало мнѣ.

Къ прошлому мысль моя возвращалась рѣдко, и больше всего къ тому, что касалось Нэтти и нашей любви.

— Зачѣмъ вы скрывали отъ меня свой полъ?—спросилъ я ее вскорѣ послѣ того вечера.

— Сначала это произошло само собою, случайно. Но потомъ я поддерживала ваше заблужденіе вполнѣ сознательно, и даже умышленно измѣнила въ своемъ костюмѣ все то, что могло навести васъ на истину. Меня пугала трудность и сложность вашей задачи, я боялась усложнить ее еще больше, особенно когда замѣтила ваше безсознательное влеченіе ко мнѣ. Я и сама не вполнѣ понимала себя... до вашей болѣзни.

— Значитъ, это она рѣшила дѣло... Какъ я благодаренъ моимъ милымъ галлюцинаціямъ!

— Да, когда я услышала о вашей болѣзни, это было какъ громовой ударъ. Если бы мнѣ не удалось вполнѣ вылечить васъ, я бы, можетъ быть, умерла.

Послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія она прибавила:

— А знаете, въ числѣ вашихъ друзей есть еще одна женщина, о которой вы этого не подозрѣвали, и она также очень любитъ васъ... конечно не такъ, какъ я...

— Энно!—сейчасъ же догадался я.

— Ну, конечно. И она также обманывала васъ нарочно, по моему совѣту.

— Ахъ, сколько обмана и коварства въ вашемъ мірѣ!— воскликнулъ я съ шутливымъ паѳосомъ. Только, пожалуйста, пусть Мэнни останется мужчиной, потому что если бы мнѣ случилось полюбить его, это было-бы ужасно.

— Да, это страшно,—задумчиво подтвердила Нэтти, и я не понялъ ея странной серьезности.

Дни проходили за днями, и я радостно овладѣвалъ прекраснымъ новымъ міромъ.

II. Разлука.

И все-таки этотъ день наступилъ, день, о которомъ я не могу вспомнить безъ проклятья, — день, когда между мной и Нэтти встала черная тѣнь ненавистной и неизбѣжной — разлуки.

Со спокойнымъ и яснымъ, какъ всегда, выраженіемъ лица, Нэтти сказала мнѣ, что она должна отправиться на-дняхъ вмѣстѣ съ гигантской экспедиціей, снаряжаемой на Венеру подъ руководствомъ Мэнни. Видя, какъ я ошеломленъ этимъ извѣстіемъ, она прибавила:

— Это будетъ не надолго; въ случаѣ успѣха, въ которомъ я не сомнѣваюсь, часть экспедиціи вернется очень скоро,—и я въ томъ числѣ.

Затѣмъ она стала объяснять мнѣ, въ чемъ дѣло. На Марсѣ запасы радіо-матеріи, необходимой какъ двигатель между-планетнаго сообщенія и какъ орудіе разложенія и синтеза всѣхъ элементовъ, приходили къ концу: она только тратилась, и не было средствъ для ея возобновленія. На Венерѣ, молодой планетѣ, которая существовала почти вчетверо меньше, чѣмъ Марсъ, было по несомнѣннымъ признакамъ установлено присутствіе у самой поверхности колоссальныхъ залежей радіирующихъ веществъ, не успѣвшихъ самостоятельно разложиться. На одномъ островѣ, расположенномъ среди главнаго океана Венеры, и носившемъ у марсіянъ имя „острова Горячихъ Бурь“, находилась самая богатая руда радіо-матеріи; и тамъ рѣшено было начать немедленно ея разработку. Но прежде всего для этого было необходимо по-

стройкой очень высокихъ и прочныхъ стѣнъ оградить работающихъ отъ гибельнаго дѣйствія влажнаго горячаго вѣтра, который своей жестокостью далеко превосходитъ бури нашихъ песчаныхъ пустынь. Поэтому и потребовалась экспедиція изъ десяти этеронефовъ и полуторыхъ-двухъ тысячъ человѣкъ—изъ нихъ всего одна двадцатая для химическихъ, а почти всѣ остальные для строительныхъ работъ. Были привлечены лучшія научныя силы, въ томъ числѣ и наиболѣе опытные врачи: опасности здоровью угрожали и со стороны климата, и со стороны убійственныхъ лучей и эманацій радіирующаго вещества. Нэтти, по ея словамъ, не могла уклониться отъ участія въ экспедиціи; но предполагалось, что если работы пойдутъ хорошо, то уже черезъ три мѣсяца одинъ этеронефъ отправится обратно, съ извѣстіями и съ запасомъ добытаго вещества. Съ этимъ этеронефомъ должна была вернуться и Нэтти, значитъ черезъ 10—11 мѣсяцевъ послѣ отъѣзда.

Я не могъ понять, почему Нэтти необходимо ѣхать. Она говорила мнѣ, что предпріятіе слишкомъ серьезное, чтобы отъ него можно было отказаться,—что оно имѣетъ большое значеніе и для моей задачи, такъ какъ его успѣхъ впервые дастъ возможность частыхъ и широкихъ сношеній съ Землею,—что всякая ошибка въ постановкѣ медицинской помощи съ самаго начала можетъ привести къ крушенію всего дѣла. Все это было убѣдительно,—я уже зналъ, что Нэтти считается лучшимъ врачемъ для всѣхъ тѣхъ случаевъ, которые выходятъ изъ рамокъ стараго медицинскаго опыта,—и все-таки мнѣ казалось, что это не все. Я чувствовалъ, что тутъ есть что-то недоговоренное.

Въ одномъ я не сомнѣвался—въ самой Нэтти и въ ея любви. Если она говорила, что ѣхать необходимо—значитъ, это было необходимо; если она не говорила, почему—значитъ, мнѣ не слѣдовало ее допрашивать. Я видѣлъ страхъ и боль въ ея прекрасныхъ глазахъ, когда она думала, что я не смотрю на нее.

— Энно будетъ для тебя хорошимъ и милымъ другомъ,—сказала она съ грустной улыбкой;—и Нэллу ты не забывай,—она любитъ тебя за меня, у нея много опыта и ума, ея поддержка въ трудныя минуты драгоцѣнна. А обо мнѣ думай только одно,—что я вернусь какъ можно скорѣе.

— Я вѣрю въ тебя, Нэтти,—сказалъ я,—и потому вѣрю въ себя, въ человѣка, котораго ты полюбила.

— Ты правъ, Лэнни. И я убѣждена, что изъ-подъ всякаго гнета судьбы, изъ всякаго крушенія ты выйдешь вѣрнымъ себѣ, сильнѣе и чище, чѣмъ прежде.

Будущее бросало свою тѣнь на наши прощальныя ласки, и онѣ смѣшались со слезами Нэтти.

III. Фабрика одежды.

За тѣ короткіе мѣсяцы я успѣлъ съ помощью Нэтти въ значительной мѣрѣ подготовить выполненіе своего главнаго плана—стать полезнымъ работникомъ марсіянскаго общества. Я сознательно отклонялъ всѣ предложенія читать лекціи о Землѣ и ея людяхъ: было бы неразумно сдѣлать это своей спеціальностью, такъ какъ это значило бы искусственно останавливать свое сознаніе на образахъ своего прошлаго, которое и безъ того не могло отъ меня уйти, вмѣсто того будущаго, которое надо было завоевать. Я рѣшилъ поступить просто на фабрику, и выбралъ на первый разъ, послѣ обстоятельнаго сравненія и обсужденія—фабрику одежды.

Я выбралъ, конечно, почти самое легкое. Но для меня и здѣсь потребовалась не малая и серьезная предварительная работа. Пришлось изучить выработанные наукою принципы устройства фабрикъ вообще, ознакомиться спеціально съ устройствомъ той фабрики, гдѣ мнѣ предстояло работать, съ ея архитектурой, съ ея организаціей труда, выяснить себѣ въ основныхъ чертахъ также устройство всѣхъ примѣняемыхъ на ней машинъ, а той машины, съ которою я спеціально долженъ былъ имѣть дѣло—конечно, во всѣхъ подробностяхъ. При этомъ оказалось необходимо предварительно усвоить нѣкоторые отдѣлы общей и прикладной механики и технологіи, и даже математическаго анализа. Главныя трудности тутъ возникали для меня не изъ содержанія того, что приходилось изучать, а изъ формы. Учебники и руководства не были разсчитаны на человѣка низшей культуры. Я вспоминалъ, какъ въ дѣтствѣ мучилъ меня случайно попавшійся подъ руку французскій учебникъ математики. У меня было серьезное влеченіе къ этому предмету, и повидимому, недюжинныя

способности къ нему; трудныя для большинства начинающихъ идеи „предѣла“ и „производной“ достались мнѣ какъ-то незамѣтно, точно я всегда былъ знакомъ съ ними. Но у меня не было той логической дисциплины и практики научнаго мышленія, которую предполагалъ въ читателѣ—ученикѣ французскій профессоръ, очень ясный и точный въ выраженіяхъ, но очень скупой на объясненія. Онъ постоянно пропускалъ тѣ логическіе мостики, которые могли сами собой подразумѣваться для человѣка болѣе высокой научной культуры,—но не для юнаго азіата. И я не разъ цѣлыми часами думалъ надъ какимъ-нибудь магическимъ превращеніемъ, слѣдующимъ за словами: „откуда, принимая во вниманіе предыдущія уравненія, мы выводимъ...“—Такъ было со мной и теперь—только еще сильнѣе,—когда я читалъ марсіянскія научныя книги; иллюзія, которая владѣла мной въ началѣ моей болѣзни, когда мнѣ все казалось легко и понятно, исчезла безъ слѣда. Но терпѣливая помощь Нэтти постоянно была со мною, и сглаживала трудный путь.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Нэтти я рѣшился—и вступилъ на фабрику. Это было гигантское и очень сложное предпріятіе, совершенно не подходящее къ нашему обычному представленію о фабрикѣ одежды. Тамъ совмѣщалось пряденье, тканье, кройка, шитье, окраска одежды,—а матеріаломъ работы служилъ не ленъ, не хлопокъ, и вообще не волокна растеній, и не шерсть и не шелкъ, а нѣчто совсѣмъ иное.

Въ прежнія времена марсіяне приготовляли ткани для одежды приблизительно такимъ же способомъ, какъ это дѣлается у насъ: культивировали волокнистыя растенія, стригли шерсть съ подходящихъ животныхъ и сдирали съ нихъ кожу, разводили особыя породы пауковъ, изъ паутины которыхъ получалось вещество, подобное шелку, и т. д. Толчекъ къ измѣненію техники данъ былъ необходимостью увеличивать все болѣе и болѣе производство хлѣба. Волокнистыя растенія стали вытѣсняться волокнистыми минераллами, въ родѣ горнаго льна. Затѣмъ химики направили свои усилія на изслѣдованіе паутинныхъ тканей и на синтезъ новыхъ веществъ съ аналогичными свойствами. Когда это удалось имъ, то за короткое время во всей этой отрасли промышленности произошла полная революція, и теперь ткани стараго типа хранятся только въ историческихъ музеяхъ.

Наша фабрика была истиннымъ воплощеніемъ этой революціи. Нѣсколько разъ въ мѣсяцъ съ ближайшихъ химическихъ заводовъ по рельсовымъ путямъ доставлялся „матеріалъ“ для пряжи въ видѣ полу-жидкаго прозрачнаго вещества въ большихъ цистернахъ. Изъ этихъ цистернъ матеріалъ при помощи особыхъ аппаратовъ, устраняющихъ доступъ воздуха, переливался въ огромный, высоко подвѣшенный металлическій резервуаръ, плоское дно котораго имѣло сотни тысячъ тончайшихъ, микроскопическихъ отверстій. Черезъ отверстія вязкая жидкость продавливалась подъ большимъ давленіемъ тончайшими струйками, которыя подъ дѣйствіемъ воздуха затвердѣвали уже въ нѣсколькихъ сантиметрахъ, и превращались въ прочныя паутинныя волокна. Десятки тысячъ механическихъ веретенъ подхватывали эти волокна, скручивали ихъ десятками въ нити различной толщины и плотности, и тянули ихъ дальше, передавая готовую „пряжу“ въ слѣдующее, ткацкое отдѣленіе. Тамъ на ткацкихъ станкахъ нити переплетались въ различныя ткани, отъ самыхъ нѣжныхъ, какъ кисея и батистъ, до самыхъ плотныхъ, какъ сукно и войлокъ,—которыя безконечными широкими лентами тянулись еще дальше, въ мастерскую кройки. Здѣсь ихъ подхватывали новыя машины, тщательно складывали во много слоевъ, и вырѣзывали изъ нихъ тысячами заранѣе намѣченныя и размѣренныя по чертежамъ разнообразныя выкройки отдѣльныхъ частей костюма.

Въ швейной мастерской скроенные куски сшивались въ готовое платье, но безъ всякихъ иголокъ, нитокъ и швейныхъ машинъ. Ровно сложенныя края кусковъ размягчались посредствомъ особаго химическаго растворителя, приходя въ прежнее полужидкое состояніе, и когда растворяющее вещество, очень летучее, черезъ минуту испарялось, то куски матеріи оказывались прочно спаянными, лучше, чѣмъ это могло быть сдѣлано какимъ бы то ни было швомъ. Одновременно съ этимъ впаивались вездѣ, гдѣ требовалось, и застежки, такъ что получались готовыя части костюма—нѣсколько тысячъ образцовъ, различныхъ по формѣ и размѣру.

На каждый возрастъ имѣлось нѣсколько сотенъ образцовъ, изъ которыхъ на всякаго желающаго почти всегда можно было выбрать вполнѣ подходящій, тѣмъ болѣе что одежда у марсіянъ обыкновенно очень свободная. Если подходящаго найти не удава-

лось, напр., вслѣдствіе не вполнѣ нормальнаго сложенія, то немедленно снимали особую мѣрку, устанавливали машину для кройки по новымъ чертежамъ, и „шили“ спеціально на данное лицо, что требовало какого-нибудь часа времени.

Что касается цвѣта костюма, то большинство марсіянъ удовлетворяется обычными оттѣнками, темными и мягкими, въ какихъ приготовляется самая матерія. Если же требуется иной цвѣтъ, кромѣ того, какой оказался на лицо, то костюмъ отправляютъ въ красильное отдѣленіе, гдѣ въ нѣсколько минутъ при помощи электро-химическихъ пріемовъ онъ пріобрѣтаетъ желательную окраску, идеально-ровную и идеально-прочную.

Изъ такихъ же тканей, только гораздо болѣе плотныхъ и прочныхъ, и приблизительно такими же способами приготовляется обувь и теплая зимняя одежда. Наша фабрика этимъ не занималась, но другія, еще болѣе крупныя, производили сразу рѣшительно все, что нужно, чтобы одѣть человѣка съ головы до ногъ.

Я работалъ поочередно во всѣхъ отдѣленіяхъ фабрики, и вначалѣ очень увлекался своей работой. Особенно интересно было заниматься въ отдѣленіи кройки, гдѣ мнѣ приходилось примѣнять на дѣлѣ новые для меня способы математическаго анализа. Задача состояла въ томъ, чтобы изъ даннаго куска матеріи съ наименьшей потерей матеріала выкраивать всѣ части костюма. Задача, конечно, очень прозаичная, но и очень серьезная; потому что даже минимальная ошибка, повторенная много милліоновъ разъ, давала громадную потерю. И достигать успѣшнаго рѣшенія мнѣ удавалось „не хуже“ другихъ.

Работать „не хуже“ другихъ—къ этому я стремился всѣми силами, и въ общемъ не безъ успѣха. Но я не могъ не замѣчать, что мнѣ это стоитъ гораздо большихъ усилій, чѣмъ остальнымъ работникамъ. Послѣ обычныхъ 4—6 (по земному счету) часовъ труда, я бывалъ сильно утомленъ, и мнѣ нуженъ былъ немедленный отдыхъ,—тогда какъ прочіе отправлялись по музеямъ, библіотекамъ, лабораторіямъ или на другія фабрики наблюдать производство, а иногда даже тамъ еще работать...

Я надѣялся, что придетъ привычка къ новымъ видамъ труда, и сравняетъ меня со всѣми работниками. Но этого не было. Я все болѣе убѣждался, что у меня не хватаетъ культуры

вниманія. Физическихъ движеній требовалось очень мало, и по ихъ быстротѣ и ловкости я не уступалъ, даже превосходилъ многихъ. Но требовалось такое непрерывное и напряженное вниманіе при наблюденіи за машинами и матеріаломъ, которое было очень тяжело для моего мозга: очевидно, только въ ряду нѣсколькихъ поколѣній могла развиться эта способность до той степени, какая здѣсь являлась обычной и средней.

Когда,—обыкновенно къ концу моей дневной работы—въ ней начинало уже сказываться утомленіе, и вниманіе мнѣ начинало измѣнять, я дѣлалъ ошибку или замедлялъ на секунду выполненіе какого-нибудь акта работы,—тогда неминуемо и безошибочно рука кого-нибудь изъ сосѣдей поправляла дѣло.

Меня не только удивляла, но порой прямо возмущала ихъ странная способность, ни на іоту не отрываясь отъ своего дѣла, замѣчать все происходящее вокругъ. Ихъ заботливость не столько трогала меня, сколько вызывала во мнѣ досаду и раздраженіе—у меня являлось такое чувство, какъ-будто всѣ они постоянно слѣдятъ за моими дѣйствіями... Это безпокойное настроеніе увеличивало еще болѣе мою разсѣянность и портило мою работу.

Теперь, спустя долгое время, когда я тщательно и уже безпристрастно вспоминаю всѣ обстоятельства, я нахожу, что все это воспринималось невѣрно. Совершенно съ такой же заботливостью и совершенно такимъ же образомъ—можетъ быть, только менѣе часто,—мои товарищи на фабрикѣ помогали и другъ другу. Я не былъ предметомъ какого-нибудь исключительнаго надзора и контроля, какъ мнѣ тогда казалось. Я самъ—человѣкъ индивидуалистическаго міра—невольно и безсознательно выдѣлялъ себя изъ остальныхъ, и болѣзненно воспринималъ ихъ доброту и товарищескія услуги, за которыя—какъ это казалось мнѣ, человѣку товарнаго міра—мнѣ нечѣмъ было заплатить.

IV. Энно.

Миновала и долгая осень; зима, малоснѣжная, но холодная, воцарилась въ нашей области,—въ среднихъ широтахъ сѣвернаго полушарія. Маленькое солнце совсѣмъ не грѣло, и свѣтило меньше прежняго. Природа сбросила яркія краски, стала блѣдной и су-

ровой. Холодъ заползалъ въ сердце, сомнѣнія росли въ душѣ, и нравственное одиночество пришельца изъ другого міра становилось все болѣе мучительнымъ.

Я отправился къ Энно, съ которой давно уже не видался. Она встрѣтила меня, какъ близкаго и родного человѣка,—точно яркій лучъ недалекаго прошлаго прорѣзалъ холодъ зимы и сумракъ заботы. Потомъ я замѣтилъ, что она и сама была блѣдна и какъ-будто утомлена или измучена чѣмъ-то; была какая-то скрытая печаль въ ея манерахъ и разговорѣ. Намъ было о чемъ говорить между собою, и нѣсколько часовъ прошли для меня незамѣтно и хорошо, какъ не бывало съ самаго отъѣзда Нэтти.

Когда я всталъ, чтобы отправиться домой, намъ обоимъ стало грустно.

— Если ваша работа не приковываетъ васъ здѣсь, то поѣдемъ со мною,—сказалъ я.

Энно сразу согласилась, взяла съ собой работу,—она въ это время занималась не наблюденіями на обсерваторіи, а провѣркой огромнаго запаса вычисленій,—и мы поѣхали въ химическій городокъ, гдѣ я жилъ одинъ въ квартирѣ Мэнни. По утрамъ я каждый день путешествовалъ на свою фабрику, находившуюся въ сотнѣ километровъ, т. е. въ получасѣ пути оттуда; а долгіе зимніе вечера мы съ Энно стали теперь проводить вмѣстѣ, въ научныхъ занятіяхъ, разговорахъ и иногда—прогулкахъ по окрестностямъ.

Энно разсказала мнѣ свою исторію. Она любила Мэнни и была раньше его женой. Ей страстно хотѣлось имѣть отъ него ребенка, но проходили годъ за годомъ, а ребенка не было. Тогда она обратилась къ Нэтти за совѣтомъ. Нэтти самымъ внимательнымъ образомъ выяснила всѣ обстоятельства, и пришла къ категорическому выводу, что дѣтей никогда не будетъ. Мэнни слишкомъ поздно сложился изъ мальчика въ мужчину, и слишкомъ рано сталъ жить самой напряженной жизнью ученаго и мыслителя. Активность его мозга своимъ чрезмѣрнымъ развитіемъ подорвала и подавила жизненность элементовъ размноженія съ самаго начала; и это было непоправимо.

Приговоръ Нэтти былъ страшнымъ ударомъ для Энно, у которой любовь къ геніальному человѣку и глубокій материнскій инстинктъ слились въ одномъ страстномъ стремленіи, оказавшемся вдругъ безнадежнымъ.

Но это было не все; изслѣдованіе привело Нэтти еще къ другому результату. Оказалось, что для гигантской умственной работы Мэнни, для полноты развитія его геніальныхъ способностей было нужно какъ можно больше физической сдержанности, какъ можно меньше любовныхъ ласкъ. Энно не могла не послѣдовать этому совѣту, и быстро убѣдилась, насколько онъ былъ справедливъ и разуменъ. Мэнни оживился, сталъ работать энергичнѣе чѣмъ когда-либо, новые планы съ необыкновенной быстротой зарождались въ его головѣ и выполнялись особенно успѣшно; и, повидимому, онъ нисколько не чувствовалъ лишенія. Тогда Энно, для которой ея любовь была дороже жизни, но геній любимаго человѣка дороже любви, сдѣлала всѣ выводы изъ того, что узнала.

Она разошлась съ Мэнни; это вначалѣ его огорчило, но потомъ онъ быстро примирился съ фактомъ. Истинная причина разрыва осталась для него, можетъ быть, даже неизвѣстной: Энно и Нэтти сохраняли ее въ тайнѣ; хотя, конечно, нельзя было знать навѣрное, не угадалъ-ли проницательный умъ Мэнни скрытую подкладку событій. А для Энно жизнь оказалась настолько опустошенной, подавленное чувство создавало такія страданія, что спустя короткое время молодая женщина рѣшила умереть.

Чтобы помѣшать самоубійству, Нэтти, къ содѣйствію которой обратилась Энно, подъ разными предлогами затянула на день его выполненіе, а сама извѣстила Мэнни. Тотъ въ это время организовалъ экспедицію на Землю, и тотчасъ послалъ Энно приглашеніе принять участіе въ этомъ важномъ и опасномъ предпріятіи. Уклониться было трудно, Энно приняла предложеніе. Масса новыхъ впечатлѣній помогла ей справиться съ душевной болью; и ко времени возвращенія на Марсъ она успѣла уже овладѣть собою настолько, что могла принять на себя видъ веселаго мальчика-поэта, котораго я зналъ на этеронефѣ.

Въ новую экспедицію Энно не поѣхала потому, что боялась вновь слишкомъ привыкнуть къ присутствію Мэнни. Но тревога за его судьбу не покидала ее, пока она оставалась въ одиночествѣ: она слишкомъ хорошо знала опасности предпріятія. Въ долгіе зимніе вечера наши мысли и разговоры постоянно возвращались къ одной и той же точкѣ Вселенной: туда, гдѣ подъ лучами огромнаго солнца, подъ дыханіемъ палящаго вѣтра, самыя близкія для насъ обоихъ существа съ лихорадочной энергіей вели

свою титанически-смѣлую работу. Насъ глубоко сближало это единство мысли и настроенія. Энно была для меня болѣе чѣмъ сестрою.

Какъ-то само собою, безъ порыва и безъ борьбы, наше сближеніе привело насъ къ любовнымъ отношеніямъ. Неизмѣнно-кроткая и добрая, Энно не уклонялась отъ этой близости, хотя и не стремилась къ ней сама. Она только рѣшила не имѣть отъ меня дѣтей... Былъ оттѣнокъ мягкой грусти въ ея ласкахъ,—ласкахъ нѣжной дружбы, которая все позволяетъ...

А зима попрежнему простирала надъ нами свои холодныя, блѣдныя крылья,—долгая марсіянская зима безъ оттепелей, бурь и метелей, спокойная и неподвижная, какъ смерть. И у насъ обоихъ не было желанія летѣть на югъ, гдѣ въ это время грѣло солнце, и полная жизни природа развертывала свою яркую одежду. Энно не хотѣлось той природы, слишкомъ мало гармонировавшей съ ея настроеніемъ; я же избѣгалъ новыхъ людей и новой обстановки, потому что знакомиться и привыкать къ нимъ требовало новаго, лишняго труда и утомленія, а я и безъ того слишкомъ медленно шелъ къ своей цѣли. Призрачно-странной была наша дружба—любовь въ царствѣ зимы, заботы, ожиданія...

V. У Нэллы.

Энно еще въ ранней юности была самой близкой подругой Нэтти, и много разсказывала мнѣ о ней. Въ одномъ изъ нашихъ разговоровъ мой слухъ поразило такое сочетаніе именъ Нэтти и Стэрни, которое показалось мнѣ страннымъ. Когда я задалъ прямой вопросъ, Энно сначала задумалась, и какъ-будто даже смутилась, а затѣмъ отвѣтила:

— Нэтти была раньше женой Стэрни. Если она этого вамъ не сказала, значитъ, и мнѣ не слѣдовало говорить. Я сдѣлала, очевидно, ошибку, и дальше вы меня не разспрашивайте объ этомъ.

Я былъ какъ-то странно потрясенъ тѣмъ, что услышалъ... Какъ-будто—не было ничего новаго... Я никогда не предполагалъ, что я первый мужъ Нэтти. Было бы нелѣпостью думать, что женщина, полная жизни и здоровья, красивая тѣломъ и душой, дитя свободной, высоко-культурной расы, могла безъ любви про-

жить до нашей встрѣчи. Чѣмъ же вызвано было мое непонятно-ошеломленное состояніе? Я не могъ разсуждать объ этомъ, я чувствовалъ только одно, что мнѣ надо знать все, знать точно и ясно. Но допрашивать Энно, очевидно, было невозможно. Я вспомнилъ о Нэллѣ.

Нэтти, уѣзжая говорила: „не забывай о Нэллѣ, иди къ ней въ трудную минуту!"—И я не разъ уже думалъ о томъ, какъ бы повидаться съ ней; но мѣшала отчасти работа, отчасти—какой-то смутный страхъ передъ сотнями любопытныхъ дѣтскихъ глазокъ, которые ее окружали. Но теперь всякая нерѣшительность исчезла, и я въ тотъ же день былъ въ Домѣ Дѣтей, въ Большомъ Городѣ Машинъ.

Нэлла тотчасъ бросила работу, которой была занята, и попросивъ другую воспитательницу замѣнить себя, провела меня въ свою комнату, гдѣ дѣти не могли мѣшать намъ.

Я рѣшилъ не говорить ей сразу о цѣли моего посѣщенія, тѣмъ болѣе что мнѣ самому эта цѣль не казалась ни особенно разумной, ни особенно благородной. Было какъ нельзя болѣе естественно, что я завелъ разговоръ о самомъ близкомъ для насъ обоихъ человѣкѣ; а затѣмъ оставалось ожидать подходящаго момента для моего вопроса. Нэлла много и съ увлеченіемъ разсказывала мнѣ о Нэтти, объ ея дѣтствѣ и юности.

Первые годы своей жизни Нэтти провела при матери, какъ въ большинствѣ случаевъ и бываетъ у марсіянъ. Затѣмъ, когда надо было отдать Нэтти въ Домъ Дѣтей, чтобы не лишать ее воспитательнаго вліянія дѣтскаго общества, Нэлла не могла уже съ нею разстаться, и сначала временно поселилась въ этомъ же Домѣ, а потомъ навсегда осталась тамъ воспитательницей. Это подходило и къ ея научной спеціальности,—она занималась, главнымъ образомъ, психологіей.

Нэтти была живымъ, энергичнымъ, порывистымъ ребенкомъ, съ большой жаждой знаній и дѣятельности. Особенно интересовалъ и привлекалъ ее таинственный астрономическій міръ за предѣлами планеты. Земля, которой тогда еще не удавалось достигнуть, и ея невѣдомые люди были любимой мечтой Нэтти, любимымъ сюжетомъ ея разговоровъ съ другими дѣтьми и съ воспитателями.

Когда былъ опубликованъ отчетъ о первой удачной экспедиціи Мэнни на Землю, дѣвочка чуть не сошла съ ума отъ ра-

дости и восхищенія. Докладъ Мэнни она запомнила отъ слова до слова, и потомъ замучила Нэллу и воспитателей требованіями объяснять ей каждый непонятный терминъ этого доклада. Она влюбилась въ Мэнни заочно, и написала ему восторженное письмо; въ этомъ письмѣ она, между прочимъ, умоляла его привезти ей съ земли ребенка, котораго некому воспитывать: она бралась воспитать его самымъ лучшимъ образомъ. Она увѣшала всю свою комнату земными видами и портретами земныхъ людей, и стала изучать словари земныхъ языковъ, какъ только они появились въ печати. Она негодовала на насиліе, которое Мэнни и его спутники примѣнили къ первому встрѣченному ими земному человѣку— они взяли его въ плѣнъ, чтобы онъ помогъ имъ познакомиться съ земными языками; и въ то же время она горячо сожалѣла, что, уѣзжая обратно, они отпустили его на свободу, а не привезли съ собой на Марсъ. Она твердо рѣшила когда-нибудь поѣхать на Землю, и въ отвѣтъ на шутку матери, что тамъ она выйдетъ замужъ за земного человѣка, подумавши, заявила: „очень можетъ быть!“

Всего этого сама Нэтти никогда не разсказывала мнѣ: въ своихъ разговорахъ она вообще избѣгала касаться прошлаго. И конечно, никто, даже она сама не могла бы разсказать этого лучше Нэллы. Какъ ярко сіяла материнская любовь въ описаніяхъ Нэллы! Минутами я совсѣмъ забывался, и какъ живую видѣлъ передъ собою чудную дѣвочку съ горящими большими глазами и съ загадочнымъ влеченіемъ къ далекому, далекому міру... Но это быстро проходило: возвращалось сознаніе окружающаго, и воспоминаніе о цѣли разговора, и вновь становилась холодно на душѣ.

Наконецъ, когда разговоръ перешелъ къ болѣе позднимъ годамъ жизни Нэтти, я рѣшился спросить, съ возможно спокойнымъ и непринужденнымъ видомъ,—какъ возникли отношенія Нэтти и Стэрни. Нэлла задумалась на минуту.

— А, вотъ что!—сказала она.—Такъ вы явились ко мнѣ изъ-за этого... Почему же вы не сказали мнѣ этого прямо?

Непривычная строгость звучала въ ея голосѣ. Я молчалъ.

— Разумѣется, я могу разсказать вамъ это,—продолжала она.—Это очень несложная исторія. Стэрни былъ однимъ изъ учителей Нэтти,—онъ читалъ молодежи лекціи по математикѣ и астрономіи. Когда онъ вернулся изъ своей первой поѣздки на

Землю,—то была, кажется вторая экспедиція Мэнни,—онъ выступилъ съ цѣлымъ рядомъ докладовъ объ этой планетѣ и ея обитателяхъ. При этомъ Нэтти была его постоянной слушательницей. Особенно сблизило ихъ то терпѣніе и вниманіе, съ которымъ онъ относился къ ея безконечнымъ разспросамъ. Сближеніе привело къ браку. Тутъ было своего рода полярное тяготѣніе двухъ очень несходныхъ, во многомъ противоположныхъ натуръ. Впослѣдствіи то же самое несходство, проявляясь болѣе постоянно и во всей полнотѣ въ ихъ совмѣстной жизни, привело къ охлажденію и къ разрыву. Вотъ и все.

— Скажите, когда совершился этотъ разрывъ?

— Окончательно—послѣ смерти Летта. Собственно, уже сближеніе Нэтти и Летта было началомъ этого разрыва. Нэтти становилось не по себѣ отъ аналитически-холоднаго ума Стэрни; онъ слишкомъ систематично и упорно разрушалъ всѣ воздушные замки, всѣ фантазіи ума и чувства, которыми она такъ много и такъ сильно жила. Она невольно стала искать человѣка, который относился бы ко всему этому иначе. А у стараго Летта было на рѣдкость отзывчивое сердце, и много полу-дѣтскаго энтузіазма. Нэтти нашла въ немъ такого товарища, какого ей было надо; онъ не только умѣлъ терпѣливо относиться къ порывамъ ея воображенія, но нерѣдко и самъ увлекался вмѣстѣ съ нею. Унего она отдыхала душой отъ суровой, все замораживающей критики Стэрни. Онъ, какъ и она, любилъ Землю мечтой и фантазіей, вѣрилъ въ будущій союзъ двухъ міровъ, который принесетъ съ собою великій расцвѣтъ и великую поэзію жизни. И когда она узнала, что человѣкъ съ такимъ сокровищемъ чувства въ душѣ никогда не зналъ женской любви и ласки, она не могла съ этимъ примириться. Такъ возникла ея вторая связь.

— Одну минуту,—перебилъ я.—Правильно ли я васъ понялъ? Вы говорите, что она была женой Летта?

— Да,—отвѣчала Нэлла.

— Но вы, кажется сказали, что окончательный разрывъ со Стэрни произошелъ послѣ смерти Летта?

— Да. Вамъ это непонятно?

— Нѣтъ, я понимаю васъ. Я только не зналъ этого.

Въ эту минуту насъ прервали. Съ кѣмъ-то изъ дѣтей случился нервный припадокъ, и Нэллу экстренно вызвали къ нему.

На нѣсколько минутъ я остался одинъ. Голова у меня слегка кружилась, я чувствовалъ себя такъ странно, что никакими словами нельзя было описать моего состоянія. Въ чемъ дѣло? Не было ничего особеннаго. Нэтти была свободнымъ человѣкомъ, и вела себя какъ свободный человѣкъ. Летта былъ ея мужемъ? Я всегда уважалъ его, и чувствовалъ бы къ нему горячую симпатію, даже если бы онъ не пожертвовалъ за меня своею жизнью. Нэтти была женою двухъ своихъ товарищей одновременно? Но я всегда считалъ, что единобрачіе въ нашей средѣ вытекаетъ только изъ нашихъ экономическихъ условій, ограничивающихъ и опутывающихъ человѣка на каждомъ шагу; здѣсь же этихъ условій не было, а были иныя, не создающія никакихъ стѣсненій для личнаго чувства и личныхъ связей. Откуда же мое тревожное недоумѣніе, и непонятная боль, отъ которой мнѣ хочется не то вскрикнуть, не то засмѣяться? Или я не умѣю чувствовать такъ, какъ думаю? Кажется, да. А мои отношенія съ Энно? Гдѣ же моя логика? И что же такое я самъ? Какое нелѣпое состояніе!

Ахъ, да, еще вотъ что... Почему Нэтти не говорила мнѣ всего этого? И сколько еще тайнъ и обмановъ вокругъ меня? И сколько ихъ ожидать въ будущемъ? Опять неправда! Тайна — да, это вѣрно. Но обмана тутъ не было. А развѣ въ этомъ случаѣ тайна—не обманъ?..

Эти мысли вихремъ проносились въ моей головѣ, когда дверь отворилась, и въ комнату опять вошла Нэлла. Она, очевидно, прочитала на моемъ лицѣ, насколько мнѣ было тяжело, потому что въ ея тонѣ, когда она ко мнѣ обратилась, уже не было прежней сухости и суровости.

— Конечно,—сказала она,—нелегко привыкать къ совершенно чуждымъ жизненнымъ отношеніямъ, и къ обычаямъ другого міра, съ которымъ не имѣешь кровной связи. Вы преодолѣли уже много препятствій,—справитесь и съ этимъ. Нэтти въ васъ вѣритъ, и я думаю, что она права. А развѣ ваша вѣра въ нее поколебалась?

— Отчего она скрывала все это отъ меня? Гдѣ тутъ ея вѣра? Я не могу ее понять.

— Почему она такъ поступала—я этого не знаю. Но я знаю, что она должна была имѣть для этого серьезные и хорошіе, а не мел-

кіе мотивы. Можетъ быть, ихъ объяснитъ вамъ это письмо. Она мнѣ оставила его для васъ на случай именно такого разговора, какой сейчасъ былъ между нами.

Письмо было написано на моемъ родномъ языкѣ, который такъ хорошо изучила моя Нэтти. Вотъ что я тамъ прочиталъ:

„Мой Лэнни! Я ни разу не говорила съ тобою о моихъ прежнихъ личныхъ связяхъ, но это было не потому, чтобы я хотѣла скрывать отъ тебя что бы то̀ ни было изъ моей жизни. Я глубоко довѣряю твоей ясной головѣ и твоему благородному сердцу; я не сомнѣваюсь, что какъ бы ни были чужды и непривычны для тебя нѣкоторыя изъ нашихъ жизненныхъ отношеній, ты въ концѣ концовъ всегда съумѣешь вѣрно понять и справедливо оцѣнить ихъ.

„Но я боялась одного... Послѣ болѣзни ты быстро накоплялъ силы для работы, но то душевное равновѣсіе, отъ котораго зависитъ самообладаніе въ словахъ и поступкахъ во всякую минуту и при всякомъ впечатлѣніи,—еще не вполнѣ къ тебѣ вернулось. Если бы подъ вліяніемъ момента и стихійныхъ силъ прошлаго, всегда таящихся въ глубинѣ человѣческой души, ты хоть на секунду обнаружилъ ко мнѣ, какъ женщинѣ, то нехорошее, возникшее изъ насилія и рабства, отношеніе, которое господствуетъ въ старомъ мірѣ,—ты никогда не простилъ бы себѣ этого. Да, дорогой мой, я знаю, ты строгъ, часто даже жестокъ къ самому себѣ,—ты вынесъ эту черту изъ вашей суровой школы—вѣчной борьбы земного міра; и одна секунда дурного, болѣзненнаго порыва навсегда осталась бы для тебя темнымъ пятномъ на нашей любви.

„Мой Лэнни, я хочу и могу тебя успокоить. Пусть спитъ и никогда не просыпается въ душѣ твоей злое чувство, которое съ любовью къ человѣку связываетъ безпокойство за живую собственность. У меня не будетъ другихъ личныхъ связей. Я могу легко и увѣренно обѣщать тебѣ это, потому что передъ моей любовью къ тебѣ, передъ страстнымъ желаніемъ помочь тебѣ въ твоей великой жизненной задачѣ—все остальное становится такъ мелко и ничтожно. Я люблю тебя не только какъ жена, я люблю тебя какъ мать, которая ведетъ своего ребенка въ новую и чуждую ему жизнь, полную усилій и опасностей. Эта любовь сильнѣе

и глубже всякой другой, какая можетъ быть у человѣка къ человѣку. И потому въ моемъ обѣщаніи нѣтъ жертвы.

„До свиданья, мое дорогое, любимое дитя.

Твоя Нэтти“.

Когда я дочиталъ письмо, Нэлла вопросительно посмотрѣла на меня.

— Вы были правы,—сказалъ я, и поцѣловалъ ея руку.

VI. Въ поискахъ.

Отъ этого эпизода у меня осталось въ душѣ чувство глубокаго униженія. Еще болѣзненнѣе, чѣмъ прежде, я сталъ воспринимать превосходство окружающихъ надо мной, и на фабрикѣ и во всѣхъ другихъ сношеніяхъ съ марсіянами. Несомнѣнно, я даже преувеличивалъ это превосходство и свою слабость. Въ доброжелательствѣ и заботливости ихъ обо мнѣ я начиналъ видѣть оттѣнокъ полу-презрительной снисходительности, въ ихъ осторожной сдержанности—скрытое отвращеніе къ низшему существу. Точность воспріятія и вѣрность оцѣнки все болѣе нарушались въ этомъ направленіи.

Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, мысль оставалась ясной, и теперь она особенно сильно работала надъ заполненіемъ пробѣловъ, связанныхъ съ отъѣздомъ Нэтти. Больше чѣмъ прежде, я былъ убѣжденъ, что для участія Нэтти въ этой экспедиціи существовали еще неизвѣстные мнѣ мотивы, болѣе сильные и болѣе важные, чѣмъ тѣ, которые приводились для меня. Новое доказательство любви Нэтти и того громаднаго значенія, которое она придавала моей миссіи въ дѣлѣ сближенія двухъ міровъ, было новымъ подтвержденіемъ того, что безъ исключительныхъ причинъ она не рѣшилась бы покинуть меня надолго среди глубинъ и мелей и подводныхъ камней океана чуждой мнѣ жизни, лучше и яснѣе меня самаго понимая своимъ свѣтлымъ умомъ, какія опасности тутъ угрожали. Было что-то, чего я не зналъ, но былъ убѣжденъ, что оно имѣло ко мнѣ какое-то серьезное отношеніе; и надо было выяснить это что-то во что бы ни стало.

Я рѣшилъ добраться до истины путемъ систематическаго изслѣдованія. Припоминая нѣкоторые случайные и невольные намеки Нэтти, безпокойное выраженіе, которое я очень задолго улавли-

валъ на ея лицѣ, когда при мнѣ заходила рѣчь о колоніальныхъ экспедиціяхъ, я пришелъ къ заключенію, что Нэтти рѣшилась на эту разлуку не тогда, когда объ этомъ мнѣ сказала, а очень давно, не позже первыхъ дней нашего брака. Значитъ, и причинъ надо было искать около этого времени. Но гдѣ ихъ искать?

Онѣ могли быть связаны либо съ личными дѣлами Нэтти, либо съ происхожденіемъ, характеромъ, значеніемъ самой экспедиціи. Первое, послѣ письма Нэтти, представлялось наименѣе вѣроятнымъ. Слѣдовательно, прежде всего надо было направить розыски по второму направленію, и начать съ того, чтобы вполнѣ выяснить исторію происхожденія экспедиціи.

Само собой разумѣется, что экспедиція была рѣшена „колоніальной группой“: такъ называлось собраніе работниковъ, активно участвующихъ въ организаціи междупланетныхъ путешествій, вмѣстѣ съ представителями отъ центральной статистики, и отъ тѣхъ заводовъ, которые дѣлаютъ этеронефы, и вообще доставляютъ необходимыя средства этихъ путешествій. Я зналъ, что послѣдній съѣздъ этой „колоніальной группы“ былъ какъ разъ во время моей болѣзни. Мэнни и Нэтти участвовали тамъ. Такъ какъ я тогда уже выздоравливалъ, и мнѣ было скучно безъ Нэтти, то я хотѣлъ быть тоже на этомъ съѣздѣ, но Нэтти сказала, что это опасно для моего здоровья. Не зависѣла ли „опасность“ отъ чего-нибудь такого, чего мнѣ не слѣдовало знать? Очевидно, требовалось достать точные протоколы съѣзда и прочитать все, что могло относиться въ данному вопросу.

Но тутъ встрѣтились затрудненія. Въ колоніальной библіотекѣ мнѣ дали только собраніе рѣшеній съѣзда. Въ рѣшеніяхъ была превосходно намѣчена, почти до мелочей, вся организація грандіознаго предпріятія на Венерѣ, но не было ничего такого, что спеціально меня теперь интересовало. Это никоимъ образомъ для меня не исчерпывало вопроса. Рѣшенія, при всей ихъ обстоятельности, были изложены безъ всякой мотивировки, безъ всякихъ указаній на все обсужденіе, которое имъ предшествовало. Когда я сказалъ библіотекарю, что мнѣ нужны самые протоколы, онъ мнѣ объяснилъ, что протоколы не опубликованы, и что подробныхъ протоколовъ вообще не велось, какъ обыкновенно и дѣлается при технически-дѣловыхъ собраніяхъ.

На первый взглядъ это казалось правдоподобнымъ. Марсіяне, дѣйствительно, чаще всего публикуютъ только рѣшенія своихъ техническихъ съѣздовъ, находя, что всякое разумное и полезное мнѣніе, высказанное тамъ, либо найдетъ себѣ отраженіе въ принятой резолюціи, либо гораздо лучше и обстоятельнѣе, чѣмъ въ короткой рѣчи, будетъ выяснено авторомъ въ особой статьѣ, брошюрѣ, книгѣ, если самъ авторъ находитъ его важнымъ. Марсіяне вообще не любятъ чрезмѣрно размножать литературу, и ничего подобнаго нашимъ многотомнымъ „трудамъ комиссій" у нихъ найти нельзя: все сжимается до наименьшаго возможнаго объема.— Но въ данномъ случаѣ—я не повѣрилъ библіотекарю. Слишкомъ крупныя и важныя вещи рѣшались на съѣздѣ, чтобы можно было такъ отнестись къ ихъ обсужденію, какъ къ обычнымъ дебатамъ по какому-нибудь обычному техническому вопросу.

Я, однако, постарался скрыть свое недовѣріе, и чтобы отвлечь отъ себя всякое подозрѣніе, покорно углубился въ изученіе того, что мнѣ дали; въ дѣйствительности же тѣмъ временемъ обдумывалъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Было очевидно, что въ книжной биліотекѣ я не получу того, что мнѣ надо: протоколовъ либо въ самомъ дѣлѣ не было, либо предупрежденный моимъ вопросомъ библіотекарь искусно спрячетъ ихъ отъ меня. Оставалось другое — фонографическое отдѣленіе библіотеки.

Тамъ протоколы могли найтись даже въ томъ случаѣ, если не были изданы въ печати. Фонографъ часто замѣняетъ у марсіянъ стенографію, и въ ихъ архивахъ хранятся многія неизданныя фонограммы различныхъ общественныхъ собраній.

Я выбралъ моментъ, когда книжный библіотекарь былъ сильно поглощенъ работой, и незамѣтно для него прошелъ въ фонографическій отдѣлъ. Тамъ я спросилъ у дежурнаго товарища большой каталогъ фонограммъ. Онъ далъ мнѣ его.

По каталогу я быстро нашелъ номера фонограммъ интересующаго меня съѣзда, и дѣлая видъ, что не хочу безпокоить доставаніемъ ихъ дежурнаго товарища, отправился самъ разыскивать ихъ. Это мнѣ также легко удалось.

Всѣхъ фонограммъ было пятнадцать, по числу засѣданій съѣзда. При каждой, какъ обыкновенно у марсіянъ дѣлается, было приложено писанное оглавленіе. Я быстро пересмотрѣлъ ихъ.

Первыя пять засѣданій оказались посвящены всецѣло докладамъ объ экспедиціяхъ, устроенныхъ послѣ предыдущаго съѣзда, и о новыхъ усовершенствованіяхъ въ техникѣ этеронефовъ.

Въ заголовкѣ шестой фонограммы значилось:

„Предложеніе Центральной Статистики о переходѣ къ массовой колонизаціи. Выборъ планеты — Земля или Венера. Рѣчи и предложенія Стэрни, Нэтти, Мэнни и другихъ. Предварительное рѣшеніе въ пользу Венеры“.

Я почувствовалъ, что это то самое, чего искалъ. Я вставилъ фонограмму въ аппаратъ. То, что я услышалъ, навсегда врѣзалось мнѣ въ душу. Вотъ что тамъ было.

Шестое засѣданіе открылъ Мэнни, предсѣдатель конгресса. Первымъ взялъ слово для доклада представитель Центральной Статистики.

Онъ посредствомъ ряда точныхъ цифръ доказалъ, что при данномъ ростѣ населенія и прогрессѣ его потребностей, если марсіяне будутъ ограничиваться эксплоатаціей своей планеты, то черезъ тридцать лѣтъ начнется недостатокъ въ средствахъ питанія. Помѣшать этому могло бы открытіе технически-легкаго синтеза бѣлковъ изъ неорганической матеріи, — но никоимъ образомъ нельзя ручаться, что за тридцать лѣтъ этого удастся достигнуть. Поэтому совершенно необходимо, чтобы колоніальная группа отъ простыхъ научныхъ экскурсій на другія планеты перешла къ дѣлу организаціи настоящаго массового переселенія туда марсіянъ. Налицо имѣются двѣ доступныхъ для марсіянъ планеты съ громадными естественными богатствами. Надо немедленно же рѣшить, какую изъ нихъ сдѣлать для начала центромъ колонизаціи, и затѣмъ приступить къ выработкѣ плана.

Мэнни спрашиваетъ, есть ли желающіе возразить по существу противъ предложенія Центральной Статистики или противъ его мотивировки. Желающихъ не оказывается.

Тогда Мэнни ставитъ на обсужденіе вопросъ о томъ, какую планету выбрать на первую очередь въ дѣлѣ массовой колонизаціи.

Слово беретъ Стэрни.

VII. Стэрни.

— Первый вопросъ, поставленный намъ представителемъ Центральной Статистики,—такъ началъ Стэрни своимъ обычнымъ, математически-дѣловымъ тономъ, — вопросъ о выборѣ планеты для

колонизаціи, на мой взглядъ, не нуждается въ рѣшеніи, потому что рѣшенъ давно, рѣшенъ самой дѣйствительностью. Выбирать не изъ чего. Изъ двухъ, доступныхъ намъ теперь планетъ только одна вообще пригодна для массовой колонизаціи. Это — Земля. О Венерѣ существуетъ большая литература, съ которой всѣ вы, конечно, знакомы. Выводъ изъ всѣхъ собранныхъ въ ней данныхъ возможенъ только одинъ: овладѣть Венерой мы теперь не можемъ. Ея жгучее солнце истомитъ и обезсилитъ нашихъ колонистовъ, ея страшныя грозы и бури разрушатъ наши постройки, размечутъ въ пространствѣ наши аэропланы и разобьютъ ихъ объ исполинскія горы. Съ ея чудовищами мы могли бы еще справиться, хотя и цѣною не малыхъ жертвъ; но ея бактеріальный міръ, страшно богатый формами, извѣстенъ намъ лишь въ ничтожной степени,—а сколько новыхъ болѣзней для насъ скрываетъ онъ въ себѣ? Ея вулканическія силы еще находятся въ безпокойномъ броженіи; сколько неожиданныхъ землетрясеній, изверженій лавы, океаническихъ наводненій онѣ намъ обѣщаютъ? Разумныя существа не должны предпринимать невозможнаго. Попытка колонизовать Венеру дала бы намъ безчисленныя — но и безполезныя жертвы, не жертвы науки и общаго счастья, а жертвы безумія и мечты. Этотъ вопросъ мнѣ кажется ясенъ, и уже одинъ докладъ послѣдней экспедиціи на Венеру врядъ ли въ комъ-нибудь могъ оставить какія бы то ни было сомнѣнія.

„Такимъ образомъ, если дѣло идетъ вообще о массовомъ переселеніи, то, конечно, только о переселеніи на Землю. Тутъ препятствія со стороны природы ничтожны, ея богатства неисчислимы — они въ восемь разъ превосходятъ то, что даетъ наша планета. Самое дѣло колонизаціи хорошо подготовлено уже существующей на Землѣ, хотя и не высокой культурой. Все это, разумѣется, извѣстно и Центральной Статистикѣ. Если она предлагаетъ намъ вопросъ о выборѣ, а мы находимъ нужнымъ его обсуждать, то исключительно по той причинѣ, что Земля представляетъ намъ одно очень серьезное препятствіе. Это — ея человѣчество.

Люди Земли владѣютъ ею, и ни въ какомъ случаѣ они ея добровольно не уступятъ, не уступятъ сколько-нибудь значительной доли ея поверхности. Это вытекаетъ изъ всего характера ихъ культуры. Ея основа есть собственность, огражденная орга-

низованнымъ насиліемъ. Хотя даже самыя цивилизованныя племена Земли эксплоатируютъ на дѣлѣ только ничтожную часть доступныхъ имъ силъ природы, но стремленіе къ захвату новыхъ территорій у нихъ никогда не ослабѣваетъ. Систематическое ограбленіе земель и имущества менѣе культурныхъ племенъ носитъ у нихъ названіе колоніальной политики, и разсматривается какъ одна изъ главныхъ задачъ ихъ государственной жизни. Можно себѣ представить, какъ отнесутся они къ естественному и разумному предложенію съ нашей стороны — уступить намъ часть ихъ материковъ, взамѣнъ чего мы научили бы ихъ и помогли бы имъ несравненно лучше пользоваться остальной частью... Для нихъ колонизація—это вопросъ только грубой силы и насилія; и хотимъ мы или не хотимъ — они заставятъ насъ принять по отношенію къ нимъ эту точку зрѣнія.

Если бы при этомъ дѣло шло только о томъ, чтобы одинъ разъ доказать имъ перевѣсъ нашей силы—это было бы сравнительно просто, и потребовало бы не больше жертвъ, чѣмъ любая изъ ихъ обычныхъ, безсмысленныхъ и безполезныхъ войнъ. Существующія у нихъ большія стада дрессированныхъ для убійства людей, называемыя арміями, послужили бы самымъ подходящимъ матеріаломъ для такого необходимаго насилія. Любой изъ нашихъ этеронефовъ могъ бы посредствомъ потока губительныхъ лучей, возникающихъ при ускоренномъ разложеніи радія, уничтожить въ нѣсколько минутъ одно-два такихъ стада, и это было бы скорѣе полезно, чѣмъ вредно даже для ихъ культуры. Но, къ сожалѣнію, дѣло далеко не такъ просто, и главныя трудности только начались бы съ этого момента.

Въ вѣчной борьбѣ между племенами Земли, у нихъ сложилась психологическая особенность, называемая патріотизмомъ. Это неопредѣленное, но сильное и глубокое чувство заключаетъ въ себѣ и злобное недовѣріе ко всѣмъ чуждымъ народамъ и расамъ, и стихійную привычку къ своей общей жизненной обстановкѣ, особенно къ территоріи, съ которой земныя племена сростаются, какъ черепаха со своей оболочкой, и какое-то коллективное самомнѣніе, и часто, кажется, простую жажду истребленія, насилія и захватовъ. Патріотическое душевное состояніе чрезвычайно усиливается и обостряется послѣ военныхъ пораженій, особенно когда побѣдители отнимаютъ у побѣжденныхъ часть территоріи; тогда

патріотизмъ побѣжденныхъ пріобрѣтаетъ характеръ длительной и жестокой ненависти къ побѣдителямъ, и месть имъ становится жизненнымъ идеаломъ всего племени, не только его худшихъ элементовъ — „высшихъ“ или правящихъ классовъ,—но и лучшихъ, его трудящихся массъ.

И вотъ, если бы мы взяли себѣ часть земной поверхности посредствомъ необходимаго насилія, то несомнѣнно, что это повело бы къ объединенію всего земного человѣчества въ одномъ чувствѣ земного патріотизма, въ безпощадной расовой ненависти и злобѣ противъ нашихъ колонистовъ; истребленіе пришельцевъ какимъ бы то ни было способомъ, вплоть до самыхъ предательскихъ, стало бы въ глазахъ людей священнымъ и благороднымъ подвигомъ, дающимъ безсмертную славу. Существованіе нашихъ колонистовъ сдѣлалось бы совершенно невыносимымъ. Вы знаете, что разрушеніе жизни дѣло вообще очень легкое, даже и для низшей культуры; мы неизмѣримо сильнѣе земныхъ людей въ случаѣ открытой борьбы, но при неожиданныхъ нападеніяхъ они могутъ убивать насъ такъ же успѣшно, какъ обыкновенно дѣлаютъ это другъ съ другомъ. Надо къ тому же замѣтить, что искусство истребленія развито у нихъ несравненно выше, чѣмъ всѣ другія стороны ихъ своеобразной культуры.

Жить вмѣстѣ съ ними и среди нихъ было бы, конечно, прямо невозможно; это означало бы вѣчные заговоры и терроръ съ ихъ стороны, постоянное сознаніе неотвратимой опасности и безчисленныя жертвы для нашихъ товарищей. Пришлось бы выселить ихъ изо всѣхъ занятыхъ нами областей, — выселить сразу десятки, можетъ быть, сотни милліоновъ. При ихъ общественномъ строѣ, не признающемъ товарищеской взаимной поддержки, при ихъ соціальныхъ отношеніяхъ, обусловливающихъ услуги и помощь уплатою денегъ, наконецъ, при ихъ неуклюжихъ и лишенныхъ гибкости способахъ производства, не допускающихъ достаточно быстраго расширенія производительности и перераспредѣленія продуктовъ труда,—эти милліоны выселенныхъ нами людей были бы въ громадномъ большинствѣ обречены на мучительную голодную смерть. А уцѣлѣвшее меньшинство образовало бы кадры ожесточенныхъ, фанатичныхъ агитаторовъ противъ насъ среди всего остального человѣчества Земли.

Затѣмъ пришлось бы все-таки продолжать борьбу. Вся наша земная область должна была бы превратиться въ непрерывно охраняемый военный лагерь. Страхъ дальнѣйшихъ захватовъ съ нашей стороны и великая расовая ненависть направили бы всѣ силы земныхъ племенъ на подготовку и организацію войнъ противъ насъ. Если уже теперь ихъ оружіе гораздо совершеннѣе ихъ орудій труда, то тогда прогрессъ истребительной техники пойдетъ у нихъ еще несравненно быстрѣе. Въ то-же время, они будутъ отыскивать и подстерегать случаи для внезапнаго открытія войны, и если имъ это удастся, они, несомнѣнно, нанесутъ намъ большія невознаградимыя потери, хотя-бы дѣло и окончилось нашей побѣдой. Кромѣ того, нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что они какимъ-нибудь способомъ узнаютъ устройство нашего главнаго оружія. Радіирующая матерія имъ уже извѣстна; а методъ ускореннаго ея разложенія можетъ быть либо развѣданъ ими какимъ-нибудь способомъ у насъ, либо даже самостоятельно открытъ ихъ учеными. Но вы знаете, что при такомъ оружіи тотъ, кто на нѣсколько минутъ предупреждаетъ противника своимъ нападеніемъ, тотъ неизбѣжно его уничтожаетъ; и разрушить высшую жизнь въ этомъ случаѣ такъ же легко, какъ самую элементарную.

Каково же было бы существованіе нашихъ товарищей среди этихъ опасностей и этого вѣчнаго ожиданія? Были-бы отравлены не только всѣ радости жизни, но самый типъ ея скоро былъ-бы извращенъ и униженъ. Въ нее мало-по-малу проникли-бы подозрительность, мнительность, эгоистичная жажда самосохраненія и неразрывно связанная съ нею жестокость. Эта колонія перестала бы быть нашей колоніей, превратившись въ военную республику среди побѣжденныхъ, неизмѣнно враждебныхъ племенъ. Повторяющіяся нападенія съ ихъ жертвами не только порождали бы чувство мести и злобы, искажающее дорогой намъ образъ человѣка, но и объективно вынуждали бы къ переходу изъ самозащиты въ безпощадное наступленіе. И въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ колебаній и безплодной мучительной растраты силъ, дѣло пришло бы неизбѣжно къ той постановкѣ вопроса, какую мы, существа сознательныя и предвидящія ходъ событій, должны принять съ самаго начала: колонизація Земли требуетъ полнаго истребленія земного человѣчества.

(Среди сотенъ слушателей проносится ропотъ ужаса, изъ котораго выдѣляется громкое негодующее восклицаніе Нэтти. Когда тишина возстановляется, Стэрни спокойно продолжаетъ).

Надо понять необходимость, и твердо смотрѣть ей въ глаза, какъ бы ни была она сурова. Намъ предстоитъ одно изъ двухъ: либо остановка въ развитіи нашей жизни, либо уничтоженіе чуждой намъ жизни на Землѣ. Ничего третьяго нѣтъ передъ нами. (Голосъ Нэтти: „Неправда!") Я знаю, что́ имѣетъ въ виду Нэтти, протестуя противъ моихъ словъ, и разберу сейчасъ ту третью возможность, которую она предполагаетъ.

Это—попытка немедленнаго соціалистическаго перевоспитанія земного человѣчества, планъ, къ которому всѣ мы еще недавно склонялись, и отъ котораго теперь, по моему мнѣнію, неизбѣжно отказаться. Мы достаточно уже знаемъ о людяхъ Земли, чтобы понять всю неосуществимость этой идеи.

Уровень культуры передовыхъ народовъ Земли приблизительно соотвѣтствуетъ тому, на которомъ стояли наши предки въ эпоху прорытія Большихъ Каналовъ. Тамъ также господствуетъ капиталъ, и существуетъ пролетаріатъ, ведущій борьбу за соціализмъ. Судя по этому, можно было бы думать, что недалекъ уже моментъ переворота, который устранитъ систему организованнаго насилія, и создастъ возможность свободнаго и быстраго развитія человѣческой жизни. Но у земного капитализма есть важныя особенности, сильно измѣняющія все дѣло.

Съ одной стороны, земной міръ страшно раздробленъ политическими и національными дѣленіями, такъ что борьба за соціализмъ ведется не какъ единый и цѣльный процессъ въ одномъ обширномъ обществѣ, а какъ цѣлый рядъ самостоятельныхъ и своеобразныхъ процессовъ въ отдѣльныхъ обществахъ, разъединенныхъ государственной организаціей, языкомъ, иногда и расою. Съ другой стороны, формы соціальной борьбы тамъ гораздо грубѣе и механичнѣе, чѣмъ это было у насъ,—и несравненно бо́льшую роль въ нихъ играетъ прямое матеріальное насиліе, воплощенное въ постоянныхъ арміяхъ и вооруженныхъ возстаніяхъ.

Благодаря всему этому, получается то, что вопросъ о соціальной революціи становится очень неопредѣленнымъ: предвидится не одна, а множество соціальныхъ революцій, въ разныхъ странахъ въ различное время, и даже во многомъ, вѣроятно, неоди-

наковаго характера, а главное—съ сомнительнымъ и неустойчивымъ исходомъ. Господствующіе классы, опираясь на армію и высокую военную технику, въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ нанести возставшему пролетаріату такое истребительное пораженіе, которое въ цѣлыхъ обширныхъ государствахъ на десятки лѣтъ отбросить назадъ дѣло борьбы за соціализмъ: и примѣры подобнаго рода уже бывали въ лѣтописяхъ Земли. Затѣмъ, отдѣльныя передовыя страны, въ которыхъ соціализмъ восторжествуетъ, будутъ какъ острова среди враждебнаго имъ капиталистическаго, а частью даже до-капиталистическаго міра. Боясь за свое собственное господство, высшіе классы не соціалистическихъ странъ направятъ всѣ свои усилія, чтобы разрушить эти острова, будутъ постоянно организовывать на нихъ военныя нападенія, и найдутъ среди соціалистическихъ націй достаточно союзниковъ, готовыхъ на всякое предательство, изъ числа прежнихъ собственниковъ, крупныхъ и мелкихъ. Результатъ этихъ столкновеній трудно предугадать. Но даже тамъ, гдѣ соціализмъ удержится и выйдетъ побѣдителемъ, его характеръ будетъ глубоко и надолго искаженъ многими годами осаднаго положенія, необходимаго террора и военщины, съ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ — варварскимъ патріотизмомъ. Это будетъ далеко на нашъ соціализмъ.

Задача нашего вмѣшательства должна была, по нашимъ прежнимъ планамъ, заключаться въ томъ, чтобы ускорить и помочь торжеству соціализма. Какимъ способомъ для насъ возможно это сдѣлать? Во-первыхъ, мы можемъ передать людямъ Земли нашу технику, нашу науку, наше умѣнье господствовать надъ силами природы,—и тѣмъ самымъ настолько сразу поднять ихъ культуру, что отсталыя формы экономической и политической жизни окажутся въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ нею, и падутъ въ силу своей негодности. Во-вторыхъ, мы можемъ прямо поддержать соціалистическій пролетаріатъ въ его революціонной борьбѣ, и помочь ему сломить сопротивленіе другихъ классовъ. Иныхъ способовъ нѣтъ. Но эти два достигаютъ ли своей цѣли? Мы теперь достаточно знаемъ, чтобы рѣшительно отвѣтить: нѣтъ!

Къ чему приведетъ сообщеніе земнымъ людямъ нашихъ техническихъ знаній и методовъ?

Первыми захватятъ ихъ въ свою пользу и увеличатъ ими свою силу господствующіе классы всѣхъ странъ. Это неиз-

бѣжно, потому что въ ихъ рукахъ находятся всѣ матеріальныя средства труда, и имъ служатъ девяносто девять сотыхъ всѣхъ ученыхъ и инженеровъ,—значитъ, имъ будетъ принадлежать вся возможность примѣненія новой техники. И они воспользуются ею ровно настолько, насколько это будетъ для нихъ выгодно, и насколько это будетъ усиливать ихъ власть надъ массами. Болѣе того: тѣ новыя и могущественныя средства истребленія и разрушенія, которыя при этомъ попадутъ въ ихъ руки, они постараются немедленно пустить въ ходъ для подавленія соціалистическаго пролетаріата. Они удесятерятъ его преслѣдованія и организуютъ широкую провокацію, чтобы поскорѣе вызвать его на открытый бой и въ этомъ бою раздавить его сознательныя и лучшія силы, идейно его обезглавить, пока онъ не успѣлъ въ свою очередь овладѣть новыми и лучшими методами военнаго насилія. Такимъ образомъ наше вмѣшательство послужитъ толчкомъ для реакціи сверху, и въ то же время дастъ ей оружіе невиданной силы. Въ конечномъ итогѣ—оно на цѣлые десятки лѣтъ замедлитъ побѣду соціализма.

А чего достигли бы мы попытками оказать прямую помощь соціалистическому пролетаріату противъ его враговъ?

Предположимъ—это, вѣдь, еще не навѣрное,—что онъ приметъ союзъ съ нами. Первыя побѣды будутъ тогда одержаны легко. Но дальше? Неизбѣжное развитіе среди всѣхъ другихъ классовъ общества самаго ожесточеннаго и бѣшенаго патріотизма, направленнаго противъ насъ и противъ соціалистовъ Земли... Пролетаріатъ все еще представляетъ меньшинство почти во всѣхъ, даже наиболѣе передовыхъ странахъ Земли; большинство образуютъ не успѣвшіе разложиться остатки класса мелкихъ собственниковъ, массы наиболѣе невѣжественныя и темныя. Возстановить всѣхъ ихъ до крайней степени противъ пролетаріата будетъ тогда для крупныхъ собственниковъ и ихъ ближайшихъ прислужниковъ—чиновниковъ и ученыхъ—очень легко, потому что эти массы, по своей сущности консервативныя и даже частью реакціонныя, чрезвычайно болѣзненно воспринимаютъ всякій быстрый прогрессъ. Передовой пролетаріатъ, окруженный со всѣхъ сторонъ страшно озлобленными, безпощадными врагами,—къ нимъ примкнутъ и обширные слои отсталыхъ по развитію пролетаріевъ,—окажется въ такомъ же невыносимомъ положеніи, въ какомъ оказались бы наши

колонисты среди побѣжденныхъ земныхъ племенъ. Будутъ безчисленныя предательскія нападенія, погромы, рѣзня,—а главное, вся позиція пролетаріата среди общества будетъ какъ нельзя болѣе неблагопріятна для того, чтобы руководить преобразованіемъ общества. И опять таки, наше вмѣшательство не приблизитъ, а замедлитъ соціальный переворотъ.

Время этого переворота, такимъ образомъ, остается неопредѣленнымъ, и не отъ насъ зависитъ его ускорить. Во всякомъ случаѣ, ждать его пришлось бы гораздо дольше, чѣмъ это для насъ возможно. Уже черезъ 30 лѣтъ у насъ окажется 15—20 милліоновъ избыточнаго населенія, а затѣмъ каждый годъ оно будетъ возрастать еще на 20—25 милліоновъ. Надо заранѣе произвести значительную колонизацію; иначе у насъ не хватитъ силъ и средствъ для того, чтобы сразу выполнить ее въ необходимыхъ размѣрахъ.

Кромѣ того, болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы намъ удалось мирно столковаться даже съ соціалистическими обществами Земли, если бы они неожиданно скоро образовались. Какъ я уже говорилъ, это будетъ во многомъ не нашъ соціализмъ.

Вѣка національнаго дробленія, взаимнаго непониманія, грубой и кровавой борьбы не могли пройти даромъ,—они надолго оставятъ глубокіе слѣды въ психологіи освобожденнаго земного человѣчества; и мы не знаемъ, сколько варварства и узости соціалисты Земли принесутъ съ собою въ свое новое общество.

Передъ нами на лицо опытъ, который позволяетъ судить, въ какой мѣрѣ далека отъ насъ психологія Земли даже въ лучшихъ ея представителяхъ. Изъ послѣдней экспедиціи мы привезли съ собою одного земного соціалиста, человѣка выдающагося въ своей средѣ душевной силой и физическимъ здоровьемъ. И что же? вся наша жизнь оказалась для него такой чуждой, въ такомъ противорѣчіи со всей его организаціей, что прошло очень немного времени, и онъ уже боленъ глубокимъ психическимъ разстройствомъ.

Таковъ одинъ изъ лучшихъ, котораго выбралъ среди многихъ самъ Мэнни. Чего мы можемъ ожидать отъ остальныхъ?

Итакъ, остается все та же дилемма: или пріостановка нашего собственнаго размноженія, и съ нею ослабленіе всего развитія нашей жизни, или колонизація Земли, основанная на истребленіи всего ея человѣчества.

Я говорю объ истребленіи всего ея человѣчества, потому что мы не можемъ даже сдѣлать исключенія для его соціалистическаго авангарда. Нѣтъ, во-первыхъ, никакой технической возможности среди всеобщаго уничтоженія выдѣлить этотъ авангардъ среди остальныхъ массъ, незначительную долю которыхъ онъ представляетъ. И во-вторыхъ, если бы намъ удалось сохранить соціалистовъ,—они сами начали бы потомъ съ нами ожесточенную, безпощадную войну, жертвуя въ ней собою до полнаго истребленія, потому что они никогда не могли бы примириться съ убійствомъ сотенъ милліоновъ людей, имъ подобныхъ, и съ ними связанныхъ многими, часто очень тѣсными жизнениыми связями. Въ столкновеніяхъ двухъ міровъ здѣсь нѣтъ компромисса.

Мы должны выбирать. И я говорю: мы можетъ выбирать только одно.

Высшей жизнью нельзя жертвовать ради низшей. Среди земныхъ людей не найдется и нѣсколькихъ милліоновъ сознательно стремящихся къ дѣйствительно-человѣческому типу жизни. Ради этихъ зародышевыхъ людей мы не можемъ отказаться отъ возможности зарожденія и развитія десятковъ, можетъ быть сотенъ милліоновъ существъ нашего міра—людей въ несравненно болѣе полномъ значеніи этого слова. И не будетъ жестокости въ нашихъ дѣйствіяхъ, потому, что мы съумѣемъ выполнить это истребленіе съ гораздо меньшими страданіями для нихъ, чѣмъ они сами постоянно причиняютъ другъ другу.

Міровая жизнь едина. И для нея будетъ не потерей, а пріобрѣтеніемъ, если на Землѣ вмѣсто ея еще далекаго полуварварскаго соціализма развернется теперь же нашъ соціализмъ,—жизнь несравненно болѣе гармоничная въ ея непрерывномъ, безпредѣльномъ развитіи.

(Послѣ рѣчи Стэрни наступаетъ сначала глубокая тишина. Ее прерываетъ Мэнни, предлагая высказаться тѣмъ, кто держится противоположнаго взгляда. Слово беретъ Нэтти).

VIII. Нэтти.

— „Міровая жизнь едина“—это сказалъ Стэрни. И что же онъ предложилъ намъ?

Уничтожить, навѣки истребить цѣлый своеобразный типъ этой жизни, типъ, котораго потомъ мы никогда уже не можемъ ни возстановить, ни замѣнить.

Сотни милліоновъ лѣтъ жила прекрасная планета, жила своей, особенной жизнью, не такой, какъ другія.... И вотъ, изъ ея могучихъ стихій стало организоваться сознаніе; поднимаясь въ жестокой и трудной борьбѣ съ низшихъ ступеней на высшія, оно, наконецъ, приняло близкія, родныя намъ человѣческія формы. Но эти формы не тѣ, что у насъ: въ нихъ отразилась и сосредоточилась исторія иной природы, иной борьбы; подъ ними скрыта иная стихійность, въ нихъ заключаются иныя противорѣчія, иныя возможности развитія. Настала эпоха, когда впервые можетъ осуществиться соединеніе двухъ великихъ линій жизни. Сколько новаго многообразія, какая высшая гармонія должна возникнуть изъ этого сочетанія! И намъ говорятъ: міровая жизнь едина, поэтому намъ надо не объединять, а... разрушать ее.

Когда Стэрни указывалъ, насколько человѣчество Земли, его исторія, его нравы, его психологія не похожи на наши, онъ опровергалъ свою идею почти лучше, чѣмъ я могу это сдѣлать. Если бы они были совершенно похожи на насъ во всемъ, кромѣ ступени развитія, если бы они были тѣмъ, чѣмъ были наши предки въ эпоху нашего капитализма, тогда со Стэрни можно было бы согласиться: низшей ступенью стоитъ пожертвовать ради высшей, слабыми ради сильныхъ. Но земные люди не таковы, они не только ниже и слабѣе насъ по культурѣ—они иные, чѣмъ мы, и потому, устраняя ихъ, мы ихъ не замѣстимъ въ міровомъ развитіи, мы только механически заполнимъ собою ту пустоту, которую создадимъ въ царствѣ формъ жизни.

Не въ варварствѣ, не въ жестокости земной культуры заключается ея дѣйствительное различіе отъ нашей. Варварство и жестокость—это только преходящія проявленія той общей расточительности въ процессѣ развитія, которою отличается вся жизнь Земли. Тамъ борьба за существованіе энергичнѣе и напряженнѣе, природа непрерывно создаетъ гораздо больше формъ, но гораздо больше ихъ и погибаетъ жертвами развитія. И это не можетъ быть иначе, потому что отъ источника жизни—Солнца—Земля въ цѣломъ получаетъ лучистой энергіи въ восемь разъ

больше, чѣмъ наша планета. Оттого тамъ разсѣивается и разбрасывается такъ много жизни, оттого въ разнообразіи ея формъ возникаетъ такъ много противорѣчій, и такъ мучительно сложенъ и полонъ крушеній весь путь ихъ примиренія. Въ царствѣ растеній и животныхъ милліоны видовъ ожесточенно боролись и быстро вытѣсняли другъ друга, участвуя своей жизнью и своей смертью въ выработкѣ новыхъ, болѣе законченныхъ и гармоничныхъ, болѣе синтетическихъ типовъ. Такъ было и въ царствѣ человѣка.

Наша исторія, если ее сравнивать съ исторіей земного человѣчества, кажется удивительно простой, свободной отъ блужданій и правильной до схематичности. Спокойно и непрерывно происходило накопленіе элементовъ соціализма,—исчезали мелкіе собственники, поднимался со ступени на ступень пролетаріатъ; все это происходило безъ колебаній и толчковъ, на всемъ протяженіи планеты, объединенной въ связное политическое цѣлое. Велась борьба, но люди кое-какъ понимали другъ друга; пролетаріатъ не заглядывалъ далеко впередъ, но и буржуазія не была утопична въ своей реакціонности; различныя эпохи и общественныя формаціи не перемѣшивались до такой степени, какъ это происходитъ на Землѣ, гдѣ въ высоко-капиталистической странѣ возможна иногда феодальная реакція, и многочисленное крестьянство, отстающее по своей культурѣ на цѣлый историческій періодъ, часто служитъ для высшихъ классовъ орудіемъ подавленія пролетаріата. Ровнымъ и гладкимъ путемъ мы пришли, нѣсколько поколѣній тому назадъ, къ такому общественному устройству, которое освобождаетъ и объединяетъ всѣ силы соціальнаго развитія.

Не такова была дорога, по которой шли наши земные братья, — тернистая, со множествомъ поворотовъ и перерывовъ. Немногіе изъ насъ знаютъ, и никто изъ насъ не въ силахъ себѣ ясно представить, до какого безумія было доведено искусство мучить людей у самыхъ культурныхъ народовъ Земли въ идейныхъ и политическихъ организаціяхъ господства высшихъ классовъ—въ церкви и государствѣ. И что же въ результатѣ? Замедлилось развитіе? Нѣтъ, мы не имѣемъ основанія утверждать этого, потому что первыя стадіи капитализма, до зарожденія пролетарскаго соціалистическаго сознанія, протекли среди путаницы и жестокой борьбы различныхъ формацій не медленнѣе, а быстрѣе, чѣмъ

у насъ—въ постепенныхъ и болѣе спокойныхъ переходахъ. Но самая суровость и безпощадность борьбы породила въ борцахъ такой подъемъ энергіи и страсти, такую силу героизма и мученичества, какихъ не знала болѣе увѣренная и менѣе трагичная борьба нашихъ предковъ. И въ этомъ земной типъ жизни людей не ниже, а выше нашего, хотя мы, старшіе по культурѣ, стоимъ на гораздо болѣе высокой ступени.

Земное человѣчество раздроблено, его отдѣльныя расы и націи глубоко срослись со своими территоріями и со своими историческими традиціями, онѣ говорятъ на разныхъ языкахъ, и глубокое непониманіе другъ друга проникаетъ всѣ ихъ жизненныя отношенія... Все это вѣрно, и вѣрно то, что общечеловѣческое объединеніе, которое съ великими трудностями пробиваетъ себѣ дорогу черезъ всѣ эти границы, будетъ достигнуто нашими земными братьями сравнительно гораздо позже, чѣмъ нами. Но посмотрите на причины, и оцѣните глубже слѣдствія. Это дробленіе возникло изъ обширности земного міра, богатства и разнообразія его природы. Оно ведетъ къ возникновенію множества различныхъ точекъ зрѣнія и оттѣнковъ въ пониманіи Вселенной. Развѣ все это ставитъ Землю и ея людей ниже, а не выше нашего міра въ аналогичныя эпохи его исторіи?

Даже механическое различіе языковъ, на которыхъ они говорятъ, во многомъ помогало развитію ихъ мышленія, освобождая понятія отъ грубой власти словъ, которыми они выражаются. Сравните философію земныхъ людей съ философіей нашихъ капиталистическихъ предковъ. Философія Земли не только разнообразнѣе, но и тоньше, не только исходитъ изъ болѣе сложнаго матеріала, но въ своихъ лучшихъ школахъ и анализируетъ его глубже, вѣрнѣе устанавливая связь фактовъ и понятій. Конечно, всякая философія есть выраженіе слабости и разрозненности познанія, недостаточности научнаго развитія; это—попытка дать единую картину Бытія, заполняя предположеніями пробѣлы научнаго опыта; поэтому философія будетъ устранена на Землѣ, какъ устранена уже у насъ, монизмомъ науки. Но посмотрите, сколько предположеній философіи, созданной ихъ передовыми мыслителями и борцами, предупреждаютъ въ грубыхъ чертахъ открытія нашей науки,—такова почти вся общественная философія соціалистовъ. Ясно, что племена, превзошедшія нашихъ предковъ въ творчест-

вѣ философскомъ, могутъ впослѣдствіи превзойти насъ самихъ въ творчествѣ научномъ.

И Стэрни хочетъ измѣрять это человѣчество счетомъ праведниковъ—сознательныхъ соціалистовъ, которыхъ оно сейчасъ въ себѣ заключаетъ,—хочетъ судить его по его нынѣшнимъ противорѣчіямъ, а не по тѣмъ силамъ, которыми порождены и въ свое время будутъ разрѣшены эти противорѣчія. Онъ хочетъ осушить навѣки этотъ бурный, но прекрасный океанъ жизни!

Твердо и рѣшительно, мы должны ему отвѣтить: никогда!

Мы должны подготовить свой будущій союзъ съ человѣчествомъ Земли. Мы не можемъ значительно ускорить его переходъ съ свободному строю: но то немногое, что мы въ силахъ сдѣлать для этого, мы сдѣлать должны. И если перваго посланника Земли въ нашей средѣ мы не сумѣли уберечь отъ ненужныхъ страданій и болѣзни—это не дѣлаетъ чести намъ, а не имъ. Къ счастью, онъ скоро выздоровѣетъ, и даже если въ концѣ концовъ его убьетъ это слишкомъ быстрое сближеніе съ чуждой для него жизнью,—онъ успѣетъ сдѣлать еще многое для будущаго союза двухъ міровъ.

А наши собственныя затрудненія и опасности мы должны преодолѣть на другихъ путяхъ. Надо направить новыя научныя силы въ химію бѣлковыхъ веществъ, надо подготовлять, насколько возможно, колонизацію Венеры. Если мы не успѣемъ рѣшить этихъ задачъ въ короткій срокъ, который намъ остался, надо временно сократить размноженіе. Какой разумный акушеръ не пожертвуетъ жизнью неродившагося младенца, чтобы сохранить жизнь женщины? Мы должны также, если это необходимо, пожертвовать частицей той нашей жизни, которой еще нѣтъ, для той, пока еще чужой жизни, которая есть и развивается. Союзъ міровъ безконечно окупитъ эту жертву.

Единство жизни есть высшая цѣль, и любовь—высшій разумъ!

(Глубокое молчанье. Затѣмъ слово беретъ Мэнни.)

IX. Мэнни.

—Я внимательно наблюдалъ настроеніе товарищей, и вижу, что значительное большинство ихъ на сторонѣ Нэтти. Я очень радъ этому, потому что приблизительно такова же и моя точка

зрѣнія. Прибавлю только одно практическое соображеніе, которые мнѣ кажется очень важнымъ. Существуетъ серьезная опасность, что въ настоящее время намъ даже не хватило бы техническихъ средствъ, если бы мы сдѣлали попытку массовой колонизаціи другихъ планетъ.

Мы можемъ построить десятки тысячъ большихъ этеронефовъ, и можетъ оказаться, что ихъ нечѣмъ будетъ привести въ движеніе. Той радіирующей матеріи, которая служитъ ихъ необходимымъ двигателемъ, намъ придется тратить въ сотни разъ больше, чѣмъ до сихъ поръ. А между тѣмъ всѣ извѣстныя намъ мѣсторожденія истощаются, и новыя открываются все рѣже и рѣже.

Надо не забывать, что радіо-матерія нужна намъ постоянно не только для того, чтобы давать этеронефамъ ихъ громадную скорость. Вы знаете, что вся наша техническая химія построена теперь на этихъ веществахъ. Ихъ мы затрачиваемъ при производствѣ „минусъ-матеріи", безъ которой тѣ же этеронефы и наши безчисленные аэропланы превращаются въ негодные, тяжелые ящики. Этимъ необходимымъ примѣненіемъ активной матеріи жертвовать не приходится.

Но всего хуже то, что единственная возможная замѣна колонизаціи—синтезъ бѣлковъ—можетъ оказаться неосуществимой изъ-за того же недостатка радіирующихъ веществъ. Технически-легкій и удобный для фабричнаго производства синтезъ бѣлковъ, при громадной сложности ихъ состава, немыслимъ на пути старыхъ методовъ синтеза, методовъ постепеннаго усложненія. На томъ пути, какъ вы знаете, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ удалось получить искусственные бѣлки, но въ ничтожномъ количествѣ и съ большими затратами энергіи и времени, такъ что вся работа имѣетъ лишь теоретическое значеніе. Массовое производство бѣлковъ изъ неорганическаго матеріала возможно только посредствомъ тѣхъ, быстрыхъ и рѣзкихъ, измѣненій химическихъ составовъ, какія достигаются у насъ дѣйствіемъ неустойчивыхъ элементовъ на обыкновенную, устойчивую матерію. Чтобы добиться успѣха въ этомъ направленіи, десяткамъ тысячъ работниковъ придется перейти спеціально на изслѣдованья по синтезу бѣлковъ, и поставить милліоны разнообразнѣйшихъ новыхъ опытовъ. Для этого, а затѣмъ, въ случаѣ успѣха, для массоваго производства бѣлковъ опять-та-

ки необходимо будетъ затрачивать громадныя количества активной матеріи, какихъ теперь нѣтъ въ нашемъ распоряженіи.

Такимъ образомъ, съ какой точки зрѣнія ни посмотрѣть, мы можемъ обезпечить себѣ успѣшное разрѣшеніе занимающаго насъ вопроса только въ томъ случаѣ, если найдемъ новые источники радіо-элементовъ.—Но гдѣ ихъ искать? Очевидно, на другихъ планетахъ, т. е. либо на Землѣ, либо на Венерѣ; и для меня несомнѣнно, что первую попытку слѣдуетъ сдѣлать именно на Венерѣ.

Относительно Земли можно предполагать, что тамъ есть богатые запасы активныхъ элементовъ. Относительно Венеры это вполнѣ установлено.—Земныя мѣсторожденія намъ неизвѣстны, потому что тѣ, которыя найдены земными учеными, къ сожалѣнію, ничего не стоятъ. Мѣсторожденія на Венерѣ нами уже открыты, съ первыхъ шаговъ нашихъ экспедицій.—На Землѣ главныя залежи расположены, повидимому, такъ же, какъ у насъ, т. е. глубоко подъ поверхностью. На Венерѣ нѣкоторыя изъ нихъ находятся такъ близко къ поверхности, что ихъ радіаціи были сразу обнаружены фотографическимъ путемъ.—Если искать радія на Землѣ, то придется перерыть ея материки такъ, какъ мы это сдѣлали на нашей планетѣ; на это могутъ потребоваться десятки лѣтъ, и есть еще рискъ обмануться въ ожиданіяхъ. На Венерѣ остается только добывать то, что уже найдено, и это можно сдѣлать безъ всякихъ промедленій.

Поэтому, какъ бы мы ни рѣшили впослѣдствіи вопросъ о массовой колонизаціи, теперь, чтобы гарантировать возможность этого рѣшенія, надо, по моему глубокому убѣжденію, немедленно произвести маленькую, можетъ быть, временную колонизацію Венеры, съ единственной цѣлью добыванія активной матеріи.

Естественныя препятствія, конечно, громадны,—но намъ вовсе не придется теперь преодолѣвать ихъ полностью. Мы должны овладѣть только маленькимъ клочкомъ этой планеты. Въ сущности, дѣло сводится къ большой экспедиціи, которая должна будетъ пробыть тамъ не мѣсяцы, какъ прежнія наши экспедиціи, а цѣлые годы, занимаясь добываніемъ радія. Придется, конечно, одновременно вести энергичную борьбу съ природными условіями, ограждая себя отъ губительнаго климата, неизвѣстныхъ болѣзней и другихъ опасностей. Будутъ большія жертвы; возможно, что только

малая часть экспедиціи вернется назадъ. Но попытку сдѣлать необходимо.

Наиболѣе подходящимъ мѣстомъ для начала является, по многимъ даннымъ, Островъ Горячихъ Бурь. Я тщательно изучилъ его природу, и составилъ подробный планъ организаціи всего дѣла. Если вы, товарищи, считаете возможнымъ обсуждать его теперь, я немедленно изложу его вамъ.

(Никто не высказывается противъ, и Мэнни переходитъ къ изложенію своего плана, при чемъ обстоятельно разсматриваетъ всѣ техническія детали. По окончаніи его рѣчи выступаютъ новые ораторы, но всѣ они говорятъ исключительно по поводу его плана, разбирая частности. Нѣкоторые выражаютъ недовѣріе къ успѣху экспедиціи; но всѣ соглашаются, что попытаться надо. Въ заключеніе принимается резолюція, предложенная Мэнни).

X. Убійство.

То глубокое ошеломленіе, въ которомъ я находился, исключало всякую даже попытку собраться съ мыслями. Я только чувствовалъ, какъ холодная боль желѣзнымъ кольцомъ сжимала мнѣ сердце, и еще передъ моимъ сознаніемъ съ ясностью галлюцинаціи выступала огромная фигура Стэрни съ его неумолимо-спокойнымъ лицомъ. Все остальное смѣшивалось и терялось въ тяжеломъ, темномъ хаосѣ.

Какъ автоматъ, я вышелъ изъ библіотеки и сѣлъ въ свою гондолу. Холодный вѣтеръ отъ быстраго полета заставилъ меня плотно закутаться въ плащъ, и это какъ-будто внушило мнѣ новую мысль, которая сразу застыла въ сознаніи, и сдѣлалась несомнѣнной: мнѣ надо остаться одному. Когда я пріѣхалъ домой, я немедленно привелъ ее въ исполненіе — все такъ же механично, какъ-будто дѣйствовалъ не я, а кто-то другой.

Я написалъ руководящей фабричной коллегіи, что на время ухожу отъ работы. Энно я сказалъ, что намъ надо пока разстаться. Она тревожно-пытливо взглянула на меня и поблѣднѣла, но не сказала ни слова. Только потомъ, въ самую минуту отъѣзда, она спросила, не желаю-ли я видѣть Нэлду. Я отвѣтилъ: нѣтъ,—и поцѣловалъ Энно въ послѣдній разъ.

Затѣмъ я погрузился въ мертвое оцѣпененіе. Была холодная боль, и были обрывки мыслей. Отъ рѣчей Нэтти и Мэнни оста-

лось блѣдное, равнодушное воспоминаніе,—какъ-будто это все было не важно и не интересно. Разъ только промелькнуло соображеніе: „да, вотъ почему уѣхала Нэтти: отъ экспедиціи зависитъ *все*“. Рѣзко и отчетливо выступали отдѣльныя выраженія и цѣлыя фразы Стэрни: „надо *понять* необходимость... нѣсколько милліоновъ человѣческихъ зародышей... полное истребленіе земного человѣчества... онъ боленъ тяжелой душевной болѣзнью“... Но не было ни связи, ни выводовъ. Иногда мнѣ представлялось истребленіе человѣчества, какъ совершившійся фактъ, но въ смутной, отвлеченной формѣ. Боль въ сердцѣ усиливалась, и зарождалась мысль, что я виновенъ въ этомъ истребленіи. На короткое время пробивалось сознаніе, что ничего этого еще нѣтъ, и можетъ быть, не будетъ. Боль, однако, не прекращалась, и мысль опять медленно констатировала: „всѣ умрутъ... и Анна Николаевна... и рабочій Ваня... и Нэтти... нѣтъ, Нэтти останется: она марсіянка... а всѣ умрутъ... и не будетъ жестокости, потому что не будетъ страданій... да, это говорилъ Стэрни... а всѣ умрутъ, оттого что я былъ боленъ... значитъ, я виновенъ“... Обрывки тяжелыхъ мыслей цѣпенѣли и застывали, и оставались въ сознаніи, холодныя, неподвижныя. И время какъ-будто остановилось съ ними.

Это былъ бредъ, мучительный, непрерывный, безысходный. Призраковъ не было внѣ меня. Былъ одинъ черный призракъ въ моей душѣ, но онъ былъ—*все*. И конца ему быть не могло, потому что время остановилось.

Возникала мысль о самоубійствѣ, и медленно тянулась, но не заполняла сознаніе. Самоубійство казалось безполезнымъ и скучнымъ: развѣ могло оно прекратить эту черную боль, которая была *все*? Не было вѣры въ самоубійство, потому что не было вѣры въ свое существованіе. Существовала тоска, холодъ, ненавистное *все*, но мое „я“ терялось въ этомъ, какъ что-то незамѣтное, ничтожное, безконечно-малое. „Меня“ не было.

Минутами мое состояніе становилось настолько невыносимымъ, что возникало непреодолимое желаніе бросаться на все окружающее, живое и мертвое, бить, разрушать, уничтожать безъ слѣда. Но я еще сознавалъ, что это было-бы безсмысленно и по-дѣтски; я стискивалъ зубы и удерживался.

Мысль о Стэрни постоянно возвращалась и неподвижно останавливалась въ сознаніи. Она была тогда какъ-будто центромъ

всей тоски и боли. Мало-по-малу, очень медленно, но непрерывно, около этого центра стало формироваться намѣреніе, которое перешло затѣмъ въ ясное и непреклонное рѣшеніе: „надо видѣть Стэрни“. Зачѣмъ, по какимъ мотивамъ видѣть,—я не могъ бы сказать этого. Было тольно несомнѣнно, что я это сдѣлаю. И было въ тоже время мучительно трудно выйти изъ моей неподвижности, чтобы исполнить рѣшеніе.

Наконецъ, насталъ день, когда у меня хватило энергіи, чтобы преодолѣть это внутреннее сопротивленіе. Я сѣлъ въ гондолу, и поѣхалъ на ту обсерваторію, которой руководилъ Стэрни. По дорогѣ я пытался обдумать, о чемъ буду съ нимъ говорить; но холодъ въ сердцѣ и холодъ вокругъ парализовали мысль. Черезъ три часа я доѣхалъ.

Войдя въ большую залу обсерваторіи, я сказалъ одному изъ работавшихъ тамъ товарищей: „мнѣ надо видѣть Стэрни“. Товарищъ пошелъ за Стэрни и, возвратившись черезъ минуту, сообщилъ, что Стэрни, занятъ провѣркой инструментовъ, черезъ четверть часа будетъ свободенъ, а пока мнѣ удобнѣе подождать въ его кабинетѣ.

Меня провели въ кабинетъ, я сѣлъ въ кресло передъ письменнымъ столомъ, и сталъ ожидать. Кабинетъ былъ полонъ различныхъ приборовъ и машинъ, частью уже знакомыхъ мнѣ, частью незнакомыхъ. Направо отъ моего кресла стоялъ какой-то маленькій инструментъ на тяжеломъ металическомъ штативѣ, оканчивавшемся тремя ножками. На столѣ лежала раскрытая книга о Землѣ и ея обитателяхъ. Я машинально началъ ее читать, но остановился на первыхъ же фразахъ, и впалъ въ состояніе, близкое къ прежнему оцѣпенѣнію. Только въ груди, вмѣстѣ съ обычной тоскою, чувствовалась еще какое-то неопредѣленное судорожное волненіе. Такъ прошло не знаю сколько времени.

Въ корридорѣ послышались тяжелые шаги, и въ комнату вошелъ Стэрни со своимъ обычнымъ спокойно-дѣловымъ видомъ; онъ опустился въ кресло по другую сторону стола, и вопросительно посмотрѣлъ на меня. Я молчалъ. Онъ подождалъ съ минуту, и обратился ко мнѣ съ прямымъ вопросомъ:

— Чѣмъ я могу быть полезенъ?

Я продолжалъ молчать, и неподвижно смотрѣлъ на него, какъ на неодушевленный предметъ. Онъ чуть замѣтно пожалъ плечами, и выжидательно расположился въ креслѣ.

— Мужъ Нэтти...—наконецъ, произнесъ я съ усиліемъ и полу-сознательно, въ сущности, не обращаясь къ нему.

— Я *былъ* мужемъ Нэтти,—спокойно поправилъ онъ:—мы разошлись уже давно.

— ...Истребленіе... не будетъ... жестокостью...—продолжалъ я такъ же медленно и полусознательно, повторяя ту мысль, которая окаменѣла въ моемъ мозгу.

— А, вы вотъ о чемъ,—сказалъ онъ спокойно:—но вѣдь теперь объ этомъ нѣтъ и рѣчи. Предварительное рѣшеніе, какъ вы знаете, принято совершенно иное.

— Предварительное рѣшеніе...—машинально повторилъ я.

— Что касается моего тогдашняго плана, — прибавилъ Стэрни, — то хотя я не вполнѣ отъ него отказался, но долженъ сказать, что не могъ бы теперь защищать его такъ увѣренно.

— Не вполнѣ...—повторилъ я.

— Ваше выздоровленіе и участіе въ нашей общей работѣ разрушили отчасти мою аргументацію...

— Истребленіе... отчасти,—перебилъ я, и должно быть вся тоска и мука слишкомъ ясно отразились въ моей безсознательной ироніи. Стэрни поблѣднѣлъ и тревожно взглянулъ на меня. Наступило молчаніе.

И вдругъ холодное кольцо боли съ небывалой, невыразимой силой сжало мое сердце. Я откинулся на спинку кресла, чтобы удержаться отъ безумнаго крика. Пальцы моей руки судорожно охватили что-то твердое и холодное. Я почувствовалъ тяжелое оружіе въ своей рукѣ, и стихійно-непреодолимая боль стала бѣшенымъ отчаяньемъ. Я вскочилъ съ кресла, нанося страшный ударъ Стэрни. Одна изъ ножекъ треножника попала ему въ високъ, и онъ безъ крика, безъ стона склонился на бокъ, какъ инертное тѣло. Я отбросилъ свое оружіе, оно зазвенѣло и загремѣло объ машины. Все было кончено.

Я вышелъ въ корридоръ, и сказалъ первому товарищу, котораго встрѣтилъ: „Я убилъ Стэрни“. Тотъ поблѣднѣлъ, и быстро прошелъ въ кабинетъ; но тамъ онъ, очевидно, сразу убѣдился, что помощь уже не нужна, и тотчасъ вернулся ко мнѣ. Онъ отвелъ меня въ свою комнату, и поручивъ другому, находившемуся тамъ товарищу вызвать по телефону врача, а самому итти

къ Стэрни,—остался вдвоемъ со мною. Заговорить со мною онъ не рѣшался. Я самъ спросилъ его:

— Здѣсь ли Энно?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—она уѣхала на нѣсколько дней къ Нэллѣ.

Затѣмъ снова молчаніе, пока не явился докторъ. Онъ попытался разспросить меня о происшедшемъ,—я сказалъ, что мнѣ не хочется разговаривать. Тогда онъ отвезъ меня въ ближайшую лечебницу душевно-больныхъ.

Тамъ мнѣ предоставили большое, удобное помѣщеніе, и долго не безпокоили меня. Это было все, чего я могъ желать.

Положеніе казалось мнѣ яснымъ. Я убилъ Стэрни, и тѣмъ погубилъ все. Марсіяне видятъ на дѣлѣ, чего они могутъ ожидать отъ сближенія съ земными людьми. Они видятъ, что даже тотъ, кого они считали наиболѣе способнымъ войти въ ихъ жизнь, не можетъ дать имъ ничего, кромѣ насилія и смерти. Стэрни убитъ—его идея воскресаетъ. Послѣдняя надежда исчезаетъ, земной міръ обреченъ. И я виновенъ во всемъ.

Эти идеи быстро возникли въ моей головѣ послѣ убійства, и неподвижно воцарились тамъ вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о немъ. Было сначала нѣкоторое успокоеніе въ ихъ холодной несомнѣнности. А потомъ тоска и боль стали вновь усиливаться—казалось, до безконечности.

Сюда присоединилось глубокое отвращеніе къ себѣ. Я чувствовалъ себя предателемъ всего человѣчества. Мелькала смутная надежда, что марсіяне меня убьютъ; но тотчасъ являлась мысль, что я для нихъ слишкомъ противенъ, и ихъ презрѣніе помѣшаетъ имъ сдѣлать это. Они, правда, скрывали свое отвращеніе ко мнѣ, но я ясно видѣлъ его, несмотря на ихъ усилія.

Сколько времени прошло такимъ образомъ, я не знаю. Наконецъ, врачъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что мнѣ нужна перемѣна обстановки, что я отправлюсь на Землю. Я думалъ, что за этимъ скрывается предстоящая мнѣ смертная казнь, но не имѣлъ ничего противъ. Я только просилъ, чтобы мое тѣло выбросили какъ можно дальше отъ всѣхъ планетъ,—оно могло осквернить ихъ.

Впечатлѣнія обратнаго путешествія очень смутны въ моихъ воспоминаніяхъ. Знакомыхъ лицъ около меня не было; я ни съ кѣмъ не разговаривалъ. Сознаніе не было спутано, но я почти не замѣчалъ ничего окружающаго. Мнѣ было все равно.

ЧАСТЬ IV.

I. У Вернера.

Не помню, какимъ образомъ я очутился въ лечебницѣ у доктора Вернера, моего стараго товарища. Это была земская больница одной изъ сѣверныхъ губерній, знакомая мнѣ еще раньше изъ писемъ Вернера: она находилась въ нѣсколькихъ верстахъ отъ губернскаго города, была очень скверно устроена и всегда страшно переполнена, съ необыкновенно ловкимъ экономомъ и недостаточнымъ, замученнымъ работою медицинскимъ персоналомъ. Докторъ Вернеръ велъ упорную войну съ очень либеральной земской управой изъ-за эконома, изъ-за лишнихъ бараковъ, которые она строила очень неохотно, изъ-за церкви, которую она достраивала во что бы то ни стало, изъ-за жалованья служащихъ и т. под. Больные благополучно переходили къ окончательному слабоумію вмѣсто выздоровленія, а также умирали отъ туберкулеза, благодаря недостатку воздуха и питанія. Самъ Вернеръ, конечно, давно ушелъ бы оттуда, если бы его не вынуждали оставаться совершенно особыя обстоятельства, связанныя съ его революціоннымъ прошлымъ.

Но меня всѣ прелести земской лечебницы нисколько не коснулись. Вернеръ былъ хорошій товарищъ, и не задумался пожертвовать для меня своими удобствами. Въ своей большой квартирѣ, отведенной ему какъ старшему врачу, онъ предоставилъ мнѣ двѣ комнаты, въ третьей рядомъ съ ними поселилъ молодого фельдшера, въ четвертой, подъ видомъ служителя для ухода за больнымъ—одного скрывавшагося товарища. У меня не было, конечно, прежняго комфорта, и надзоръ за мною, при всей деликатности молодыхъ товарищей, былъ гораздо грубѣе и за-

мѣтнѣе, чѣмъ у марсіянъ, но для меня все это было совершенно безразлично.

Докторъ Вернеръ, какъ и марсіянскіе врачи, почти не лечилъ меня—только давалъ иногда усыпляющія средства,—а заботился главнымъ образомъ о томъ, чтобы мнѣ было удобно и спокойно. Каждое утро и каждый вечеръ онъ заходилъ ко мнѣ послѣ ванны, которую для меня устраивали заботливые товарищи; но заходилъ онъ только на минутку, и ограничивался вопросомъ, не надо ли мнѣ чего-нибудь. Я же за долгіе мѣсяцы болѣзни совершенно отвыкъ разговаривать, и отвѣчалъ ему только „нѣтъ", или не отвѣчалъ вовсе. Но его вниманье трогало меня, а въ то же время я считалъ, что совершенно не заслуживаю такого отношенія, и что долженъ сообщить ему объ этомъ. Наконецъ мнѣ удалось собраться съ силами настолько, чтобы сказать ему, что я—убійца и предатель, и что изъ за меня погибнетъ все человѣчество. Онъ ничего не возразилъ на это, только улыбнулся, и послѣ того сталъ заходить ко мнѣ чаще.

Мало-по-малу, перемѣна обстановки оказывала свое благотворное дѣйствіе. Боль слабѣе сжимала сердце, тоска блѣднѣла, мысли становились все болѣе подвижными, ихъ колоритъ дѣлался свѣтлѣе. Я сталъ выходить изъ комнатъ, гулять по саду и въ рощѣ. Кто-нибудь изъ товарищей постоянно былъ по близости, это было непріятно, но я понималъ, что нельзя же убійцу пустить одного гулять на свободѣ; иногда я даже самъ разговаривалъ съ ними, конечно на безразличныя темы.

Была ранняя весна, и возрожденіе жизни вокругъ ужо не обостряло моихъ мучительныхъ воспоминаній; слушая чириканье птичекъ, я находилъ даже нѣкоторое грустное успокоеніе въ мысли о томъ, что онѣ останутся и будутъ жить, а только люди обречены на гибель. Разъ какъ-то возлѣ рощи меня встрѣтилъ слабоумный больной, который шелъ съ заступомъ на работу въ полѣ. Онъ поспѣшилъ отрекомендоваться мнѣ, причемъ съ необыкновенной гордостью—у него была манія величія—выдавалъ себя за урядника — очевидно высшая власть, какую онъ зналъ во время жизни на свободѣ. Въ первый разъ за всю мою болѣзнь я невольно засмѣялся. Я чувствовалъ отечество вокругъ себя, и какъ Антей, набирался—правда, очень медленно—новыхъ силъ отъ родной земли.

II. Было—не было?

Когда я сталъ больше думать объ окружающемъ, мнѣ захотѣлось узнать, извѣстно ли Вернеру и другимъ обоимъ товарищамъ, что со мной было, и что я сдѣлалъ. Я спросилъ Вернера, кто привезъ меня въ лечебницу. Онъ отвѣчалъ, что я пріѣхалъ съ двумя незнакомыми ему молодыми людьми, которые не могли сообщить ему о моей болѣзни ничего интереснаго. Они говорили, что случайно встрѣтили меня въ столицѣ совершенно больнымъ, знали меня раньше, до революціи, и тогда слышали отъ меня о докторѣ Вернерѣ, а потому и рѣшились обратиться къ нему. Они уѣхали въ тотъ же день. Вернеру они показались людьми надежными, которымъ нѣтъ основанія не вѣрить. Самъ же онъ потерялъ меня изъ виду уже нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, и ни отъ кого не могъ добиться никакихъ извѣстій обо мнѣ.

Я хотѣлъ разсказать Вернеру исторію совершеннаго мной убійства, но это представлялось мнѣ страшно труднымъ, благодаря ея сложности и множеству такихъ обстоятельствъ, которыя каждому безпристрастному человѣку должны были показаться очень странными. Я объяснилъ свое затрудненіе Вернеру, и получилъ отъ него неожиданный отвѣтъ:

— Самое лучшее, если вы вовсе не будете мнѣ теперь ничего разсказывать. Это не полезно для вашего выздоровленія. Спорить съ вами я, конечно, не буду, но исторіи вашей все равно не повѣрю. Вы больны меланхоліей, болѣзнью, при которой люди совершенно искренно приписываютъ себѣ небывалыя преступленія, и ихъ память, приспособляясь къ ихъ бреду, создаетъ ложныя воспоминанія. Но и вы мнѣ тоже не повѣрите, пока не выздоровѣете; и потому лучше отложить вашъ разсказъ до того времени.

Если бы этотъ разговоръ произошелъ нѣсколькими мѣсяцами раньше, я, несомнѣнно, увидѣлъ бы въ словахъ Вернера величайшее недовѣріе и презрѣніе ко мнѣ. Но теперь, когда моя душа уже искала отдыха и успокоенія, я отнесся къ дѣлу совершенно иначе. Мнѣ было пріятно думать, что мое преступленіе неизвѣстно товарищамъ, и что самый фактъ его еще можетъ законно подвергаться сомнѣнію. Я сталъ думать о немъ рѣже и меньше.

Выздоровленіе пошло быстрѣе; только изрѣдка возвращались приступы прежней тоски, и всегда не надолго. Вернеръ былъ явно доволенъ мною, и почти даже снялъ съ меня медицинскій надзоръ. Какъ-то разъ, вспоминая его мнѣніе о моемъ „бредѣ“, я попросилъ его дать мнѣ прочитать типичную исторію такой же болѣзни, какъ моя, изъ тѣхъ, которыя онъ набюдалъ и записывалъ въ лечебницѣ. Съ большимъ колебаніемъ и явной неохотой, онъ, однако, исполнилъ мою просьбу. Изъ большой груды исторій болѣзни онъ на моихъ глазахъ выбралъ одну и подалъ ее мнѣ.

Тамъ говорилось о крестьянинѣ отдаленной, глухой деревушки, котораго нужда привела на заработки въ столицу, на одну изъ самыхъ большихъ ея фабрикъ. Жизнь большого города его, повидимому, сильно ошеломила, и по словамъ его жены, онъ долгое время ходилъ „словно бы не въ себѣ“. Потомъ это прошло, и онъ жилъ и работалъ, какъ всѣ остальные. Когда разразилась на фабрикѣ стачка, онъ былъ за одно съ товарищами. Стачка была долгая и упорная; и ему, и женѣ, и ребенку пришлось сильно голодать. Онъ вдругъ „загрустилъ“, сталъ упрекать себя за то, что женился и прижилъ ребенка, и что вообще жилъ „не по-божески“.

Затѣмъ онъ началъ уже „заговариваться“, и его отвезли въ больницу, а изъ больницы отправили въ лечебницу той губерніи, откуда онъ былъ родомъ. Онъ утверждалъ, что нарушилъ стачку и выдалъ товарищей, а также „добраго инженера“, тайно поддерживавшаго стачку, который и былъ повѣшенъ правительствомъ. По случайности я былъ близко знакомъ со всей исторіей этой стачки—я тогда работалъ въ столицѣ; въ дѣйствительности никакого предательства тамъ не произошло, а „добрый инженеръ“ не только не былъ казненъ, но даже и не арестованъ. Болѣзнь рабочаго окончилась выздоровленіемъ.

Эта исторія придала новый оттѣнокъ моимъ мыслямъ. Стало возникать сомнѣніе, совершилъ ли я на самомъ дѣлѣ убійство, или, быть можетъ, какъ говорилъ Вернеръ, это было „приспособленіе моей памяти къ бреду меланхоліи“. Въ то время всѣ мои воспоминанія о жизни среди марсіянъ были странно-смутны и блѣдны, во многомъ даже отрывочны и неполны; и хотя картина преступленія вспоминалась всего отчетливѣе, но и она какъ-то путалась и тускнѣла передъ простыми и ясными впечатлѣніями

настоящаго. Временами я отбрасывалъ малодушныя, успокоительныя сомнѣнія, и ясно сознавалъ, что все *было*, и ничѣмъ этого измѣнить нельзя. Но потомъ сомнѣнія и софизмы возвращались; они мнѣ помогали отдѣлаться отъ мысли о прошломъ. Люди такъ охотно вѣрятъ тому, что для нихъ пріятно... И хотя гдѣ-то въ глубинѣ души оставалось сознаніе, что это—ложь, но я упорно ей предавался, какъ предаются радостнымъ мечтамъ.

Теперь я думаю, что безъ этого обманчиваго самовнушенія мое выздоровленіе не было бы ни такимъ быстрымъ, ни такимъ полнымъ.

Ш. Жизнь родины.

Вернеръ тщательно устранялъ отъ меня всякія впечатлѣнія, которыя могли-бы быть „не полезны“ для моего здоровья. Онъ не позволялъ мнѣ заходить къ нему въ самую лечебницу, и изъ всѣхъ душевно-больныхъ, которые тамъ находились, я могъ наблюдать только тѣхъ неизлечимо-слабоумныхъ и дегенератовъ, которые ходили на свободѣ, и занимались разными работами въ полѣ, въ рощѣ, въ саду; а это, правду сказать, было для меня не интересно: я очень не люблю всего безнадежнаго, всего ненужнаго и обреченнаго. Мнѣ хотѣлось видѣть острыхъ больныхъ, и именно тѣхъ, которые могутъ выздоровѣть, особенно меланхоликовъ и веселыхъ маніакальныхъ. Вернеръ обѣщалъ самъ показать мнѣ ихъ, когда мое выздоровленіе достаточно подвинется впередъ,— но все откладывалъ и откладывалъ. Такъ дѣло до этого и не дошло.

Еще больше Вернеръ старался изолировать меня отъ всей политической жизни моей родины. Повидимому, онъ полагалъ, что самое заболѣваніе возникло изъ тяжелыхъ впечатлѣній революціи; онъ и не подозрѣвалъ того, что все это время я былъ оторванъ отъ родины, и даже не могъ знать, что тамъ дѣлалось. Это полное незнаніе онъ считалъ просто забвеніемъ, обусловленнымъ моей болѣзнью, и находилъ, что оно очень полезно для меня; и онъ не только самъ ничего изъ этой области мнѣ не разсказывалъ, но запретилъ и моимъ тѣлохранителямъ; а во всей его квартирѣ не было ни единой газеты, ни единой книжки журнала послѣднихъ лѣтъ: все это хранилось въ его кабинетѣ, въ лечебницѣ. Я долженъ былъ жить на политически-необитаемомъ островѣ.

Вначалѣ, когда мнѣ хотѣлось только спокойствія и тишины, такое положеніе мнѣ нравилось. Но потомъ, по мѣрѣ накопленія силъ, мнѣ стало дѣлаться все тѣснѣе въ этой раковинѣ; я началъ приставать съ разспросами къ моимъ спутникамъ, а они, вѣрные приказу врача, отказывались мнѣ отвѣчать. Было досадно и скучно. Я сталъ искать способовъ выбраться изъ моего политическаго карантина, и попытался убѣдить Вернера, что я уже достаточно здоровъ чтобы читать газеты. Но все было безполезно: Вернеръ объяснилъ, что это еще преждевременно, и что онъ самъ рѣшитъ, когда можно будетъ перемѣнить мою умственную діэту.

Оставалось прибѣгнуть къ хитрости. Я долженъ былъ найти себѣ свободнаго сообщника изъ числа окружающихъ. Фельдшера склонить на сьою сторону было бы очень трудно: онъ имѣлъ слишкомъ высокое представленіе о своемъ профессіональномъ долгѣ. Я направилъ усилія на другого тѣлохранителя, товарища Владимира. Тутъ большого сопротивленія не встрѣтилось.

Владиміръ былъ раньше рабочимъ. Малообразованный и почти еще мальчикъ по возрасту, онъ былъ рядовымъ революціи, но уже испытаннымъ солдатомъ. Во время одного знаменитаго погрома, гдѣ множество товарищей погибло отъ пуль и въ пламени пожара, онъ пробилъ себѣ дорогу сквозь толпу погромщиковъ, застрѣливши нѣсколько человѣкъ и не получивъ, по какой-то случайности, ни одной раны. Затѣмъ онъ долго скитался нелегальнымъ по разнымъ городамъ и селамъ, выполняя скромную и опасную роль транспортера оружія и литературы. Наконецъ почва стала слишкомъ горяча подъ его ногами, и онъ вынужденъ былъ на время скрыться у Вернера. Все это я, конечно, узналъ позже. Но съ самаго начала я подмѣтилъ, что юношу очень угнетаетъ недостатокъ образованія и трудность самостоятельныхъ занятій при отсутствіи предварительной научной дисциплины. Я началъ заниматься съ нимъ; дѣло пошло хорошо, и очень скоро я навсегда завоевалъ его сердце. А дальнѣйшее было уже легко; медицинскія соображенія были вообще мало понятны Владиміру, и у насъ съ нимъ составился маленькій заговоръ, парализовавшій строгость Вернера. Разсказы Владиміра, газеты, журналы, политическія брошюры, которыя онъ тайкомъ приносилъ мнѣ, быстро развернули передо мною жизнь родины за годы моего отсутствія.

Революція шла неровно и мучительно затягивалась. Рабочій классъ, выступившій первымъ, сначала, благодаря стремительности своего нападенія, одержалъ большія побѣды; но затѣмъ, не поддержанный въ рѣшительный моментъ крестьянскими массами, онъ потерпѣлъ жестокое пораженіе отъ соединенныхъ силъ реакціи. Пока онъ набирался энергіи для новаго боя и ожидалъ крестьянскаго арьергарда революціи, между старой, помѣщичьей властью и буржуазіей начались переговоры, попытки сторговаться и столковаться для подавленія революціи. Попытки эти были облечены въ форму парламентской комедіи; онѣ постоянно оканчивались неудачей благодаря непримиримости крѣпостниковъ реакціонеровъ. Игрушечные парламенты созывались и грубо разгонялись одинъ за другимъ. Буржуазія, утомленная бурями революціи, зануганная самостоятельностью и энергіей первыхъ выступленій пролетаріата, все время шла направо. Крестьянство, въ своей массѣ вполнѣ революціонное по настроенію, медленно усваивало политическій опытъ, и пламенемъ безчисленныхъ поджоговъ освѣщало свой путь къ высшимъ формамъ борьбы. Старая власть, наряду съ кровавымъ подавленіемъ крестьянства, пыталась часть его подкупить продажею земельныхъ участковъ, но вела все дѣло въ такихъ грошовыхъ размѣрахъ и до такой степени безтолково, что изъ этого ничего не вышло. Повстанческія выступленія отдѣльныхъ партизановъ и группъ учащались съ каждымъ днемъ. Въ странѣ царилъ небывалый, невиданный нигдѣ въ мірѣ, двойной терроръ— сверху и снизу.

Страна, очевидно, шла къ новымъ, рѣшительнымъ битвамъ. Но такъ долгъ и полонъ колебаній былъ этотъ путь, что многіе успѣли утомиться и даже отчаяться. Со стороны радикальной интеллигенціи, которая участвовала въ борьбѣ главнымъ образомъ своимъ сочувствіемъ, измѣна была почти поголовная. Объ этомъ, конечно, жалѣть было нечего. Но даже среди нѣкоторыхъ моихъ прежнихъ товарищей успѣли свить себѣ гнѣздо уныніе и безнадежность. По этому факту я могъ судить, насколко тяжела и изнурительна была революціонная жизнь за минувшее время. Самъ я, свѣжій человѣкъ, помнившій предъ-революціонное время и начало борьбы, но не испытавшій на себѣ всего гнета послѣдующихъ пораженій, видѣлъ ясно безсмысленность похоронъ революціи;—я видѣлъ, насколько все измѣнилось за эти годы,

сколько новыхъ элементовъ прибавилось для борьбы, насколько невозможна остановка на равновѣсіи между реакціей и терроромъ. Новая волна была неизбѣжна и не далека.

Приходилось, однако, ждать. Я понималъ, какъ мучительно-тяжела работа товарищей въ этой обстановкѣ. Но самъ я не спѣшилъ итти туда, даже независимо отъ мнѣнія Вернера. Я находилъ, что лучше запастись силами, чтобы ихъ хватило тогда, когда онѣ понадобятся полностью.

Во время долгихъ прогулокъ по рощѣ мы съ Владимиромъ обсуждали шансы и условія предстоящей борьбы. Меня глубоко трогали его наивно-героическіе планы и мечты; онъ казался мнѣ благороднымъ, милымъ ребенкомъ, которому суждена такая же простая непритязательно-красивая смерть бойца, какова была его юная жизнь. Славныя жертвы намѣчаетъ себѣ революція, и хорошею кровью окрашиваетъ она свое пролетарское знамя...

Не одинъ Владиміръ казался мнѣ ребенкомъ. Много наивнаго и дѣтскаго, чего я раньше какъ-будто не замѣчалъ и не чувствовалъ, я находилъ и въ Вернерѣ, старомъ работникѣ революціи, и въ другихъ товарищахъ, о которыхъ вспоминалъ,—даже въ нашихъ вождяхъ... Всѣ люди, которыхъ я зналъ на землѣ, представлялись мнѣ полу-дѣтьми, подростками, смутно воспринимающими жизнь въ себѣ и вокругъ себя, полу-сознательно отдающимися внутренней и внѣшней стихійности. Въ этомъ чувствѣ не было ни капли снисходительности или презрѣнія, а была глубокая симпатія и братскій интересъ къ людямъ-зародышамъ, дѣтямъ юнаго человѣчества.

IV. Конвертъ.

Жаркое лѣтнее солнце какъ-будто растопило ледъ, окутывавшій жизнь страны. Она пробуждалась, и зарницы новой грозы уже вспыхивали на горизонтѣ, и снова глухіе раскаты начинали доноситься съ низовъ. И это солнце, и это пробужденіе согрѣвали мою душу и поднимали мои силы, и я чувствовалъ, что скоро буду здоровъ, какъ не былъ никогда въ жизни.

Въ этомъ смутно-жизнерадостномъ состояніи мнѣ не хотѣлось думать о прошломъ, и пріятно было сознавать, что я забытъ всѣмъ міромъ, забытъ всѣми... Я разсчитывалъ воскреснуть для

товарищей въ такое время, когда никому и въ голову не придетъ меня спрашивать о годахъ моего отсутствія,—когда всѣмъ будетъ слишкомъ не до того, и мое прошлое потонетъ надолго въ бурныхъ волнахъ новаго прилива. А если мнѣ случалось подмѣчать факты, вызывавшіе сомнѣніе въ надежности этихъ расчетовъ, во мнѣ зарождалась тревога и безпокойство, и неопредѣленная враждебность ко всѣмъ, кто могъ еще обо мнѣ помнить.

Въ одно лѣтнее утро Вернеръ, вернувшись изъ лечебницы съ обхода больныхъ, не ушелъ въ садъ отдыхать, какъ онъ дѣлалъ обыкновенно, потому что эти обходы страшно его утомляли,— а пришелъ ко мнѣ, и сталъ очень подробно распрашивать меня о моемъ самочувствіи. Мнѣ показалось, что онъ запоминалъ мои отвѣты. Все это было не вполнѣ обычно, и сначала я подумалъ что онъ какъ-нибудь случайно проникъ въ тайну моего маленькаго заговора. Но изъ разговора я скоро увидѣлъ, что онъ ничего не подозрѣваетъ. Потомъ онъ ушелъ опять-таки не въ садъ, а къ себѣ въ кабинетъ, и только черезъ полчаса я увидѣлъ его въ окно гуляющимъ по его любимой темной аллеѣ. Я не могъ не думать объ этихъ мелочахъ, потому что ничего болѣе крупнаго вокругъ меня вообще не было. Послѣ различныхъ догадокъ, я остановился на томъ, наиболѣе правдоподобномъ предположеніи, что Вернеръ хотѣлъ написать кому-то, — очевидно, по спеціальной просьбѣ,—подробный отчетъ о состояніи моего здоровья. Почту къ нему всегда приносили утромъ въ его кабинетъ въ лечебницѣ,—въ этотъ разъ онъ, должно быть, получилъ тамъ письмо съ запросомъ обо мнѣ.

Отъ кого письмо, и зачѣмъ?—узнать, и притомъ немедленно, было необходимо для моего успокоенія. Спрашивать Вернера было безполезно,—онъ почему-нибудь, очевидно, не находилъ возможнымъ сказать мнѣ это, иначе сказалъ бы и самъ, безъ всякихъ вопросовъ. Не зналъ ли чего-нибудь Владиміръ? Нѣтъ, оказалось, что онъ не зналъ ничего. Я сталъ придумывать, какимъ бы способомъ добраться до истины.

Владиміръ былъ готовъ оказать мнѣ всякую услугу. Мое любопытство онъ считалъ вполнѣ законнымъ, скрытность Вернера,— неосновательной. Онъ, не задумываясь, произвелъ цѣлый обыскъ въ комнатахъ Вернера и въ его медицинскомъ кабинетѣ,—но не нашелъ ничего интереснаго.

— Надо полагать, — сказалъ Владимиръ, — что онъ либо носитъ это письмо при себѣ, либо изорвалъ его и бросилъ.

— А куда онъ бросаетъ обыкновенно изорванныя письма и бумаги,—спросилъ я.

— Въ корзину, которая стоитъ у него въ кабинетѣ подъ столомъ,—отвѣчалъ Владимиръ.

— Хорошо, въ такомъ случаѣ принесите мнѣ всѣ клочки, которые вы найдете въ этой корзинѣ.

Владиміръ ушелъ, и скоро вернулся.

— Тамъ нѣтъ никакихъ клочковъ, — сообщилъ онъ, — а вотъ что я нашелъ тамъ: конвертъ письма, полученнаго, судя по штемпелю, сегодня.

Я взялъ конвертъ и взглянулъ на адресъ. Земля поплыла у меня изъ-подъ ногъ, и стѣны стали валиться на меня...

Почеркъ Нэтти!

V. Итоги.

Среди того хаоса воспоминаній и мыслей, который поднялся въ моей душѣ, когда я увидѣлъ, что Нэтти была на Землѣ и не хотѣла встрѣтиться со мной, для меня вначалѣ былъ ясенъ только конечный выводъ. Онъ возникъ какъ-будто самъ собой, безъ всякаго замѣтнаго логическаго процесса, и былъ внѣ всякаго сомнѣнія. Но я не могъ ограничиться тѣмъ, чтобы просто осуществить его поскорѣе. Я хотѣлъ достаточно и отчетливо мотивировать его для себя—и для другихъ. Особенно не могъ я примириться съ тѣмъ, что меня не поняла бы и Нэтти,—и приняла бы за простой порывъ чувства то, что было логической необходимостью, что неизбѣжно вытекало изъ всей моей исторіи.

Поэтому я долженъ былъ прежде всего послѣдовательно разсказать свою исторію,—разсказать для товарищей, для себя, для Нэтти... Таково происхожденіе этой моей рукописи. Вернеръ, который прочитаетъ ее первымъ—на другой день послѣ того какъ мы съ Владимиромъ исчезнемъ, — позаботиться о томъ, чтобы она была напечатана,—конечно, со всѣми необходимыми, ради конспираціи, измѣненіями. Это мое единственное завѣщаніе ему. Очень жалѣю, что мнѣ не придется пожать ему руку на прощанье...

По мѣрѣ того какъ я писалъ эти воспоминанья, прошлое прояснялось передо мной, хаосъ уступалъ мѣсто опредѣленности.

моя роль и мое положеніе точно обрисовывались передъ сознаніемъ. Въ здравомъ умѣ и твердой памяти, я могу теперь подвести всѣ итоги...

Совершенно безспорно, что задача, которая была на меня возложена, оказалось выше моихъ силъ. Въ чемъ заключалась причина неуспѣха? И какъ объяснить ошибку проницательнаго, глубокаго психолога Мэнни, сдѣлавшаго такой неудачный выборъ?

Я припоминаю свой разговоръ съ Мэнни объ этомъ выборѣ, разговоръ, происходившій въ то счастливое для меня время, когда любовь Нэтти внушала мнѣ безпредѣльную вѣру въ свои силы.

— Какимъ образомъ,—спросилъ я, — вы, Мэнни, пришли къ тому, что изъ массы разнообразныхъ людей нашей страны, которыхъ вы встрѣчали въ своихъ поискахъ, вы признали меня наиболѣе подходящимъ для миссіи представителя Земли?

— Выборъ былъ не такъ ужъ обширенъ,—отвѣчалъ онъ.— Его сфера должна была съ самаго начала ограничиваться представителями научно-революціоннаго соціализма; всѣ другія міровоззрѣнія отстоятъ гораздо дальше отъ нашего міра.

Хорошо, но вѣдь и среди этого теченія вы встрѣчали людей, несомнѣнно, гораздо болѣе сильныхъ и одаренныхъ, чѣмъ я. Вы знали того, кого мы въ шутку называемъ Старцемъ Горы; вы знали товарища Поэта...

— Да, я внимательно наблюдалъ ихъ. Но Старецъ Горы— это человѣкъ исключительно борьбы и революціи; наша обстановка ему совершенно не подходитъ. Онъ человѣкъ желѣзный, а желѣзные люди не гибки; въ нихъ много стихійнаго консерватизма. Что же касается Поэта—у него не хватило бы здоровья. Онъ черезчуръ много пережилъ, скитаясь по всѣмъ слоямъ вашего міра, чтобы ему легко было пережить еще переходъ къ нашему. Кромѣ того, оба они—и политическій вождь, и художникъ слова, къ которому прислушиваются милліоны,—слишкомъ необходимы для той борьбы, которая теперь у васъ ведется.

— Послѣднее соображеніе для меня вполнѣ убѣдительно. Но въ такомъ случаѣ я напомню вамъ о философѣ Мірскомъ. Его профессіональная привычка становиться на самыя различныя точки зрѣнія, сравнивать и примирять ихъ, мнѣ кажется, очень облегчила бы для него трудности дѣла.

— Да, но вѣдь онъ — человѣкъ, главнымъ образомъ, отвлеченной мысли. Пережить новое существованіе чувствомъ и волею, для этого едва ли у него достаточно душевной свѣжести. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе даже нѣсколько утомленнаго человѣка; а это, вы понимаете, наибольшее препятствіе.

— Пусть такъ. Но среди пролетаріевъ, образующихъ основу и главную силу нашего направленія,—развѣ среди нихъ вы не могли всего легче найти то, что вамъ было надо?

— Да, искать тамъ было бы всего вѣрнѣе. Но... у нихъ обыкновенно не хватаетъ одного условія, которое я считалъ необходимымъ: широкаго, разносторонняго образованія, стоящаго на всей высотѣ вашей культуры. Это отклонило линію моихъ поисковъ въ другую сторону.

Такъ говорилъ Мэнни. Его расчеты не оправдались. Значило ли это, что ему вообще некого было взять,—что различіе обѣихъ культуръ составляетъ непроходимую пропасть для отдѣльной личности, и преодолѣть его можетъ только общество? Думать такъ было бы, пожалуй, утѣшительно для меня лично; но у меня остается серьезное сомнѣніе. Я полагаю, что Мэнни слѣдовало бы еще провѣрить его послѣднее соображеніе—то, которое касалось товарищей рабочихъ.

На чемъ именно я потерпѣлъ крушеніе?

Въ первый разъ это произошло такимъ образомъ, что нахлынувшая на меня масса впечатлѣній чуждой жизни, ея грандіозное богатство затопило мое сознаніе и размыло линіи его береговъ. Съ помощью Нэтти, я пережилъ кризисъ и справился съ нимъ. Но не былъ ли самый кризисъ усиленъ и преувеличенъ той повышенной чувствительностью, той утонченностью воспріятія, которая свойственна людямъ спеціально умственнаго труда? Быть можетъ, для натуры нѣсколько болѣе примитивной, нѣсколько менѣе сложной, но зато органически болѣе стойкой и прочной, все обошлось бы легче, переходъ былъ бы менѣе болѣзненнымъ? Быть можетъ, для мало образованнаго пролетарія войти въ новое, высшее существованіе было бы не такъ трудно, потому что, хотя ему пришлось бы больше учиться вновь, но зато гораздо меньше надо было бы переучиваться, а именно это тяжелѣе всего... Мнѣ кажется, что да; и я думаю, что Мэнни тутъ

впалъ въ ошибку расчета, придавая уровню культурности больше значенія, чѣмъ культурной силѣ развитія.

Во второй разъ, то, обо что разбились мои душевныя силы, это былъ самый характеръ той культуры, въ которую я попытался войти всѣмъ моимъ существомъ: меня подавила ея высота, глубина ея соціальной связи, чистота и прозрачность ея отношеній между людьми. Рѣчь Стэрни, грубо выразившая всю несоизмѣрность двухъ типовъ жизни, была только поводомъ, только послѣднимъ толчкомъ, сбросившимъ меня въ ту темную бездну, къ которой тогда стихійно и неудержимо вело меня противорѣчіе между моей внутренней жизнью и всей соціальной средой, на фабрикѣ, въ семьѣ, въ общеніи къ друзьями. И опять-таки, не было ли это противорѣчіе гораздо болѣе сильнымъ и острымъ именно для меня, революціонера-интеллигента, всегда девять десятыхъ своей работы выполнявшаго либо просто въ одиночку, либо въ условіяхъ односторонняго неравенства съ товарищами-сотрудниками, какъ ихъ учитель и руководитель,—въ обстановкѣ обособленія моей личности среди другихъ? Не могло ли противорѣчіе оказаться слабѣе и мягче для человѣка, девять десятыхъ своей трудовой жизни переживающаго, хотя бы въ примитивной и неразвитой, но все же въ товарищеской средѣ, съ ея, быть можетъ, нѣсколько грубымъ, но дѣйствительнымъ равенствомъ сотрудниковъ? Мнѣ кажется, что это такъ; и я полагаю, что Мэнни слѣдовало бы возобновить его попытку, но уже въ новомъ направленіи...

А затѣмъ, для меня остается то, что было между двумя крушеніями, то, что дало мнѣ энергію и мужество для долгой борьбы, то, что и теперь позволяетъ мнѣ безъ чувства униженія подводить ея итоги. Это—любовь Нэтти.

Безспорно, любовь Нэтти была недоразумѣніемъ,—ошибкой ея благороднаго и пылкаго воображенія. Но такая ошибка оказалась возможна,—этого никто не отниметъ, и ничто не измѣнитъ. Въ этомъ для меня ручательство за дѣйствительную близость двухъ міровъ, за ихъ будущее сліяніе въ одинъ, невиданно-прекрасный и стройный.

А самъ я... но тутъ нѣтъ никакого итога. Новая жизнь мнѣ недоступна, а старой—я уже не хочу: я не принадлежу ей больше ни своей мыслью, ни своимъ чувствомъ. Выходъ ясенъ.

Пора кончать. Мой сообщникъ дожидается меня въ саду; вотъ его сигналъ. Завтра мы оба будемъ далеко отсюда, на пути туда, гдѣ жизнь кипитъ и переливается черезъ край, гдѣ такъ легко стереть ненавистную для меня границу между прошлымъ и будущемъ. Прощайте, Вернеръ, старый, хорошій товарищъ.

Да здравствуетъ новая, лучшая жизнь, и привѣтъ тебѣ, ея свѣтлый призракъ, моя Нэтти!

Изъ письма доктора Вернера литератору Мірскому.

(Письмо безъ всякой даты—очевидно, по разсѣянности Вернера).

. . . . . .

Канонада уже давно замолкла, а раненыхъ все везли и везли. Громадное большинство ихъ были не милиціонеры и не солдаты, а мирные обыватели; было много женщинъ, даже дѣтей: всѣ граждане равны передъ шраннелью. Въ мой госпиталь, ближайшій къ театру битвы, везли главнымъ образомъ милиціонеровъ и солдатъ. Многія раны отъ шраппели и гранатныхъ осколковъ производили потрясающее впечатлѣніе даже на меня, стараго врача, когда-то нѣсколько лѣтъ работавшаго по хирургіи. Но надъ всѣмъ этимъ ужасомъ носилось и господствовало одно свѣтлое чувство, одно радостное слово: „побѣда!“

Это наша первая побѣда въ настоящемъ большомъ сраженіи. Но для всякаго ясно, что она—рѣшаетъ дѣло. Чашки вѣсовъ наклонились въ другую сторону. Переходъ къ намъ цѣлыхъ непріятельскихъ полковъ съ артиллеріей—ясное знаменіе. Страшный судъ начался. Приговоръ будетъ не милостивъ, но справедливъ. Давно пора кончать...

На улицахъ кровь и обломки. Солнце отъ дыма пожаровъ и канонады стало совсѣмъ краснымъ. Но не зловѣщимъ кажется оно нашимъ глазамъ, а радостно-грознымъ. Въ душѣ звучитъ боевая пѣсня, пѣсня побѣды . . . . . .

. . . . . .

Леонида привезли въ мой госпиталь около полудня. У него одна опасная рана въ грудь, и нѣсколько легкихъ ранъ, почти царапинъ. Онъ еще среди ночи отправился съ пятью „гренадерами“ въ тѣ части города, которыя находились во власти непріятеля; порученіе заключалось въ томъ, чтобы нѣсколькими отчаянными нападеніями вызвать тамъ тревогу и деморализацію. Онъ самъ предложилъ этотъ планъ, и самъ вызвался на его выполненіе. Какъ человѣкъ, въ прежніе годы много работавшій здѣсь, и хорошо знакомый со всѣми закоулками города, онъ могъ выполнить отчаянное предпріятіе лучше другихъ, и главный начальникъ милиціи, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, согласился. Имъ удалось добраться со своими гранатами до одной изъ непріятельскихъ баттарей и съ крыши взорвать нѣсколько ящиковъ со снарядами. Среди вызванной взрывами паники они спустились внизъ, перепортили орудія и взорвали остальные снаряды. При этомъ Леонидъ получилъ нѣсколько легкихъ ранъ отъ осколковъ. Затѣмъ, во время поспѣшнаго отступленія, они наткнулись на отрядъ непріятельскихъ драгунъ. Леонидъ передалъ команду Владиміру, который былъ его адъютантомъ, а самъ съ послѣдними двумя гранатами скользнулъ въ ближайшія ворота, и остался въ засадѣ, пока остальные отступали, пользуясь всякими случайными прикрытіями, и энергично отстрѣливаясь. Онъ пропустилъ мимо себя большую часть непріятельскаго отряда, и бросилъ первую гранату въ офицера, а вторую—въ ближайшую, группу драгунъ. Весь отрядъ безпорядочно разбѣжался, а наши, вернувшись, подобрали Леонида, тяжело раненаго осколкомъ второй своей гранаты. Они благополучно доставили его къ нашимъ линіямъ еще до разсвѣта, и передали на мое попеченіе.

Осколокъ сразу удалось вынуть, но легкое задѣто, и положеніе серьезное. Я устроилъ больного какъ можно лучше и удобнѣе, но одного, конечно, я не могъ ему дать—это полнаго покоя, который ему необхо-

димъ. Съ разсвѣтомъ общая битва возобновилась, ея шумъ былъ слишкомъ хорошо слышенъ у насъ, и безпокойный интересъ къ ея перипетіямъ усиливалъ лихорадочное состояніе Леонида. Когда начали привозить другихъ раненыхъ, онъ сталъ волноваться еще болѣе, и я былъ вынужденъ, насколько возможно, изолировать его, помѣстивши за ширмами, чтобы онъ по крайней мѣрѣ не видѣлъ чужихъ ранъ.

. . . . . .

Около 4-хъ часовъ дня сраженье уже кончилось, и исходъ былъ ясенъ. Я былъ занятъ изслѣдованьемъ и распредѣленіемъ раненыхъ. Въ это время мнѣ передали карточку той особы, которая нѣсколько недѣль тому назадъ письменно справлялась у меня о здоровьѣ Леонида, а потомъ была у меня сама послѣ бѣгства Леонида, и должна была заѣхать къ Вамъ съ моей рекомендаціей, чтобы ознакомиться съ его рукописью. Такъ какъ эта дама, несомнѣнно, товарищъ, и повидимому, врачъ, то я пригласилъ ее прямо къ себѣ, въ палату. Она, какъ и прошлый разъ, когда я ее видѣлъ, была подъ темнымъ вуалемъ, который сильно маскировалъ черты ея лица.

— Леонидъ у васъ? — спросила она, не здороваясь со мною.

— Да, — отвѣчалъ я, — но не слѣдуетъ особенно тревожиться: хотя его рана и серьезна, однако я полагаю, его возможно вылечить.

Она быстро и умѣло задала мнѣ рядъ вопросовъ, чтобы выяснить положеніе больного. Затѣмъ она заявила, что желаетъ его видѣть.

— А не можетъ ли это свиданіе взволновать его? — возразилъ я.

— Несомнѣнно, да, — былъ ея отвѣтъ, — но это принесетъ ему меньше вреда, чѣмъ пользы. Я ручаюсь вамъ за это.

Ея тонъ былъ очень рѣшительный и увѣренный. Я чувствовалъ, что она знаетъ, что говоритъ, и не могъ отказать ей. Мы прошли въ ту палату, гдѣ

лежалъ Леонидъ, и я жестомъ показалъ ей, чтобы она прошла за ширмы; но самъ остался по сосѣдству, у постели другого тяжело-раненаго, которымъ мнѣ все равно предстояло заняться. Я хотѣлъ слышать весь ея разговоръ съ Леонидомъ, чтобы вмѣшаться, если это потребуется.

Уходя за ширмы, она нѣсколько приподняла вуаль. Ея силуетъ былъ виденъ для меня черезъ мало-прозрачную ткань ширмъ, и я могъ различить, какъ она наклонилась надъ больнымъ.

— Маска..., — произнесъ слабый голосъ Леонида.

— Твоя Нэтти! — отвѣчала она, и столько нѣжности и ласки было вложено въ эти два слова, сказанныя тихимъ, мелодичнымъ голосомъ, что мое старое сердце задрожало въ груди, охваченное до боли радостнымъ сочувствіемъ.

Она сдѣлала какое-то рѣзкое движеніе рукою, точно разстегивала воротничекъ, и, какъ мнѣ показалось, сняла съ себя шляпу съ вуалемъ, а затѣмъ еще ближе наклонилась къ Леониду. Наступило минутное молчаніе.

— Значитъ, я умираю, — сказалъ онъ тихо, тономъ вопроса.

— Нѣтъ, Лэнни, жизнь передъ нами. Твоя рана не смертельна, и даже не опасна...

— А убійство? — возразилъ онъ болѣзненно-тревожно.

— Это была болѣзнь, мой Лэнни. Будь спокоенъ, этотъ порывъ смертельной боли не станетъ никогда между нами, ни на пути къ нашей великой общей цѣли. Мы достигнемъ ея, мой Лэнни...

Легкій стонъ вырвался изъ его груди, но это небылъ стонъ боли. Я ушелъ, потому что относительно моего больного уже выяснилъ то, что мнѣ было надо, а подслушивать больше не слѣдовало, и было не зачѣмъ. Черезъ нѣсколько минутъ незнакомка, опять въ шляпкѣ и въ вуали, вызвала меня снова.

— Я возьму Леонида къ себѣ, — заявила она. — Леонидъ самъ желаетъ этого, и условія для леченія у меня лучше, чѣмъ здѣсь, такъ что вы можете быть спокойны. Два товарища дожидаются внизу; они перенесутъ его ко мнѣ. Распорядитесь дать носилки.

Спорить не приходилось: въ нашемъ госпиталѣ всѣ условія, дѣйствительно, не блестящія. Я спросилъ ея адресъ — это очень близко отсюда, — и рѣшилъ завтра же зайти къ ней навѣстить Леонида. Двое рабочихъ пришли и осторожно унесли его на носилкахъ. . . . . .

. . . . . .

(Приписка, сдѣланная на слѣдующій день.)

И Леонидъ, и Нэтти безслѣдно изчезли. Сейчасъ я зашелъ на ихъ квартиру: двери отперты, комнаты пусты. На столѣ въ большой залѣ, въ которой одно огромное окно отворено настежъ, я нашелъ записку, адресованную мнѣ. Въ ней дрожащимъ почеркомъ было написано всего нѣсколько словъ:

„Привѣтъ товарищамъ. До свиданья.

Вашъ Леонидъ.“

Странное дѣло — у меня нѣтъ никакого безпокойства. Я смертельно усталъ за эти дни, видѣлъ много крови, много страданій, которымъ не могъ помочь, насмотрѣлся картинъ гибели и разрушенія; а на душѣ все такъ же радостно и свѣтло.

Все худшее позади. Борьба была долгая и тяжелая, но побѣда передъ нами... Новая борьба будетъ легче...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Письмо д-ра Вернера	5
Рукопись Леонида	7

Часть I.

I. Разрывъ	7
II. Приглашеніе	11
III. Ночь	15
IV. Объясненіе	19
V. Отплытіе	22
VI. Этеронефъ	26
VII. Люди	30
VIII. Сближеніе	36
IX. Прошлое	40
X. Прибытіе	49

Часть II.

I. У Мэнни	52
II. На заводѣ	56
III. Домъ дѣтей	63
IV. Музей искусства	70
V. Въ лечебницѣ	79
VI. Работа и призраки	85
VII. Нэтти	91

Часть III.

I. Счастье	95
II. Разлука	96
III. Фабрика одежды	98
IV. Энно	102

стр.
V. У Нэллы 105
VI. Въ поискахъ 111
VII. Стэрни 114
VIII. Нэтти 123
IX. Мэнни 127
X. Убійство 130

Часть IV.

I. У Вернера 136
II. Было—не было? 138
III. Жизнь родины 140
IV. Конвертъ 143
V. Итоги 145
Отрывки изъ письма д-ра Вернера. 150